Л. МАСЯНОВ

ГИБЕЛЬ УРАЛЬСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

Нью Иорк
1963

Все книги издания Всеславянского Издательства выходят при благосклонном участии и поддержке князя Сергея Сергеевича Белосельского

Л. Масянов

ГИБЕЛЬ

УРАЛЬСКОГО

КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

Л. Масянов

ГИБЕЛЬ УРАЛЬСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

ОЧЕРК

Портреты и рисунки автора

Всеславянское Издательство
Нью Йорк
1963

Published by All-Slavic Publishing House, Inc.
46 Great Jones St., New York 12, N. Y.

УРАЛЬСКИЕ КАЗАКИ.

На краю Руси обширной,
Вдоль Урала берегов,
Проживает тихо мирно
Войско кровных казаков.
Знают все икру Урала
И уральских осетров
Только знают очень мало
Про уральских казаков.

Уральская казачья песня.

Так это было в действительности. Цель моего очерка поведать читателю кто такие были Уральские казаки, где они жили, чем они жили и как они жили.

Земля Уральского Казачьего Войска была расположена по правому берегу реки Урала начиналась она от границ Оренбургского Казачьего Войска и тянулась до берегов Каспийского моря. С Запада Уральцы имели соседями Самарскую губернию и Букеевских киргиз, по левому берегу реки Урала казакам принадлежала узенькая полоска лугов. Там была страна Зауральных киргиз.

Уральские казаки жили в тупике среди своих необъятных степей, окруженные на две трети киргизскими племенами. Благодаря такой изолированности Уральцы больше чем другие Казачьи Войска сохранили быт и обычаи старинного казачества. С самого зарождения, Уральское Войско проявило себя как войско бунтарское. Оно всё время имело большие трения с Центральным Российским Правительством, которое в течение всей истории старалось его подчинить окончательно своей воле.

Выполняя наряды Российского Государства на свой манер, Войско участвовало буквально во всех внешних войнах и пользовалось большой заслуженной боевой славой. Но стоило только Государству начать вводить какие-либо изменения в жизни казаков, казаки видели в этом посягательство на свободу, восставали и их „не желам" много приносило хлопот, а самим казакам всегда стоило очень дорого.

В одно из очередных восстаний, Петр Великий только чудом не уничтожил Яицкое в то время войско. Спас его от гибели преобразователь Юго-Восточного Края Неплюев, сподвижник Петра.

Он доказал, что такой энергичный сплоченный народ, полезный для Государства, нельзя уничтожать. В дальнейшем были большие смуты из-за выборных атаманов и из-за религии.

В Яицком Войске было очень много старообрядцев, бежавших от гонений из России, так вот их во что бы то ни стало хотели насильно перевести в Никоновскую веру.

В Войско почти беспрерывно вводились правительственные войска из Оренбурга.

И в 1772 году, когда пришел на Яик генерал Траубенберг, с артиллерией и пехотой, на него набросились казаки, артиллеристов перебили, растерзали самого Траубенберга и Войскового Атамана Тамбовцева, который был на стороне Правительства. За этим событием последовало то, что, по приказу Екатерины, пришел отряд в 3000 человек, под командой генерала Фреймана, и жестоко покарал казаков, многих казнил, многих порол и сажал в тюрьмы и многих услал в Сибирь на поселение.

Вот в такое-то тревожное время и пришел на Яик Донской казак Емельян Пугачев. Яицкие казаки, сомневаясь, что он действительно Император, всё же нашли, что момент подходящий и решили тряхнуть Москвой.

Описывать этот мятеж не входит в мои планы, можно сказать что Войско, после подавления этого мятежа, сильно пострадало и совершенно обезлюдило.

И Войско Яицкое, по приказу Екатерины II, стало называться Войском Уральским, река Яик рекой Уралом, а Яицкий Городок, городом Уральском. Екатерину Великую силь-

но не взлюбили казаки и, наоборот, большими симпатиями пользовался Павел I, вероятно, потому, что он предал забвению Пугачевский бунт и выразил желание иметь при себе гвардейскую сотню Уральцев.

Сотня была сформирована под командой Севрюгина и была в большом фаворе у Императора.

Когда во дворце решено было задушить Павла, то граф Панин предусмотрительно услал Уральскую сотню в Царское Село, боясь, что Уральцы вступятся за него. И до последнего времени многие берегли неразменный серебряный рубль Павла с изречнием „Не нам, не нам, а имени Твоему".

В дальнейшем у казаков было упорное мнение, что все обиды и несправедливости шли от ставленников Государя и что Государю об этом ничего неизвестно, поэтому они часто посылали делегатов к Государю, но их всегда перехватывали и наказывали.

В 1803 году вводилось новое положение и формы. Произошло восстание и когда князь Волконский, присланный на усмирение, стал допрашивать зачинщика Ефима Павлова казака, то последний, как в песне говорится, такой ответ держал:

Не тебе б меня, добра молодца,
Не тебе б меня здесь допрашивать
И не мне бы, разудалому,
На твои речи ответ сказывать,
Правду истину поведовать,
А спроси ка нас сам Батюшка
Православный Царь
Я б сказал правду истину.

В 1837 году наследник престола Александр посетил Уральск.

В этот период у Уральцев было большое недовольство Наказным Атаманом. На площади, запруженной народом, группа казаков-стариков по сигналу хватаются за колеса царской кареты и остановливают ее. Падают на колени и подают челобитную выглянувшему испуганному наследнику. Результат оказался плачевный. Всех этих стариков приказано было выпороть и отправить в Сибирь. Сотня, конвоировавшая Наследника, была расформирована.

Последняя смута произошла при введении всеобщей воинской повинности в 1874 году. В этом году были введены

в жизни Уральцев различные реформы, касавшиеся их военной службы и самоуправления. Между прочим вводилась для каждого казака военная служба, что в корне изменяло прежний порядок отбывания воинской повинности. Уральские казаки выросли с недоверием к центральной власти и, как огня, боялись ее вмешательства в их внутренние дела. Когда начальство узнало, что среди казаков появилось недовольство, преимущественно среди стариков, игравших всегда большую роль среди старообрядческого патриархального населения, оно распорядилось отбирать поголовно „подписку" о принятия нового положения, причем подписываться предлагали на чистых листах.

Вот тут-то и заварилась каша, которую начальству пришлось расхлебывать в течение десятка лет и в результате которой была массовая ссылка казаков с семьями в административном порядке на поселение в пустынные части Сыр-Дарьинской и Аму-Дарьинской областей Туркестанского края.

Давать подписку Уральцы решительно отказались, мотивируя свой отказ двумя резонами: во-первых, они не знают что подписывают на белых листах, во-вторых, по своим религиозным убеждениям, которые запрещают им давать клятвенные обещания и пр.. Этот второй резон, основанный на религиозном суеверии, принял массовый характер. Угрозы и насильственные меры начальства только усилили пассивное сопротивление, принявшее характер мученичества за веру! Женщины запрещали сыновьям и мужьям подчиняться новому положению и давать подписку, считая это великим грехом. Отцы грозили проклятиями сыновьям и первыми пошли под арест; процессии арестованных, почтенных бородатых стариков, под конвоем военной стражи, только подливали масла в огонь, и арестовать пришлось чуть не поголовно всех.

Для устрашения решили сослать первые партии. Это было в 1875 году. Арестованные сопротивлялись, их приходилось тащить силой, что при сотнях арестованных представляло не легкую задачу для конвоя. Стариков истязали и затем силой втаскивали на телеги и увозили. Вообще, картина всего этого насилия носила дикий и возмутительный характер.

Вот эти-то казаки Уральские, ушедшие в ссылку, назывались „уходцами". Ссылка была бессрочная. Выслано было око-

ло трех тысяч казаков, а в 1875 году выслали к ним их семьи, всего около 7 с половиной тысяч. Железной дороги тогда не было, так что это небывалое полчище шло походным порядком, конечно, не мало стариков и детей перемерло в дороге. Много горя и нужды вынесли казаки на чужбине. Губернатор края неоднократно обращался к правительству улучшить их положение, но безрезультатно. В 1891 году, по случаю 300-летия Уральского Казачьего Войска, Наказной Атаман генерал Шипов, который с большими симпатиями относился к Уральцам, ходатайствовал перед правительством о возвращении казаков уходцев на Урал. Правительство согласилось при условии представления казаками заявления о полном раскаянии в содеянном. Уходцы принебрегли этой Монаршей милостью. Только, когда случилась революция в 1917 году, уральцы послали приглашение уходцам и многие вернулись на Урал. Конечно, из тех, которые были высланы в 1875 году почти никого не осталось в живых, вернулись же их дети и внуки и сразу им пришлось принять участие в гражданской войне.

В 1914 году, когда началась Германская война, было мобилизовано плюс к трем полкам действительной службы еще 6 льготных.

Когда льготной дивизии объявили, что командовать дивизией будет ген. Кауфман-Туркестанский, — казаки заявили, что не хотят иметь командиром немца. Наказной Атаман принужден был запросить правительство, откуда последовало разъяснение кто такой Кауфман-Туркестанский и только тогда казаки успокоились.

Как я уже сказал, Уральцы, несмотря на все смуты, были верными слугами Государю и на своих степных маштаках были на всех полях сражений Российского Государства и слава о воинах, была великолепная.

Привожу один из подвигов Уральцев, воспетый во многих песнях. Произошло это в Туркестане в декабре месяце 1864 года. Сотня Уральцев под командой есаула Серова, в составе сотника Абрамичева, пяти урядников, 98 казаков и 4 артиллеристов, при одном орудии, была выслана в степь на розыск из форта Перовска и была окружена в степи, недале-

ко от селения Икан, кокандской армией численностью в 10.000 человек, при трех орудиях.

Сотник Абрамичев и половина сотни были убиты, 36 казаков были ранены и 4 артиллериста также.

Государь великолепно наградил сотню и погибшим на месте боя был воздвигнут памятник.

В степи широкой под Иканом
Нас окружил какандец злой
И трое суток с басурманом
У нас кипел кровавый бой...

Как уже сказано, среди Уральцев было много старообрядцев различных толков и это они, главным образом, ревнители старины и всегда были против каких-либо новшеств. Вопросы религиозные среди них имели большое значение. В шестидесятых годах прошлого века, после одного из религиозных притеснений со стороны правительства, казаки решают уходить в другую землю, где есть настоящее православие. Для нахождения этой святой страны, называемой „Беловодское Царство" они посылают казака Барышникова. Казак изъездил весь свет, но такой страны не нашел. Вторичную попытку делают старообрядцы в 1898 году. Они послали трех казаков, во главе с Хохловым, чтобы, наконец, найти эту землю. Побывали они во многих странах, но опять ничего не нашли. Это событие с большой симпатией описано писателем Короленко. До самого последнего времени от Святейшего Синода ежегодно к Великому Посту приезжали в Уральск миссионеры, которые в одном из храмов устраивали диспуты с целью перевести старообрядцев в Никонианскую веру. От старообрядцев выступал ежегодно старик Мирошхин, слепой, который на выступления отвечал тезисами из Священного Писания, причем это происходило таким образом, с ним был юноша, которому Мирошхин приказывал: „Открой такую-то страницу и читай с такой-то строчки". Память его была феноменальна и оп всегда имел большой успех у старообрядцев.

Несмотря на то, что при всех столкновениях с правительством, правительство было победителем, -- всё же Уральцам удалось сохранить некоторые казачьи обычаи.

Уральское единственное Войско Российской Империи, которое до последнего дня сохранило свое общинное строе-

ние и имело общую землю, заповедную реку Урал, которая в пределах Войска принадлежала исключительно Уральцам и рыболовство на ней производилось исключительно Уральцами. Да и сами Уральцы пользовались ею только в известные периоды в году. Зимой багренье, весной и осенью плавни и некоторые другие рыболовства. Так как Уральцы исстари были рыболовами, то у них выработаны строжайшие правила и приемы этих рыболовств.

Когда германский ученый Паллас посетил Яицкое Войско в 1769 году, в Царствование Екатерины II, то он описал подробно некоторые рыболовства казаков, они остались без изменения с тех пор. В остальное время Урал сильно охранялся, не допуская браконьеров. Это вызвано необходимостью, так как низовая линия землю имела, можно сказать, пустыню, бывшее морское дно, где ничего не росло; рыболовство у низовых казаков почти было единственным средством для жизни.

Казаки же и провели в жизнь уравнение в благах своей земли. Так как станицы, расположенные выше Уральска имели хорошую землю и, занимаясь хлебопашеством могли обойтись и без рыболовства, то казаки решили не пускать красную рыбу выше Уральска. Для этой цели они с узенького деревянного моста, перекинутого через Урал спустили до дна, довольно часто, железные прутья. Рыба поднимаясь вверх по течению, доходит до этого преграждения, останавливается и возвращается обратно, ища других мест. Это сооружение называется „Учуг".

Выше же Уральское рыболовство вольное и какое угодно.

Землей каждая станица пользовалась, как хотела, по своему, даже съезд выборных от станичных обществ, так называемый Войсковой Съезд, или иначе Войсковой Круг, не вмешивался в постановления станичных сходов, он их беспрепятственно утверждал. Кстати, этот Войсковой Съезд существовали у Уральцев до самого конца, но только функции имел исключительно хозяйственного характера и даже Наказной Атаман не имел права вмешиваться в его дела.

Единственная собственость могла быть у Уральцев это фруктовый сад. Казак подавал просьбу на станичный сход

об отводе ему места для сада. Обыкновенно никаких препятствий не было, сход постановлял, Войсковой Съезд утверждал, приезжал из Уральска землемер, отмеривал пять полагающихся десятин и это была собственность казака навсегда и даже его потомков. Но удивительно, что очень немногие заводили эти сады.

Казаки относились настолько ревниво к тому что земля общая, что ее не хотели ни продавать никому и даже сдавать в аренду.

В период, когда Наказным Атаманом был генерал Н. Шипов, который, кстати сказать, был исключительным Атаманом, никак прочие бывшие до и после него. Он, получив назначение на этот пост, взялся с рвением улучшать жизнь казаков и, между прочим, задумал организовать образцовую ферму и сельско-хозяйственную школу при ней. С этой фермы каждый казак, по желанию, мог взять улучшенных производителей для скота. Большого труда стоило генералу Шипову добиться разрешения у Съезда на отчуждение земли под эту ферму.

Как видит читатель из моей исторической заметки, среди Уральцев все время была большая убыль в людях, новых же не принимали, народонаселение было плотным только в верхних станицах, там где были хорошие земли. Ниже Уральска даже к 1914 году население было редкое — это вероятно также влияло на то, что вопрос о дележке земли никогда не поднимался. Земли было много и каждый пахал где ему вздумалось, и каждый пас свои косяки лошадей, стада рогатого скота и куры баранов, где им отводил место станичный сход.

Уральцы жили богато, а некоторые казаки имели очень большое количество лошадей, рогатого скота и баранов.

Воспитание коней у коннозаводчиков было особенное. Летом, кони всегда были в степи, там они паслись и ночевали. Зимой, для них имелись помещения, но кормили их сеном, которое разбрасывали на чистом снегу и их не поили: вместе с сеном, они забирали снег; а в самом начале зимы, когда снег был не глубокий, им сена еще не давали, они как говорят „тебеневали" то есть, разрывая копытом снег, находили себе пропитание. И кони были, как дикие; их начи-

нали учить четырехлетками только. Когда приезжала ремонтная комиссия для армии, то это было зрелище, когда арканом ловили этих коней и силой подводили к ветеринару и, после принятия, накладывали тавро. И таких-то вот коней раздавали казакам новобранцам и сколько нужно было иметь знания, терпения, ловкости и храбрости, чтобы приучить такую лошадь к строю. Результатом такого воспитания получались кони выносливые, не боявшиеся ни буранов, ни дождей.

Для баранов существовали, только для зимы, камышевые загородки без крыши. Кура баранов насчитывала 500 штук и вот в загородку или двор загонялись бараны с таким рассчетом, что когда они лягут, то лежат так плотно друг к другу, что между ними ступить нельзя. И в таком виде их никакой мороз и дождь не брал, было у них там очень тепло. Их также, как и коней, зимой кормили на снегу и не поили.

Уральцы никогда не служили на кобылицах.

Несмотря на то, что Уральцы были весьма консервативны и чуждались новшеств, все же косу уже заменяла косилка; обмолотка пшеницы производилась уже не лошадьми, а паровыми молотилками, соха была давно заменена плугом. И даже к войне '4-го года уже видны были автомобили. Но патриархальный быт сидел крепко у казаков.

Я возьму для примера мою станицу Чижинскую. В моей станице, например, мой отец и дядя к праздникам Рождества и Пасхи обязательно посылали многим казакам из бедных на разговенье по пол бараньей туши, чай и сахар, а кому и материи на обновки. Также посылалось, как обычай, в день каких-нибудь поминок, сладкий пирог со свечкой и с денежкой, — но это делалось тайно. Для этого меня посылала мать, когда уже совсем темнело, и я должен был положить это на окно и быстро убежать.

Весной некоторые казаки приходили брать быков на все летние работы и возвращали их только поздней осенью. О том как помогали другие богатые казаки мне неизвестно по той причине, что все эти добрые дела делались без огласки. Среди старообрядцев было много курьёзов, придет какой-нибудь такой к отцу по делу. Подойдешь к нему поздоро-

ваться, а он руки не протягивает, потому что я не его веры. Среди казаков старообрядцев, были и такие, которые, поехав куда-либо далеко, по пути просились у кого-нибудь переночевать и это делалось таким образом: постучит в окно и прочтет молитву: „Господи Исусе Христе. Сыне Божий, помилуй нас!" Из дома отвечают „Аминь". „Пустите переночевать Христа ради".

Пускают их переночевать, но из вашего самовара они не принимают чаю, потому что вы не их веры. Они разводят огонь во дворе и там кипятят воду в привезенных с собой чайниках. Некоторые вообще самовар не признают, считая, что в нем есть что-то от дьявола. В домах старообрядцы не разрешали курить, а если по незнанию вы вздумали закурить, то казак бесцеремонно у вас вышибал папироску из рта.

Моя семья была тоже старообрядческой и вот мне родители рассказывали, как они поздней осенью на лошадях в санях возили меня крестить за 400 верст на Волгу, там в это время скрывался наш священник.

Как курьёз, могу указать читателю, что уральцы все носили бороду. Носили ее не только старообрядцы, которые считали за большой грех ее брить, но и никонианцы. Некоторые офицеры оставляли усы, брили бороды и существует шутливое стихотворение нашего поэта офицера А. Б. Карпова.

Утро, солнышко сияет,
Сотня в поле ~~выезжает,~~ выступает
Хоть всю сотню обскачи,
Всюду в ней бородачи.
Лишь я один их осрамил
Свою бороду обрил.

В войну 14-го года были большие неприятности с этими бородами, когда приходилось напяливать противогазовую маску.

У уральцев все фамилии оканчивались на буквы ов, ев и ин, никаких ич, ский и прочее не было. Поэтому, когда они принимали кого-нибудь в казаки за боевые отличия или за заслуги перед Войском, то меняли фамилии на свой лад.

И еще один курьёз. Некоторые историки, и даже Пушкин, в своей „Истории Пугачевского бунта", считают, что Яицкие

казаки произошли от Донских. Уральцы с этим категорически не соглашаются. Уральцы считают, что такие древние вольные Войска — Донское, Терское, Волжское и Яицкое — образовались самостоятельно, но что в течение истории некоторые казаки переходили из Войска в Войско.

Что Донское Войско было самое древнее и самое большое, и Яицкие казаки были в тесной связи с ним, — это уральцы признают, но по какой причине была тяга у донцов переходить к Яицким казакам, это им неизвестно. Нужно думать, что они уходили по той причине, что им что-либо не нравилось. Как пример, можно указать на Атамана Гугню — это был ушкуйник и бежал из Новгорода в то время когда Иван Грозный уничтожил Новгородское вече. Бежал он на Дон, но что-то ему не понравилось на Дону и он перешел на Яик.

Кстати, на Яике он особенно себя ничем не проявил; известен лишь тем, что нарушил прежний обычай Яицких казаков, которые, уходя в поход, бросали своих жен, а из похода привозили новых. Он свою жену сберег, а новую не привез, и вот с этой самой Гугнихи появились постоянные жены. Казаки величают ее прабабушкой Гугнихой и при всяких удобных и неудобных случаях поднимают бокал за нее.

В Уральске равенство было полное и никакие заслуги перед Войском не давали право иметь больше.

Никаких привилегированных сословий, как было в Донском Виске, кагда Государи давали донцам титулы с пожалованием земель и крестьян, в Уральском Войске не было.

Уральцы были великороссы, украинской крови не было. Были так же полноправными казаками татары, калмыки и были они великолепными казаками. Из татар было даже офицерство.

ПРИШЛОЕ НАСЕЛЕНИЕ

Город Уральск к войне 1914 года насчитывал 50 тысяч населения; из них половина была иногородних. Все коммерческие предприятия и вся торговля была в руках иногородних. Казаки не любили заниматься торговлей. Все эти коммерческие предприятия богатели за счет казаков. Все ремесленники, все служащие почт, банков и прочее были иногородние. В Уральске были казачье реальное училище и женская гимназия, также правительственные мужская и женская гимназии. Весь персонал был иногородний. Все часовщики и аптекари были евреи. Евреев было до 40 семейств и жили богато.

По станицам пришлого населения было мало. Это были, главным образом, ремесленники и торговцы. На всей территории Войска было много киргизов Букеевской Орды. Они были бесправны, служили у казаков пастухами и работали на полевых работах и, нужно сознаться, казаки их сильно эксплуатировали. Некоторые одолжали им в течение зимы чай, сахар, муку и деньги под большие проценты; они должны были отрабатывать летом.

Среди них было много конокрадов, один из них получил большую известность и был неуловим, так как был киргизами укрываем. Звали его Айдан-Галий. Он умудрялся выбирать в косяке лучших лошадей, ему, конечно помогали его сородичи, и угонял их за Урал или в Самарскую губернию. Однажды даже угнал целый косяк лошадей в 300 голов но переправить через Урал их скрытно не удалось и настигнутый принужден был бросить косяк и скрыться. Поймать его так и не удалось, по слухам он бежал в Турцию.

Казаки бесцеремонно выселяли в Букеевскую Орду киргиз, замеченных в неблаговидных поступках. Всё это пришлое население не любило казаков и казаки кровно с ними не мешались. Казаки женились только на казачках, за исключение редчайших случаев. На киргизках не женились никогда.

Теперь, с разрешения читателя, я предложу описание багренья у Уральских казаков Б. Кирова.

БАГРЕНЬЕ

Кажется мне, что тот, кто никогда не бывал на Урале или же не встречался с уральскими казаками, даже и не слыхал такого слова, а, между тем, багренье — это целое событие в жизни уральцев.

Багренье — особый вид зимнего рыболовства. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что оно существовало только на Урале.

Багренье — торжество, казачий праздник.

С осени, с началом первых холодов, красная рыба — осетры, севрюга — идет на зимовку. Она собирается в станки (стада) и, выбрав себе место, опускается на дно, где и проводит время до теплых дней. Казаки следят за Уралом и замечают эти места.

Обычно около Рождественских праздников особая комиссия из стариков, наблюдающих за Уралом, определяла, что лед достаточно окреп, чтобы выдержать всё Войско. Назначался день. Заблаговременно приготовлялись багры, подбагренники, пешни, чистилась сбруя, подновлялись сани, пеклись багренные витушки и накануне, в ночь, казаки на лучших конях выезжали на багренье. Ехали туда же жены и дети.

Казаки и казачата одеты в специальный багренный костюм: папаха с малиновым верхом, черная суконная куртка, заправленная в белые холщевые шаровары. Казачки одеты по-праздничному — в бархатные, на лисьем меху, шубы и в дорогие шали.

Выезжали целыми станицами, ездили и в одиночку, но все сливались в один поток саней и двигались, не нарушая порядка, куда вёл головной. Там ставили лошадей в строгие правильные ряды. Казаки выстраивались на обоих берегах Урала длинным фронтом, и ждали.Казачки веселыми группами толпились сзади.

На берегу стояла киргизская кибитка, и около нее собирались старшие чины Войска и их семьи.

Около девяти часов, вдали, на фоне снежной степи, показывалась тройка, конвоируемая конными казаками. Ехал атаман.

Тройка подкатывала к кибитке, и атаман, выйдя из саней, громко здоровался со станичниками. Дружный громкий ответ Войска несся в морозном воздухе.

Потом наступала торжественная тишина. На лёд, на середину Урала, выходил багренный атаман и давал знак к началу багренья.

***

Колыхнулись ряды казаков и бегом двинулись к Уралу. С длинными баграми в руках прыгали казаки с яра в глубокий снег, катились по нему вниз и бежали по льду на стремя Урала. Останавливались и пешнями начинали пробивать во льду небольшие проруби. Проходило несколько секунд. Толстый лёд прорублен. Почти одновременно поднимались древки багров, образуя целый лес, и тотчас же погружались в проруби. Начиналось багрение.

Рыба, напуганная шумом, поднималась и шла подо льдом, но встречала на своем пути багры и, поддетая крюком, подтягивалась ко льду. Сейчас же пробивалась большая прорубь и через мгновение рыба, подхваченная еще несколькими подбагренниками, уже билась на льду и замерзала. Подъезжали сани с флагом; казаки, часто с трудом, клали на них огромную рыбу и увозили в барак на берегу, куда складывался весь улов.

С большим вниманием и интересом следила толпа на берегу за тем, что делалось на льду, и появление каждой новой рыбы встречалось восторженным гулом.

Первый день, по обычаю, разбагривали лучшую ятовь недалеко от Уральска; багренье было особое. Царское багренье. Царю в дар Войско отправляло по традиции весь этот улов. Большие обозы, а в последнее время несколько вагонов, груженных рыбой, шли ежегодно в Петербург, в „презент".

***

К полудню начинали разъезжаться.

Застоявшиеся на морозе кони рвались вперед, и казаки, довольные хорошим уловом, давали им полную волю. Начиналась скачка. По ровной широкой дороге, обгоняя друг друга, неслись в санках казаки. Крупной рысью шли сытые лошади, забрасывая снежной пылью седоков.

Вихрем пролетает мимо вас пара в маленьких санках. Пригнувшись слегка к передку и выставив одну ногу из саней, сидит казак. Папаха, брови, усы и борода его белы от инея, и он, понемногу опуская вожжи, даёт лошадям все больше и больше хода. А рядом с ним, откинувшись, повернув голову от ветра и летящего из-под копыт снега, сидит молодая казачка, взвизгивая слегка на ухабах, и смеются ее черные глаза из-под соболиных бровей и сверкают на солнце белые зубы. А за ними, догоняя или уже обгоняя, мчится другая пара, там третья, четвертая... и, глядя на них, вы чувствуете, что сегодня праздник, особый, уральский праздник.

Бодрые и веселые, казаки возвращаются домой. Их ждут пироги, лепешки и весело кипящий самовар. После мороза приятно побаловаться чайком и в теплом уюте вспомнить и рассказать, что было утром.

А к вечеру начинались опять сборы, и рано утром, часто *и ночью, уезжали казаки снова багрить, на этот раз уже для* себя, на другие рубежи. И так продолжалось несколько дней.

Дворы купцов-рыбников бывали завалены рыбой и там кипела работа. Распарывались огромные рыбы и вываливались в решета мешки икры. Тут же ее разделывали, засаливали и наполняли ею большие и маленькие банки. Тут же пластали рыбу на балыки и тёшку.

У каждого рыбника гости, и он с гордостью водит их по двору. Да и было чем похвалиться. Бывали белуги в 60 пудов. Если сесть на нее верхом, то не достать земли ногами. Обойдя двор и осмотрев рыбу, все шли в комнаты пробовать новую икру и пить чай. Подавалась икра в больших мисках, одна миска сменяла другую, и радушный хозяин уговаривал попробовать из каждой:

— Эта, может быть, лучше: засол другой.

Когда гости разъезжались, в сани каждого клалась банка с икрой, и никто не смел от нее отказаться.

По всему свету рассылали купцы уральскую икру и уральских осетров, и весь мир лакомился ими.

Но многие ли знали, как казаки доставали эти сокровища из „Яика, золотого донышка"?

Б. Киров

Газета «Возрождение» Париж

ЦАРСКОЕ БАГРЕНЬЕ

Первый день багренья был отведен для Царя. Всю рыбу, пойманную в этот день, отвозили к царскому столу. Обычай этот существует со времен Царя Михаила Федоровича, первого из династии Романовых, когда яицкие казаки явились к царю с рыбным подарком и поклоном с просьбой „принять их под высокую руку". А затем повелось так, что каждый год казаки возили этот презент к царскому столу. Это не было трудно в старину, когда Яик был очень богат рыбой и его иначе не называли в песнях как „золотое донышко", и он кормил всё Войско. Но когда Яик постепенно стал оскудевать, то казакам стало труднее это делать, а, между прочим, этот обычай превратился в обязанность и существовал до революции 1917 года. Дело происходило так: Войсковая казна отпускала сумму денег на покупку красной рыбы у казаков прямо на льду, во время багренья. Но, ставки были таковы: 3 рубля яловый и 15 рублей икряный осетр. Настоящая же цена икряного осетра была 120-150-200 и больше рублей, в зависимости от величины. Вообразите себе теперь казака, который был удачлив на Царском багренье и неудачлив на своем. Какой суммы заработка он лишался. Старались как-нибудь скрыть рыбу, но это стало совершенно невозможно, потому что на Царское багренье власти запретили сводить коней с санями на лёд. Для Царского багренья отводились особые ятови и иногда оказывалось, что залежей рыбы на нём не было; тогда разбивали другой и так до тех пор, пока не наловят достаточно рыбы.

В период атаманства генерала Шипова произошел, в конце прошлого столетия, прискорбный случай. Разбили три ятови и рыбы не оказалось. Нужно было разбивать еще, но остальные рубежи не были подготовлены, и казаки отказались продолжать. Несмотря на угрозы и приказания Наказного Атамана, казаки наотрез отказались, мотивируя это тем, что у других рубежей не поставлено заграждений и напуганная рыба уйдет в море. Человек 60 было арестовано, а некоторые были усланы в Сибирь.

Приходится удивляться как это Царское правительство не отменило этот старинный обычай.

Рыбу эту к Царю везла почётная делегация в три-четыре человека из заслуженных казаков. Царь дарил кому золотые часы с своим портретом, кому золотой портсигар или что-нибудь в этом роде.

Но, вероятно, Император раздавал эту рыбу, так как её было очень много, но ни разу уральцы не получили благодарности ни от кого.

ЧЕТЫРЕ ДНЯ С НАСЛЕДНИКОМ ЦЕСАРЕВИЧЕМ НИКОЛАЕМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ*

I

Это было в Уральске, в 1891 г. Стоял август месяц, дни были солнечные, жаркие, но без духоты, свойственной этой полосе России в летние месяцы.

Мы жили на даче, окаймлённой притоком Урала, под названием Чаган, и окруженный старым, огромным, тенистым парком. Помню, что посреди парк пересекался длинной аллеей, обсаженной с обеих сторон сиренью, ветви которой сплелись и образовали очень красивый, бесконечный, тенистый туннель, сквозь который с трудом пробивались солнечные лучи; весной же в этой аллее было особенное благоухание и в душистых ветках ночью напролёт заливались соловьи.

Мой отец, генерал Н. Н. Шипов, был наказным атаманом и военным губернатором Уральского Казачьего Войска** и эта дача была летним местопребыванием атамана и его семьи. С этой дачей и этим парком как-то связаны мои лучшие девичьи воспоминания.

Мы жили большой дружной семьей — отец, мать и пять человек детей; все по характеру весёлые и жизнерадостные. Это была пора ранней нашей молодости, когда солнце светит особенно ярко, когда жизнь кажется светлым праздником, когда дышется полной грудью и во всём видишь радость и веселье.

---

* «Знамя России» №№ 151-153.

** Впоследствии генерал-адъютант Государя Императора Николая II.

В огромной чудной реке купались, на перегонки ее переплывали, катались на лодке и, с риском перевернуться, рвали ненюфары. В парке и степи ездили верхом, дороги были чудные, и к верховой езде приспособленные. Вечером ловили раков, которых была масса, и тут же варили их на костре. Впрочем, по вечерам мы также увлекались крокетом и иногда играли при лампах до поздней ночи.

В 1891 году наша мирная захолустная жизнь была нарушена одним крупным событием. В этом году праздновалось 300-летие Уральского Казачьего Войска, и мой отец был уведомлен из Петербурга, что на казачий юбилей прибудет Наследник Цесаревич Николай Александрович, который в то время совершал почти кругосветное путешествие и, через Сибирь, должен был вернуться домой. Уральск должен был быть его первым этапом для возвращения в Россию.

Уральск наш оживился. Всё готовилось к встрече Августейшего гостя. Ему приготовили дом атамана и губернатора в Уральске, где он должен был пробыть четыре дня. Также вырабатывали программу всяких торжеств на время его пребывания.

Отец мой, кроме того, хотел его познакомить с различными свойствами казачьего быта, особенно с рыболовством — главным промыслом уральского казачества. Надо было Войску показать наследника престола, надо было цесаревичу показать казачье войско и вообще августейшего казака познакомить с казачьим обществом.

Программа должна была быть разнообразной.

Все мы готовились к приезду наследника цесаревича и ждали его с нетерпением. Помню только, что все эти приготовления омрачились подмётными письмами на имя отца, которые угрожали уже тогда молодой жизни наследника престола; незадолго до того было покушение на его жизнь в Японии какого-то фанатика-японца и неудивительно, что мой отец, несмотря на свойственный его характеру оптимизм, всё-таки чувствовал огромную ответственность за те дни, которые высокий гость проведет в Уральске.

Наконец, настал день приезда. Отцом было получено об этом официальное известие и всё начальство, во главе с атаманом, выехало на встречу в Бузулук (пограничный город

Самарской губернии), где в то время кончалась железная дорога и приходилось ехать двести верст на лошадях до Уральска.*

Тройки для наследника были приготовлены отборные. Коренники, местные рысаки-иноходцы, за которыми еле поспевали во весь опор скачущие пристяжки.

К полудню Наследник и его свита были в Уральске.

Запылённые нашей степной пылью, уставшие от дороги, но счастливые, после долгого путешествия, попасть в первый этап Европейской России, вошли они в приготовленный и по-царски убранный атаманский дом.

На улицах при проезде, конечно, стояла тысячная толпа, неслось и перекатывалось русское «ура», но порядок, слава Богу, ни чем нарушен не был.

Нам сообщено было прискакавшим ординарцем, что, отдохнув, вечером, наследник цесаревич со свитою приедет к нам на дачу.

II

В нашем парке, на берегу реки, раскинут был большой шатёр и в нём был сервирован чай, фрукты и всякие прохладительные напитки. Наш толстый буфетчик, Осип Иванович, сознавая, что и на него что-то возложено, важно разгуливал около стола, отдавая другим лакеям какие-то приказания. Он всегда был очень хорошим буфетчиком, и в Петербурге его всегда звали служить на придворных балах.

Около девяти часов вечера наследник цесаревич, с моим отцом и свитой, подъехал к нашей даче.

Моя мать, урождённая Ланская, была в молодости подругой Императрицы Марии Федоровны, когда она была еще принцессой Дагмарой.

Мою старшую сестру и меня наследник цесаревич знал по придворным балам (мы уже были представлены ко Двору). Со свитою его — кн. В. Барятинским, кн. Кочубеем, кн. Оболенским, Волковым и другими — также были знакомы, так что, войдя к нам в дом, они сразу попали в pays des connaissances и, после торжественного обмена приветствиями, все себя почувствовали довольно непринужденно.

---

*Впоследствии моему отцу удалось провести в Уральск железную дорогу и тем соединить богатый край с цивилизованной Россией.

Наследник цесаревич был очень в духе; как сейчас вижу его молодое жизнерадостное лицо, добрый смеющийся взгляд его карих глаз и вьющиеся баки на загорелых щеках.

Помню, что он довольно долго, стоя на балконе, разговаривал с моею матерью, а отец тут же рядом о чём-то говорил с кн. Барятинским. Наконец, моя мать сказала: — Да, что же мы стоим, ваше императорское высочество? Садитесь, пожалуйста.

Наследник показал головою на моего отца и ответил: — Я не могу сесть раз генерал стоит.

После такого ответа, показавшего высокое уважение цесаревича к военной дисциплине, моя мать усадила и его и моего отца, а мы с сестрой стали занимать свиту.

Через час приблизительно мы перешли в шатёр, где от реки веяло вечерней прохладой; старые деревья шептались и как-будто тоже приветствовали царственного гостя.

Мы все расположились за круглым столом, сервированным по-европейски, и видно было, что и наследник и свита его отдыхали, попав в привычную обстановку. Усаживаясь за стол, наследник цесаревич, между прочим, сказал: — Мне кажется, что я уже в Любани (последняя большая станция перед Петербургом).

За чаем я сидела рядом с наследником цесаревичем. Он много рассказывал про свое путешествие, про Индию и Сибирь. Помню, что, говоря про Японию, он очень добродушно сказал: — Мои друзья японцы.

Но, с особым увлечением он говорил про Сибирь, про ее красоты и ее богатства; видно было, что эта отдалённая часть Российской Империи очень захватила его внимание.

Потом, в разговоре, мы перешли на другие темы, и я ему рассказала, как в детстве представляла себе царя и как была разочарована, когда, гуляя ребенком в Летнем саду, встретила Императора Александра II в конногвардейской форме. Из-за здоровья мы в детстве одно время жили заграницей и учили историю по-французски, так как наша гувернантка была француженка. Она мне рассказывала, что римский император Август гулял в золотой короне и горностаевой мантии. Я своей детской головою решила, что и у нас так же свой император Август и так же ходит в мантии.

Когда гувернантка, шедшая сзади, толкнула меня при встрече с государем и сказала: — Это император, сделай реверанс, — я остановилась, не веря своим глазам, и в полном недоумении спросила: — Как, разве это император Август?

Не знаю, слышал ли император Александр II, что спросил недоумевающий клоп, но он отдал честь и улыбнулся.

Наследник цесаревич также очень смеялся, когда я ему это рассказала.

Просидев со всеми нами далеко за полночь, цесаревич и свита распростились и уехали обратно в Уральск.

III

На другой день пребывания цесаревича в Уральске, в кафедральном соборе, был отслужен благодарственный молебен, на который он прибыл вместе со свитой и где собрались все местные власти и всё уральское общество. После молебна наследнику были представлены атаманы отделов и прочие начальники воинских частей. Завтрак был сервирован в губернаторском доме.

После завтрака мой отец повез Высокого Гостя на скаковой ипподром, где была устроена пробная мобилизация.

В Уральск к этому времени прибыл командующий войсками Казанского Военного Округа, генерал-адъютант Мещеринов, и также присутствовал на пробной мобилизации наказный атаман Забайкальского казачества ген. Хорошкин, сопровождавший наследника из Читы (природный уральский казак).

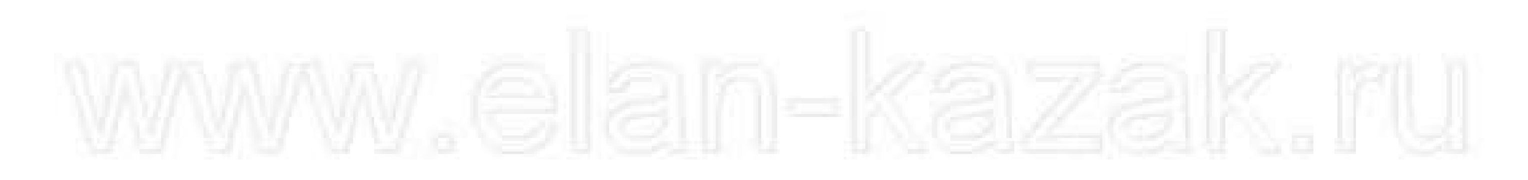
Скаковой круг с красивой скаковой беседкой был расположен в степи, в трех верстах от Уральска.

Я никогда не забуду этого эффектного и красивого парада. Казаки, одетые с иголочки, в своих мохнатых папахах, на крепко сбитых, выносливых, чисто военных лошадях, с пиками в руках, двигались рядами, как стройный лес.

Самый строгий военный критик, мне кажется, не мог придраться к их военной выправке и дисциплине.

Мощное — здравия желаем, ваше императорское высочество! — дружно катилось по уральским степям.

Наследник цесаревич был видимо приятно поражен этой картиной мощи нашего казачества.

После обычного прохода всякими аллюрами, была, конечно, показана казачья джигитовка, которую цесаревич, несомненно, видал и раньше в манеже, но которая в степи приобретает свой особый колорит и стихийность.

Высокий гость весело и радостно благодарил за парад, и также весело и радостно гудело в ответ казачье русское «ура».

После джигитовки были скачки, за которыми наследник цесаревич следил с большим интересом. Скакали казаки и скакали киргизы, которые также очень спортивны: среди них были замечательные наездники.

В скаковой беседке цесаревич сидел в центральной ложе, рядом с нами.

Вечером в этот день был бал в казачьем собрании. Отец просил всех казаков, и молодых и старых, быть на балу в их красочных казачьих формах, что весьма способствовало красоте бала.

Моя мать поручила нам представлять казачек наследнику цесаревичу, а ему сказала: — Пожалуйста не старайтесь танцевать с моими дочерьми, Вы их достаточно видите в Петербурге.

Цесаревич засмеялся и ответил: — Вы думаете?

Мы ему представили очень много дам и барышень-казачек, и на мазурку он пригласил нашу подругу, очень красивую казачку Логгинову.

После мазурки танцевали, конечно, казачка и офицеры-казаки друг перед другом щеголяли своей удалью, а казачки, в красивых цветных костюмах с кисейными руковами, шитыми золотом и в головных уборах (золотой галун с жемчужной сеткой), плыли, грациозно подбоченясь, им навстречу, помахивая платочком.

Подан был, конечно, чудный ужин, во время которого играл казачий оркестр, и бал затянулся до утра.

Цесаревич весь вечер был в отличном настроении и в этой непринужденной обстановке от души веселился. Казачёк ему особенно понравился. И потом, год или два спустя, на каком-то придворном балу, он неожиданно, в шутку, сказал: — Давайте станцуем казачка.

IV

На третий день пребывания наследника цесаревича в Уральске, отец повёз его завтракать на ферму, где производились опыты искусственного орошения. Уральская область очень страдает от засухи, как и весь юго-восток России. Дожди обыкновенно бывают весной и тогда степь покрывается ковром разноцветных тюльпанов. Летом же, за отсутствием дождей и полива, эта же степь превращается в выжженную печальную пустыню.

Мой отец задался мыслью показать на клочке земли, что получилось бы, если канализировать этот богатый край, и устроил в степи ферму с показательным хозяйством. Он канализировал порядочную площадь, насадил деревья и тут же устроил пробный посев пшеницы и других злаков.

После завтрака, за которым подавали девицы в голубых платьях, в белых чепчиках и передниках, наследник цесаревич собственноручно посадил дуб. Он очень заинтересовался фермой и вопросом орошения, которое, конечно, дало блестящие результаты, хотя в большом масштабе моему отцу, увы, не удалось провести за время своего управления областью.

Вечером, в тот же день, у нас на даче, на открытой сцене, был любительский спектакль и очень хорошая малороссийская оперетта приезжей труппы; певцы были в ударе, и наследник цесаревич от души смеялся в комических местах. Приглашенных было очень много; спектакль затянулся до двух часов ночи.

Помню, как князь Барятинский, безумно уставший и со страшной головной болью, попросил мою мать намекнуть об этом цесаревичу.

— А то ведь он неутомим, — прибавил Барятинский, — а завтра опять рано вставать, программа на завтра большая.

Моя мать передала своему августейшему гостю просьбу князя Барятинского.

Цесаревич знал, что князь страдает мигренями и сочувственно отнесся к страданиям старого друга своего отца: вскоре, по окончании спектакля, гости отбыли в город.

V

На следующий (четвертый) день была назначена, в двух верстах от Уральска, в Ханской Роще, пробная плавня — осенняя рыбная ловля уральцев.

Ханская Роща была очень красивым, хотя довольно диким парком, расположенным на крутом берегу Урала, с лужайками и вообще большими просветами. И вот, с этого высокого и крутого берега, где Урал протекает с головокружительной быстротой, и где его видно на большом протяжении, предполагал он показать наследнику цесаревичу один из главных промыслов Уральского казачества, во всех его красивых и изумительных по храбрости и лихости приёмах.

Каждый год, после весеннего разлива Урала, приблизительно в начале июня, недалеко от Ханской Рощи, ставилось на реке прочное заграждение из толстых металлических прутьев, чтобы помешать красной рыбе, белуге и осетру, уйти из пределов Уральской области. К осени рыба разводилась в огромном количестве, и вот тут-то и происходила плавня, т. е. массовый улов, который, вместе с багреньем, составлял одно из богатств Уральского казачества.

В торжественный день показательной плавни будары были заготовлены на берегу на большом протяжении, в огромном количестве. Будара представляет собою удлиненную скорлупку, выдолбленную из одного дерева. Конечно, эта скорлупка очень легко переворачиваетя и нужна была казачья ловкость, чтобы на ней усидеть; казаки все, кстати сказать, уже с детства великолепные пловцы.

Когда наследник цесаревич, в сопровождении моего отца и своей свиты, стал на наблюдательный пункт, на крутом берегу, с которого открывался вид на протекавший у ног Урал, грянул выстрел, и в одну минуту река покрылась тысячами мелких черточек. Это были будары с сидящими в них казаками.

Казаки сговорились заранее: выезжали сразу по две будары и тут же закидывали сети для лова. Картина была замечательная, и по красоте и по оригинальности приёмов. Через час рыбы было наловлено огромное количество и

можно было наблюдать, что содержит, в смысле природного богатства, только одна наша река.

Наследник был в восторге и громко выражал свое одобрение.

По окончании плавни для всего мобилизованного казачества был сервирован завтрак на открытом воздухе, на лужайке, на берегу реки.

Как сейчас, вижу эти бесконечные длинные столы, покрытые белыми скатертями. У каждого был свой прибор, с красивым стаканом, в память посещения наследником цесаревичем Уральска.

Поблагодарив казаков за плавню, цесаревич, в сопровождении моего отца и своей свиты, подошел к одному из приготовленных столов; загремел казачий духовой оркестр, чередуясь с песенниками.

Я думаю, что наследник цесаревич никогда так близко не соприкасался со своим народом, со своим казачеством.

В воздухе чувствовался в этот день какой-то особенный подъём и энтузиазм.

Помню, что один казак написал к приезду августейшего казака красивые патриотические стихи и принес их моему отцу. Отец приказал песенникам их разучить и спеть во время завтрака. В памяти осталось окончание стихотворения:

И ныне, как встарь,
Присяга и царь
Два слова заветные будут.
Ты, наш Николай,
Отцу передай:
Уральцы тех слов не забудут!

Эти слова неслись над простором реки, гудели, как страшная клятва в сводах старого парка...

Уральцы тех слов не забыли. Чувствуя в овечьей шкуре большевизма бесчеловечного врага, они отчаянно боролись с большевиками, они грудью легли в своих степях и обагрили их своею кровью, отстаивая из последних сил царем дарованные старые казачьи устои; но кругом в тот час измена была велика, они были одиноки в своих степях, и не под силу им было справиться с направленными против них красными полчищами... Час Божьего суда еще не настал...

Когда произнесены были тосты за государя императора, государыню императрицу, цесаревича и всю цар-

скую семью, грянул гимн, сопровождаемый дружным «ура!» Наследник цесаревич, в свою очередь, встал и поднял бокал за свое Уральское доблестное казачество.

По окончании завтрака, под звуки гимна, он хотел было сесть в коляску, чтобы ехать в Уральск, но тут вся эта многотысячная казачья толпа, наэлектризованная патриотическими чувствами и близостью престолонаследника, кинулась к экипажу, выпрягла лошадей и, на своих плечах, донесла коляску с наследником цесаревичем до самого Уральска.

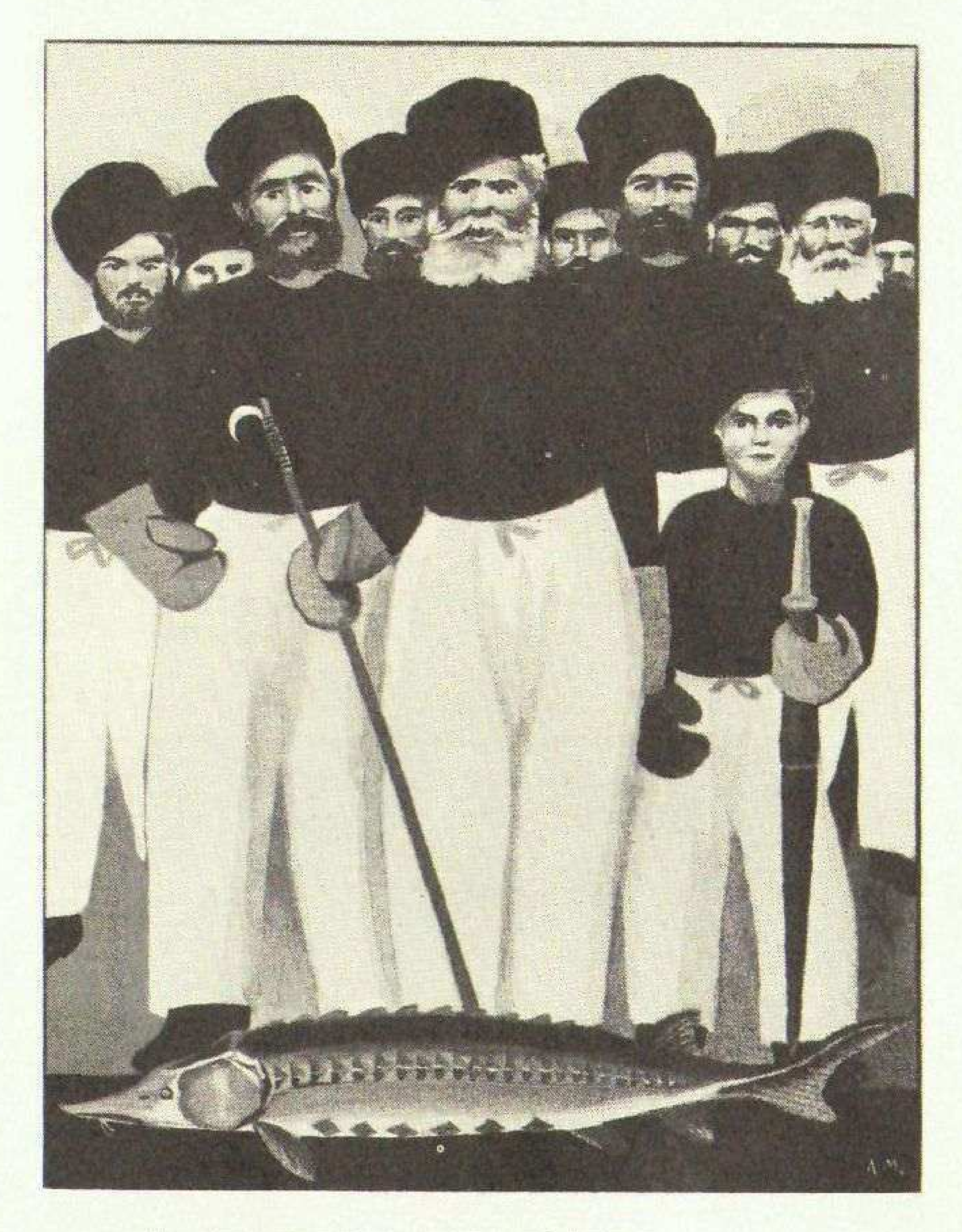
У цесаревича на глазах были слезы от умиления, мой отец также плакал... Вся эта вперед несущаяся огромная толпа, эти бородатые лица с возбужденными глазами, эти вверх летящие мохнатые шапки, это многотысячное русское «ура», — всё это представляло собою воистину особенную и трогательную картину... Вот, когда, действительно, был царь и народ...

В этот же день, попозже, наследник цесаревич принимал депутацию киргизов, которые составляют большую часть народонаселения Уральской области, и посетил киргизскую школу на окраине города. Он очень интересовался бытом киргизов, представляющих собою, хоть и примитивный, но очень симпатичный народ и здравомыслящий элемент в нашей российской разноплеменности.

В киргизскую школу мой отец повез наследника цесаревича на своей собственной тройке; цесаревич всегда любил быструю езду, и не мог налюбоваться на нашу тройку. Рыжий крупный иноходец в корню, завода Овчинникова, раскачиваясь в своей иноходи, несся вперед, как вихрь, так что быстроногие пристяжки, летевшие во весь дух, еле за ним поспевали; к тому же наш кучер Игнатий артистически правил тройкой.

Цесаревич встал в коляске и, держась за козлы, наблюдал за ходом тройки и громко ею восторгался; а также хвалил Игнатия, к великой гордости последнего. Уезжая, он подарил ему на память золотые часы с цепочкой.

Перед отъездом наш августейший гость принимал подношения от казачества и киргизов, и сам раздавал подарки в память своего посещения.

Мы не воры, не плуты, не разбойнички,
Мы Уральски казаки, рыболовщички.

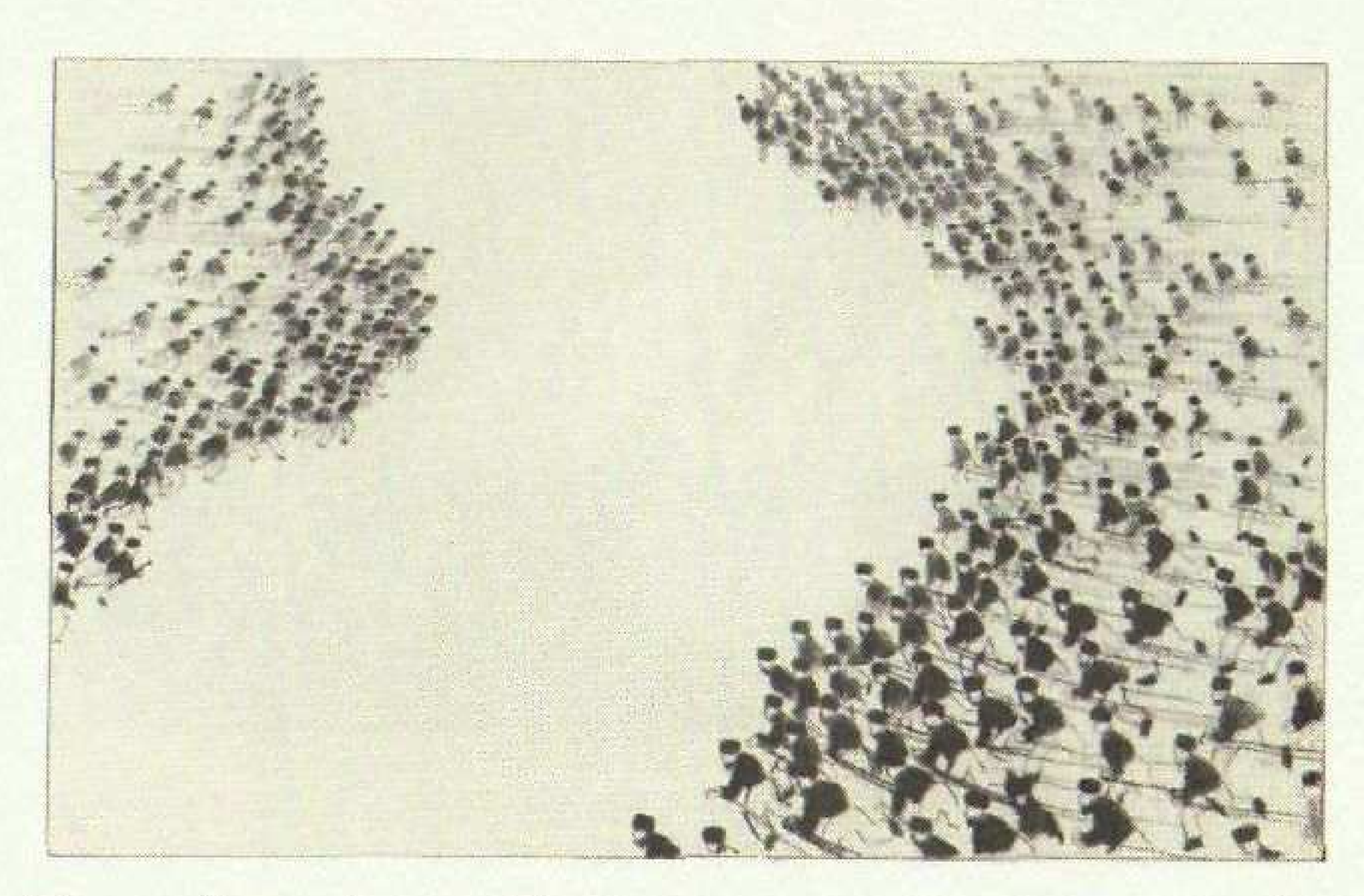
(Из старинной казачьей песни)

Старинный Герб
Яицкого Казачьего Войска
Герб изображает Яицкого казака Заморенова, по прозвищу „Рыжечка". Этот казак при Петре Великом вступил в единоборство с шведским воином и победил его.

Орден св. архистратига Михаила, учрежденный на Уральском Войсковом Съезде.

На первый день багрения (Царское) не разрешалось сводить лошадей с санями на лед. Казаки оставляли их на берегу; сами же, по сигналу, пешие бросались на средину Урала.

От Уральского казачества ему подвели чудную лошадь, в чепраке из синего сукна, шитого серебром (чепрак и вензеля на четырех углах вышивали казачки), и огромный, дивного рисунка и работы, текинский ковер, а киргизы поднесли роскошную кибитку.

Цесаревич радовался подаркам, как ребенок, сам, в свою очередь, раздавал подарки щедрой рукой старшим чинам казачества. Моему отцу он пожаловал чудную табакерку, золотую, осыпанную сетью бриллиантов, со своей миниатюрой, окруженной крупными бриллиантами, и большой фотографический портрет с подписью.

Моей матери цесаревич подарил чудную брошь, работы Фаберже; нам же, двум сестрам и брату, дал свои фотографии с подписью.

Перед тем он прислал к нам одного из своих адъютантов, чтобы спросить — в какой форме мы хотим иметь его фотографию. Мы просили — в казачьей форме.

На следующее утро все мы встали очень рано провожать нашего дорогого посетителя, так как ему предстояло еще раз сделать почти двести верст на лошадях.

Грустно нам было расставаться с ним. За эти четыре дня, вне придворной обстановки, мы все с ним так сблизились, да и он сам в казачьей среде, вдали от петербургского придворного этикета, чувствовал себя непринужденно.

Отец поехал провожать гостей до Бузулука. К вечеру они благополучно прибыли на станцию, где был приготовлен уже царский поезд.

Наследник цесаревич проследовал, вместе со свитой, в свой вагон и туда же пригласил моего отца. Там он опустился в кресло и глубоко вздохнул.

— Устали, ваше императорское высочество? — спросил мой отец.

— Нет, — сказал он задумчиво, — но я никогда не забуду, Николай Николаевич (так звали отца), тех дней, которые я здесь провел и те минуты, которые вы заставили меня пережить.

С этими словами он обнял моего отца и крепко пожал его руку. Отец, взволнованный, вышел из вагона. Поезд тронулся...

Д. Н. Давыдова

**
*

Теперь, прежде чем перейти к описанию трагической гибели Уральского Войска, я предложу вниманию читателя «Записки генерала К. Н. Хагондокова». Генерал Хагондоков, Константин Николаевич, был терским казаком из осетин. Высоко культурный человек, он являл собою тип русского офицера, в самых лучших своих качествах.

Он познакомился с уральцами во время службы на Дальнем Востоке, где уральцы также служили, и на Русско-Японской войне:

УРАЛЬЦЫ НА ОХРАНЕ КИТАЙСКО-ВОСТОЧНОЙ Ж. Д.

„Вестник Казачьего Союза", Париж.

Знаете ли вы уральских казаков?

Конечно, вы их знаете! Многие из вас видели в Петербурге гвардейскую уральскую сотню; изредка встречали их по России, с их малиновыми лампасами и в больших черных папахах. Вы знаете, что уральские казаки живут на Урале, занимаются рыболовством, да вот, вероятно, и всё, что вам известно об этих подлинных великороссах-степняках, лихих наездниках и удалых богатырях.

Я не казак и, тем более, не уралец. Я никогда не служил в уральских сотнях, но видел их во время постройки китайско-восточной железной дороги, в охранной страже, и во время японской войны.

Мои воспоминания об уральских казаках, полные уважения и восхищения перед их высокой духовной и воинской доблестью и добродушного отношения к их человеческим слабостям и бытовым особенностям, не должны быть заподозрены хотя бы в малой степени пристрастности. Разве только, по давности прошедшего времени, привру, «как очевидец», т. е., скажу не всю правду в точности, а, что-то, к глубокому моему сожалению, упущу.

За одно ручаюсь: ничего не прибавлю и не подкрашу. Да этого и не нужно, — слишком красочная фигура уральский казак! Ее надо только показать такою, какая она есть, чтобы заставить русских людей ею гордиться и любоваться.

Как-то, во время японской войны, я рассказывал в кружке офицеров кое-какие эпизоды из службы уральцев в Маньч-

журии. Среди них были два-три офицера Уральского казачьего войска.

Когда я кончил свой рассказ, уральцы подошли и сердечно меня благодарили за лестное слово об их «жнаменитом войшке» (уральцы всегда произносят «с», как «ш»). При этом они выразили мне свое горячее сожаление, что ни я, и никто другой ничего подобного об их войске не напишет, и никто и никогда не узнает «каки-таки были уральшкие казаки!»

Я сказал, что когда-нибудь, быть может, я и соберусь написать эти рассказы.

Прошло с тех пор почти сорок лет. Многие и ужасные события пронеслись смерчем над Россией. Нет больше скромных с виду и блиставших величественной доблестью духа Русских витязей — уральских казаков. Нет больше славного Уральского (Яицкого) казачьего войска.

Но жива слава, живы еще воспоминания об Урале, об Яике, о казаках уральских, и пусть эти воспоминания, в меру моих слабых сил, послужат славе заслуг и подвигов, совершенных уральцами, в назидание потомству и в усладу разметенным по свету старикам — яицким казакам.

В 1898 г. был решен вопрос о постройке Китайско-Восточной ж. д. и, одновременно, — о сформировании ее Охранной стражи, в составе 15-и казачьих сотен.

Офицеры и казаки приглашаются по «вольному найму».

В общем сотен было сформировано — 4 донских, 4 кубанских, 2 терских, 4 оренбургских и 1 уральская.

Всем этим сотням были присвоены порядковые номера и сотни именовались: «№ такой-то сотня Охр. Стр. Кит.-Вост. ж. д.»

Уральской сотне выпал № 13.

Форма одежды Охр. Стражи была установлена: папаха с желтым верхом или фуражка с желтым околышем; на них кокарда — медная овальная бляха с изображением на ней дракона, черный мундир образца пограничной стражи с отложным воротником, серо-синие шаровары без лампасов. Выпушки желтого цвета. Казаки без погон; у офицеров, вместо погон, филиграновые золотые шнуры. Шашка, винтовка, снаряжение и шинель — драгунские. Зимой полушуб-

ки. Седловка казачья. В общем — маскарад наемной стражи.

Срок службы по контракту, если помню, — 4 года. Жалованье — рядовым казакам — 20 руб., отделённым урядникам — 25 руб., взводным — 30 руб., вахмистрам — 40 руб. в месяц; казарменное расположение; на продовольствие — кормовые деньги. Фураж и кони — казенные.

Сотни выступили с места формирования пешими до Одессы, а оттуда во Владивосток и до Харбина на пароходах. Лошадей должны были купить в Монголии, по прибытии в в Маньчжурию. Офицеры приглашались по личному выбору начальника Охр. Стражи, пехотного полковника А. А. Гернгроса. Поэтому большинство офицерского состава Охр. стражи были «солдатские» офицеры.

Очевидно, полковник не весьма беспокоился вопросом, как солдатские сотники и есаулы справятся с задачей командовать казаками, особливо имея в виду, что многие офицеры были пехотные.

Командиром 13-ой сотни был назначен капитан л.-гв. Павловского полка, Н. Н. Якимовский.

Нужно заметить, что в эту пору Павловским полком командовал ген.-майор Мевес, и полк отличался чрезвычайной строгостью внутреннего и служебного уклада жизни и муштровкой. Дисциплина в полку была жесточайше суровой.

Капитан Якимовский был блестящий гвардейский офицер, щегольски одетый, высокий, светлый блондин, с пышными усами и бородкой под генерала Буланже, с чисто выбритыми щеками, полный, выхоленный. Не могу его себе представить без сигары. Очень светский и отлично воспитанный человек, прекрасный товарищ. Говорил с манерой золотой молодежи; не скажет, бывало, «послушайте!», а как-то — «пяслюшайте!» и т. п.

Вот этому капитану блистательно вымуштрованного полка выпало на долю командовать сотней уральских казаков, ни в какой мере по муштровке не похожих на молодецких солдат л.-гв. Павловского полка.

Несмотря на массу новых впечатлений и путевых забот железнодорожного и морского пути на протяжении двух месяцев, эшелоны, без внутренних осложнений, благополучно «доплыли» до Владивостока.

Был, правда, случай «внешнего» осложнения, когда не-

большая группа казаков, не уральцев, подралась с огромной толпой японцев-лодочников в Нагасаки и, отняв у них весла, обратила сынов Страны Восходящего Солнца в постыдное бегство. А в общем, казаки сидели по трюмам и палубам смирно, попивали чай, ели ананасы и бананы; уральцы плели бесконечный невод и все пели свои казачьи песни. Кстати, и новую подхватили, на мотив «Взвейтесь, соколы, орлами!»:

На французском пароходе
Держим мы далекий путь,
Чтоб в Манчжурье, на свободе,
Свою удаль развернуть.
Порт Артур не прозевали.
Нам там быть давно пора,
Чтоб оттуда услыхали
Наше русское «ура!»
Мало нас, зато мы сила,
И отвагою полны,
Не страшит нас и могила, —
Мы казачества сыны!

Однако, во Владивостоке, капитан Якимовский почувствовал, что с уральцами будет трудно.

Во-первых, сотня, собравшись в круг, объявила, что не согласна носить № 13, ибо в «Апокалипшише» указано, что это звериное число. А также не согласны носить кокарды с драконом, ибо сие есть печать антихристова.

— Так что не желам!

Словом, бунт на религиозной почве!

Полковник Гернгрос протест казаков уважил и объявил, что в Охр. Страже 13-ой сотни нет. Отныне эта сотня именуется Уральской.

Казаки постановили: — Покорнейше благодарим его высокоблагородие полковника Янгроша.

Что же касается печати антихриста, то гл. начальником Охр. Стражи был послан к уральцам священник Охр. Стражи для увещевания. Этому весьма добродушному батюшке, во время морского пути, пришло в голову в Сингапуре выйти на берег в штатском платье. Уральцы это заметили и, когда батюшка явился в сотню с увещеванием, то казаки не дали ему говорить и попросили удалиться: — Вы, батя, не поп, а расстрига! Видали мы вас в «Шингапуре»!

Тогда полковник Гернгрос пригрозил уральцам, что если они осмелятся снять кокарды, то он их за бунт отправит на Урал по этапу.

Ну, знаете, семь тысяч верст по этапу — не жук наплакал! Казаки покорились, но... папахи носить стали на затылок, потому «печать антихристова ставится на лоб», а про затылок не указано!

На это решено было не обращать внимания. Все пришло в порядок, и жизнь, пока-что, в составе Стражи, потекла спокойно.

Однако, отношения между командиром сотни и казаками оставляли желать лучшего.

Нужно иметь в виду, что уральские казаки старообрядцы и не знали общей воинской повинности. Вайско выставляло столько всадников-казаков, сколько полагалось; но порядок набора был свой, уральский. Назначенный на службу казак мог заменить себя другим, охотником; проще говоря, он мог за себя нанять охотника. Поэтому в строю можно было видеть пожилых людей, даже стариков.

Да, но каких стариков! Хотел бы я видеть молодых, могущих за этими стариками угнаться! Эти старики — здоровяки, артисты казачьего дела и верная стража традициям и навыкам уральским.

Беру по памяти:

Вахмистра уральской сотни, — фамилию его не то, что не помню, а просто никогда я не слыхал, — все, начиная с главного начальника, называют Василий Иович, так его величает сотенный, так величали господа офицеры, так величали и казаки-уральцы.

Вот с этого самого и началось.

— Эй, казак! Позвать ко мне вахмистра!

— Слушаю, ваше высокоблагородие, иду позвать Василия Иовича!

А? Каково? Командир сотни велит позвать вахмистра, а казак фамильярничает и называет вахмистра по имени и отчеству!

— Ваше высокоблагородие, так что Василий Иович пришли.

— Да, кто он такой?

Да вахмистр «шотни», ваше выс-дие!

— Ну, зови! — сердито говорит капитан Якимовский.

Входит среднего роста, плотный старик, с большой, окладистой, совершенно белой бородой.

Капитан Якимовский, полный гнева на казачью распущенность, готов крикнуть:

— Здорово, вахмистр! — но, видя почтенную и с достоинством почтительную фигуру старика-вахмистра, говорит строго:

Здравствуйте, Василий Иович.

Старик-вахмистр, при шашке, рука под козырёк, отвечает:

Желаю здравия, Николай Николаевич!

Вы понимаете, что «есаула» (какой же капитан в сотне казаков?!) чуть кондрашка не хватила! однако... обошлось!

А то вдруг и казак ляпнет:

— Понимаю, Николай Николаевич! — или — покорнейше благодарю за наставление, Николай Николаевич!

Так уральцы отвечали на сделанное замечание!

Раз дошло до того, что в конном строю, в котором Николай Николаевич, по началу, не мог быть особенно силен, кто-то из-казаков, когда сотня шла неправильно, крикнул:

— Куда же это вы шотню ведете, Николай Николаевич?

Конечно, все казаки знали лучше Николая Николаевича свое строевое дело.

— Да, но дисциплина?! Какая распущенность! Это не казаки, а разбойники! Я прекращу эту вольницу! — говаривал Якимовский.

Дальше шло всё хуже и хуже.

Пришли в Харбин. Построек еще нет. Казаки стали лагерем в палатках, в роще, около Харбина. Всё честь честью. Кругом глиняный заборчик. Внутри стройные ряды палаток. Есть и казачьи, и для арестованных.

Дешёвка продуктов сказочная. Курица — 7 копеек, а то в обмен на пустую бутылку. Ханшин (по-казачьи ханжа) — 15 коп. фляга с добрый штоф. Ханжа — китайская просяная водка, не очищенная, сивуха. Крепкая! Крепче русской. А

главное, пьян два дня человек. Выпьет завтра воды и снова готов.

Так вот этой ханжой уральцы стали баловаться. Появились пьяные. Ну, значит, и арестованные. Многие пьянствовали, а уральцы особенно.

Правду говоря, тоска была страшная; никакого дела казакам не было; лошади еще не прибыли, и люди томились от безделья.

Николай Николаевич борется с гидрой пьянства, а осилить ее не может. Сажает казаков под арест, ставит под винтовку. Ничего не помогает.

Помню, я был дежурным по отряду. Под вечер слышу пьяную песню. Горланит кто-то отчаянно. Подошел к палаткам и слышу что пьяный орёт около караульной палатки. Подхожу к караулу. В наряде были уральцы. Часовой на месте. Вызвал караульного начальника. Вышел в полном порядке урядник Х. Отрапортовал мне о благополучии.

Спрашиваю его: — Кто это у тебя так горланит?

Он отвечает: — Арестованный, уральской сотни урядник Краснятов.

— Так почему же ты позволяешь ему так орать?

— А они, ваше выс-дие, хмельны!

— А!.. Кто же его арестовал?

— Так что сотенный командир, ваше выс-дие!

Я потребовал показать мне записку об арестовании и, пока караульный начальник лазил в палатку, я подумал, что странная это манера арестовать напившегося казака и не довести об этом до сведения дежурного офицера.

Когда я увидел записку, то от злости света не взвидел. Урядник Краснятов арестован уже четыре дня тому назад на семь суток за беспрерывное пьянство.

Тогда я говорю караульному начальнику:

— Как же это так? Четыре дня урядник Краснятов пьяный? Что это такое? Что это значит?

— Ваше высокоблагородие, когда я заступил в караул, урядник Краснятов не были пьяны. А вот, после обеда и напились! — докладывает караульный начальник.

— Да как же, говорю, — ты смел пропустить ему водку?

— Я, ваше высокоблагородие, им водки и не пропущал.

Чего ж с им поделаешь? Выскочит из палатки, да через заборчик. А там манзы с сулеями. Вот они нахватаются, а потом назад, в карец.

— Да как же ты позволяешь ему уходить!

— Не позволяю я им, ваше высокоблагородие. А они сами вдруг да и бегут. Чего ж тут делать?

— Как что? Ты же знаешь по уставу: если арестованный бежит, часовой должен стрелять!

Урядник смотрит на меня с нескрываемым изумлением и говорит:

— Это в станичника-то?

Ну, словом... Николай Николаевич потерял голову, казаки понурились и мы ожидали какой-нибудь беды. Взаимная неприязнь между командиром сотни и казаками была очевидна.

Выручил Николая Николаевича и спас положение Василий Иович.

Пришел он как-то с вечерним рапортом к своему сотенному командиру и, когда начался разговор о том, что и как на завтра делать, Василий Иович и говорит:

— Прикажите, Николай Николаевич, выкопать арестантскую яму.

— Что это такое? — удивился Николай Николаевич.

— А так, что аршина 3½-4 глубиной. Значит, пьяного туда на веревках; он и отойдет. Потому выскочить не могит, и поднести водки часовой не допустит. Так суток трое отсидит в яме. Гляди, ему и не в повадку будет пьянствовать. Прикажите, Николай Николаевич!

Задумался Николай Николаевич. Не указано такое дело в уставе! Вот так хорош будет гвардейский офицер! Однако вспомнил вдруг, что теперь он казак, а Василий Иович недаром „с шядой бородой".

— Распорядитесь, Василий Иович! — решил Николай Николаевич.

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие. Дозвольте итти, Николай Николаевич?

— Идите, Василий Иович.

— Счастливо оставаться, ваше высокоблагородие! — произнес вахмистр и, повернувшись „кругом", по-строевому, вышел из комнаты.

На другой день уральцы, под руководством Василия Иовича, копали обширную и глубокую яму, а к вечеру туда

спустили на веревках первого питомца-пьяницу. Казаки думали сначала, что это шутка.

Какая шутка! Вот и караул, и часовой.

Приуныли казаки и забурчали на жизнь в Маньчжурии:

— Кормовых не хватает.

Янгрош не хлопочет.

— А Якимовский в яму сажает...

Насчет кормовых, положим, сбрехали, ибо суточный оклад в то время был 50 коп.; при тогдашней дешевке — ешь, не хочу! На выпивку, конечно, не расчитывалось, так что „Янгроша" казаки облыжно обвиняли.

А вот Якимовский „дяйштвительно" в яму сажал и досажался до того, что доказал казакам, что он самый настоящий им командир, и сотню от пьянства вылечил. После того казаки любить его — не любили, но почитать и побаиваться стали. Кто его знает, еще чего выдумает?

Вскоре подошли кони, и сотни разошлись на посты, по разным линиям. На каждый строительный участок в 120, примерно, верст, было назначено по одной казачьей сотне. Уральцы отправились на западную линию, т.е. в направлении на Цицикар.

Начались работы по изысканиям и временным сооружениям, и казаки втянулись в свою специальную службу по охране и конвоированию.

Время шло и все более сглаживало острые углы между Николаем Николаевичем и его уральской сотней. Человек он оказался спокойный и уживчивый, а его казаки-уральцы показали себя воспитанными, вежливыми и опрятными, а в исполнении служебных обязанностей — точными и сметливыми. Вернее сказать — умными. Это хорошо отразилось на отношениях между сотней и техническим персоналом строительного железнодорожного участка.

Но вот вспыхнуло боксерское восстание. Харбин был окружен большими массами китайцев повстанцев, и сотни, расположенные на охране участков по всем трем линиям, оказались отрезанными от центра и от своего главного штаба.

Участки, полные служащих, их семей и тысяч китайцев, иногда христиан, а иногда просто чуждых боксерскому движению, оказались в смертельной опасности.

Дело их спасения было служебной обязанностью и долгом чести сотен Охранной Стражи Кит.-Восточной жел. дороги.

Ввиду отрезанности сотен от Харбина, и самого Харбина от всего мира, от высших русских властей, последовало распоряжение: — всем участкам, соответственно линии, на которой они были расположены, отступать и стягиваться; западным — к Хайлару, восточным — к ст. Пограничной, и южным — к Порт-Артуру.

В этих трех районах должны были сосредоточиться отряды генералов Орлова, Айгустова и Субботина и, по сосредоточении, начать движение на освобождение Харбина и для подавления восстания. Сотиям Охранной Стражи надлежало войти в соответствующие отряды.

Пришлось, значит, и Николаю Николаевичу Якимовскому взять под свою охрану служащих с их семьями, участковую кассу и примкнувших китайцев, организовать огромную колонну обоза и, прикрыв своей сотней, повести тысячи людей от ст. Анда в далекий поход на Хайлар.

Много пришлось казакам потрудиться и беспрерывно драться с окружавшими колонну боксерами.

Много мужества, отваги и боевой доблести проявили и командир сотни, и его славные уральцы; а когда, наконец, колонну довели счастливо до Хайлара, до района сосредоточения отряда генерала Орлова, то поняли и командир, и уральцы, что они друг друга глубоко почитают за все то, что пришлось им друг другу показать в боях.

С этих пор имена Н. Н. Якимовского и уральской сотни неразрывно связаны.

Между прочим, в первый день похода, в самый трудный день приведения всего в порядок и налаживания только что начатого движения колонны и ее защиты, произошел случай, показавший чрезвычайную, поразительную воинскую доблесть уральцев.

Положение отступающего участка осложнялось тем, что по полученным сведениям, в направлении на ст. Анда — Цицикар двигалась тридцатитысячная армия генерала Ма. (В конце 1931 года, около Цицикара действовал снова какой-то генерал Ма. Может быть, это одно и то же лицо?).

Когда колонна обоза уже вытянулась, и сотня, выслав дозоры, заняла в походном порядке надлежащее место, из рядов сотни вдруг раздался голос какого-то казака:

— Николай Николаевич! А разъезд в сторону наступающего противника?

Николай Николаевич тотчас, спохватившись, ответил:
— Ах, да!

Но это было в первый раз за всю до этого его жизнь и службу, что ему приходилось посылать разъезды в сторону наступающего противника. Проще говоря, он не знал, будучи пехотинцем, как это делается. Однако, приказ, никого не удививший, отдал, крикнув:

— Урядник Краснятов выезжай!

Вы спрашиваете, какой это урядник Краснятов?.. Да, да, тот самый, — пьяница, который, будучи арестован за пьянство на моем дежурстве по отряду, вновь напился и горланил песни. Тот самый!

Да! Тот, да не тот!

Из строя лихо, орлом вылетел урядник Краснятов и, подскакав к сотенному командиру и отдавая честь, громко и отчетливо произнес:

— Ваше высокоблагородие! Изволили требовать урядника Краснятова!

— Послушай. Краснятов, возьми с собой одного казака и поезжай в разъезд в сторону наступающего противника. Наблюдай за неприятелем и доноси мне о виденном — отдал приказание командир сотни.

Урядник Краснятов отчетливо и твердо, по-уральски, ответил:

— Ваше высокоблагородие, вы мне приказали взять казака, отправиться в разъезд в сторону противника, наблюдать за им и доносить вам чего увижу.

— Правильно! — ответил капитан Якимовский.

Теперь урядник Краснятов — самостоятельный начальник по исполнению полученной задачи. Отдав честь еще раз и круто повернув коня, он подскакал к идущей сотне и крикнул:

— Казак такой-то, выезжай ко мне!

Когда казак подъехал к нему, он скомандовал:

— Жа мной! Рышью!

Вскоре оба казака, рысью двинувшись назад, скрылись из глаз.

Колонна продолжала свой путь. Двигались медленно, нудно. Было жарко и сильно парило. То и дело раздавались с разных сторон выстрелы. Части сотни все время посылались то в ту, то в другую сторону, отгонять наседающих ки-

тайцев. До следующей станции переход был большой, — около тридцати верст. Колонна идет почти без остановок, ибо остановиться на привал нельзя; китайцы все равно не дадут отдохнуть; придется драться, и отдыха не будет, и время пропадет.

Наконец, усталая, голодная и измученная колонна подошла к станции, которая завтра, в свою очередь, будет оставлена. Сзади всех идет сотня уральцев во главе со своим командиром.

Когда вошли в городок станционных построек, к колонне казаков подбежал какой-то „вольный" и крикнул:

— Кто тут командир?

Н. Н. Якимовский ответил:

— Я!

— Вас к телефону сколько раз уж вызывали. Вот и опять зовут!

— Хорошо! иду сейчас! — Николай Николаевич слез с коня.

— Василий Иович, распорядитесь охранением и поставьте сотню на ночлег!

Николай Николаевич торопился к телефону, ожидая каких-либо распоряжений от штаба генерала Орлова по прямому проводу.

— У аппарата капитан Якимовский! — крикнул он в телефон.

— У аппарата, ваше высокоблагородие, урядник Краснятов! — раздается в трубке.

У Николая Николаевича в глазах зарябило. По какому телефону Краснятов может с ним говорить? Откуда?.. Наконец, он очнулся и спросил вновь:

— А откуда же ты мне говоришь?

— Со станции Анда, ваше высокоблагородие!

— Как, со станции Анда?

— Так точно, ваше высокоблагородие, со станции Анда!

— А где же войска генерала Ма?

— И они ждешь, ваше высокоблагородие!

— Как здесь? — завопил Николай Николаевич. — Что же они там делают?

— А так что грабят и жгут станцию, ваше высокоблагородие!

— Ну, а ты откуда же говоришь? — недоумевал Николай Николаевич.

— Я с телефонной станции. Телефон-то оставили инженеры, не сняли, ваше высокоблагородие!

— Да ты с ума сошел, Краснятов! — вдруг перепугался командир за своего урядника. — Тебя же убьют китайцы!

— Никак нет, ваше высокоблагородие, я казака поставил в прикрытие.

— Уезжай немедленно! — заторопился встревоженный и восхищенный Николай Николаевич.

— Понимаю, ваше высокоблагородие А телефон прикажите испортить?

— Да порти! Ну его к чорту! Сам-то уезжай!

— Слушаю, ваше высокоблагородие! Сейчас выступлю.

Так решил уралец задачу наблюдать вдвоем за тридцатитысячным противником и за десятки верст доносить о виденном.

Через пять-шесть часов, ночью, Василий Иович разбудил командира:

— Николай Николаевич! Урядник Краснятов с разъездом прибыл благополучно!

Оказывается, уничтожив телефон, урядник Краснятов, со своим „разъездом" выступил в темноте и проехал через самую гущу китайских солдат армии генерала Ма, расположившейся вокруг станции Анда.

По вступлении сотни в отряд генерала Орлова, уральцы за свои боевые действия заняли в нем высокое почетное положение; а без урядника Краснятого генерал Орлов никуда не выезжал.

Наконец, боксерское движение было подавлено, и на линии Китайско-Восточной ж. д. восстановились порядок и работа.

Уральская сотня была отправлена на Хинганский участок инженера Бочарова.

Инженер Бочаров со своими служащими жил на самом перевале; а верстах в десяти-пятнадцати, внизу, в долине расположилась уральская сотня.

Места там безлесные и были почти безлюдны. Дела у казаков было мало.

Николай Николаевич очень сошелся с инженером Бочаровым и частенько, если не каждый день, ездил к нему в гости повинтить, поужинать, да хорошо поужинать. У Бочарова была такая Фимочка — большая мастерица накормить сытно и вкусно. А сам Бочаров был большой хлебосол и добрый собутыльник.

В это время Николай Николаевич был для уральцев уже не просто командир сотни, а глубоко уважаемый и глубоко, горячо любимый боевой начальник. Он был облеплен своими казаками, как в улье — матка пчелами. Около Николая Николаевича даже создался целый этикет того, как подобает с ним обращаться. И это было установлено твердо, непререкаемо, как все, что уральцы устанавливают. Но об этом поговорим несколько позже.

Вернемся пока к поездкам Николая Николаевича к Бочарову.

Стояла зима. Зимы там, на Хингане снежные, суровые. Волков много, и, в тех местах, они огромные, серо-белые. Порядок поездок был всегда один и тот же: с командиром в конвой ехали три казака по очереди. В розвальни обильно накладывали сена. Николай Николаевич укладывался, завернувшись в доху, казачьи лошади шли тройкой, а их наездники-казаки — на облучок, в конвой и за кучера. Все в пимах (валенки), в полушубках, рукавицах, при винтовках и шашках.

Наконец, все готово. Василий Ионович и дежурный по сотне урядник провожают командира, желают счастливого пути.

Казакам-конвойцам даются наставления.

— Когда ждать прикажете, Николай Николаевич? — спрашивает Василий Иович.

— К ночи буду... До свиданья!

— С Богом! — кричит вахмистр и тройка улетает стрелою.

Там, наверху угостят хорошо Николая Николаевича, останутся давольны и казаки; будет чем и закусить, и горло промочить.

Вот таким порядком, однажды, Василий Иович слышит ночью приближающиеся бубенцы и торопливо выходит во двор.

— Эй, дневальный! Живо ворота! Сейчас тут будут!

Ворота распахнуты настеж. Вахмистр и дежурный готовы встретить командира. Как вихрь влетает тройка и, с тпруканьем, останавливается.

В темноте Василий Иович, с фонарем, почтительно подходит к розвальням и говорит:

— Приехать изволили, Николай Николаевич!

Никто не отвечает. В розвальнях никакого движения. Казаки соскочили с облучка... Все нагибаются и видят, что розвальни пусты.

— А где же командир? — спрашивает казаков вахмистр.

— Да, Николай Николаевич тут были, Василий Иович! — отвечают конвойцы.

— Ах черти! — рявкнул Василий Иович, — оборонили командира! Тря-во-га! — вдруг заорал вахмистр. — Жива. Шедлай!..

Через несколько минут сотня, как вспугнутая птица, под командой вахмистра, вылетела в ворота и сгинула в темноте. С нею понеслись и розвальни.

Часа через полтора оставшиеся на посту казаки услышали приближающуюся уральскую казачью песню:

Ешаул наш Белоножкин
В руку шабельку берет
И ко шлаве нас вядет...

Во двор поста въехали розвальни с Николаем Николаевичем, а за ними торжествующий вахмистр и оживленные, радостные казаки.

То-то было весело, то-то было смеху! Пели плясали и гуляли до утра.

Оказывается, Николая Николаевича нашли в семи-восьми верстах, мирно спящим в своей дохе, на снегу.

И как его волки не съели? Да и замерзнуть мог. Морозы бывали под 30 градусов.

Эх, молодость! Где ты?..

Теперь обратимся к этикету, установившемуся в сотне в отношении к Николаю Николаевичу.

Денщиком у Николая Николаевича был казак Ермоличев. Николай Николаевич занимал рубленный дом в две комнаты, с передней и кухонькой. Одна из комнат — командирская спальня, другая изображала гостинную и столовую. В кухне располагался Ермоличев.

Войти в дом мимо Ермоличева было делом невозможным.

Бывало, Николай Николаевич, возвратившись от инженера Бочарова, довольно долго спит.

Никто не смеет его (кроме случаев тревоги) будить. Но когда бы Николай Николаевич ни изволили проснуться, все готово по положению к началу командирского дня.

Николай Николаевич проснулся и тотчас же зычным голосом кричит:

— Ермоличев!

Через несколько секунд Ермоличев входит со стаканом горячего чая и, остановившись у порога, говорит первый:

—*Желаю здравия, ваше высокоблагородие!* — и затем ставит стакан с чаем на столик у кровати.

Николай Николаевич молча прихлебывает чай, а Ермоличев, без натяжки, но неподвижно и безмолвно стоит в стороне.

Чай выпит. Николай Николаевич спускает ноги с постели, и Ермоличев тотчас же подает одеваться.

Николай Николаевич сопит и кряхтит, а Ермоличев упорно молчит. Наконец, шаровары и сапоги надеты. Николай Николаевич встает, засучивает рукава и отворачивает ворот рубахи.

В это время Ермоличев ставит табурет, на него таз. На плече у него полотенце, в левой руке мыльница, в правой — рукомойник.

Николай Николаевич подходит, подставляет руки, и начинается умывание.

В этот, а не в другой момент, Ермоличев начинает сплетничать, т. е. докладывает все те маленькие новости, которые дошли до его ушей, или то, что он лично увидел за вчерашний день. Николай Николаевич брызжет водой и фыркает, как дельфин, а Ермоличев болтает.

Умывание кончено. Умывальные принадлежности отставляются в сторону, и Ермоличев докладывает:

— Ваше высокоблагородие, вахмистр с рапортом дожидаются!

Николай Николаевич, свежий, одетый, застегнутый на все пуговицы, выходит в столовую.

Затем Николай Николаевич обходил казарму казаков, конюшню, концелярию и, если строевых занятий не было, возвращался к завтраку домой, а затем читал, писал до 5 часов дня, когда подходило время ехать на участок, т.е. к инженеру Бочарову.

Казаки, отбыв свои служебные обязанности, занимались своим делом.

Службы находилось всё же порядочно: уборка и водопой лошадей, наряды по внутренней службе, разъезды по разведке и по конвоированию служащих участка. Развлечениями служили книги, большей частью духовного содержания; кое-кто охотничал; летом, если река бывала близко, рыбачили, а то и так гуторили. Иногда бывали праздники; бывала и горка, певали и песни, а то нет-нет, да кто-нибудь разойдется и спляшет казачка.

Все казаки говорят друг другу „вы" и величают по-батюшке. Впрочем, в случае ссоры и перебранки переходили на „ты" и в крепком слове не стеснялись.

С непривычки можно было иногда попасть в тупик, услышав, что казаки оживленнейшим образом болтают между собой на каком-то непонятном диалекте. Это их французский язык: уральцы очень часто говорят между собою по-киргизски.

Однажды, с описанным выше этикетом и, именно, из-за строгости его выполнения, произошел большой конфуз, а Василий Иович, несмотря на весь свой опыт и природный такт, выработанный и жизнью, и службой, попал в большой просак, да и Николая Николаевича крепко сконфузил.

„Оно, конечно, китайцы-манзы и, если люди, то второго порядка, чем мы, русские, а особливо уральцы".
А все же вышло неладно.

Как-то раз Ермоличев, отводя по порядку „черемонию" пробуждения командира, когда пришло ему время чесать свой язык, заканчивая свои сплетни-новости, добавил:

— А к нам манзы приехали.
— Какие манзы? — полюбопытствовал Николай Николаевич.
— Да Мишка (китаец-переводчик) сказывал, что Цици-

карский Дзянь-дзюнь (генерал-губернатор Хойлудзянской провинции) со свитой, что ли.

— Когда приехали? Где они? — встревожился Николай Николаевич.

— Да часа полтора, как приехали сюда, к нам в дом.

Россердился Николай Николаевич. Наскоро оделся и выскочил в столовую, собираясь принести генерал-губернатору извинения.

В столовой никаких китайцев не оказалось, а на своем обычном месте вытянулся Василий Иович и произнес обычную формулу утреннего рапорта.

Поздоровался Николай Никаевич, а сам ничего не понимает, —— где же китайцы?!

— Василий Иович, Ермоличев мне сказал, что приехали, будто, к нам китайцы и Дзянь-дзюнь с ними!

— Точно так, Николай Николаевич. приехали и сказывали, что Дзянь-дзюнь.

— Почему же меня не разбудили, Василий Иович?

— А это как же возможно, Николай Николаевич, вас тревожить для манзов?

— Да где же они?

С олимпийским спокойствием, Василий Иович доложил:

— А мы их на речку за водой угнали, Николай Николаевич.

Можете себе представить, что пережил бедный Николай Николаевич!

Он выскочил из дома, а навстречу ему поднимались с речки в гору тридцать китайцев с ведерками воды в руках; среди них, действительно, находился цицикарский генерал-губернатор.

Много извинялся перед ним Николай Николаевич, а еще больше добродушно хохотал китайский сановник и успокаивал Николая Николаевича:

— *Что вы хотите? Они храбрые солдаты и все иностранцы* для них одинаковы!

Огорчился Василий Иович:

— Да кто же их поймет! Дзянь-дзюнь! А по мне — манза, да и все тут. Манзой одет, манза и есть. Что сапог, что ичиги — одна честь.

Однако, Николаю Николаевичу принес извинения за не-

приятность, причиненную ему без злой воли, а единственно от избытка уважения.

Конечно, об этом случае скоро забыли, и только иногда „шутейно" вспоминали, как яицкие казаки генерал-губернатора со свитой по воду с казачьими ведерками на реку гоняли.

Но Василий Иович не любил этих шуток.

Прошла зима. Массы китайские пришли в спокойное состояние. Боксерское движение было подавлено. Русские войска стали отходить на свои постоянные места, расположения в Иркутском и Приамурском военных округах и в крепости Порт-Артуре.

Охрана линии Восточно-Китайской железной дороги вновь перешла в руки Охранной Стражи, усиленной к этому времени еще несколькими, вновь сформированными сотнями, шестью конно-горными батареями и восемью ротами пехоты.

Но в горах, вблизи корейской границы, спокойствие не было восстановлено полностью. Появились крупные отряды хунхузов.

Так, в районе Фын-Хуан-Чена действовал и грабил население двухтысячный отряд Лин-чи.

Для ликвидации этой банды командующим Южно-Маньчжурскими войсками было приказано сосредоточить в Ляояне, под командой полковника Мищенко, конный отряд в составе четырех сотен и конно-горной батареи Охранной Стражи, роты стрелков и двух орудий 1-ой Забайкальской казачьей батареи. В состав отряда вошла и Уральская сотня.

В поход отряд выступил в июле месяце. Пришлось двигаться быстро. Пехоту бросили на первом же переходе.

Жара в это время в Южной Маньчжурии стоит невыносимая. Дожди беспрерывно льют, как из ведра. Словом, воздух — как в оранжерее. Дорога с горы на гору; переходы по 40-60 верст. Правда, кое-где дневали.

В конце концов, шайку настигли и разгромили. Через месяц вернулись в Ляоян, пройдя около 1000 верст.

За это время уральцы много раз себя показали, как и всегда, блестящими воинами, оставаясь всегда со своим особым духом, со своими уральскими особенностями.

Вспоминаются некоторые мелкие эпизоды, все также особенно характеризующие уральцев.

Стоим как-то на дневке в горной долине, скорее в уще-

лье. Жара тяжкая. Люди и лошади изнывают, а пуще всех обливается потом дородный Николай Николаевич.

Недалеко от бивуака шумит горная речонка. Николай Николаевич не выдерживает и, в жару, решает идти купаться.

— Ермоличев! — кричит он. — Приготовь мне полотенце; пойду купаться.

В скором времени появляется в туфлях Николай Николаевич, в какой-то хламиде, накинутой на голое тело.

За ним шествует, при шашке, туго подтянутый поясом, с Георгиевским крестом на гимнастерке (еще за Турецкую войну 1877-78 г.г.), с полотенцем в одной руке и с ведром в другой, штаб-трубач Уральской сотни, вахмистр Каликанов.

В Уральской сотне был „штаб-трубач", то он и в полку на действительной службе был штаб-трубачом.

Были подобные штаб-трубачи и в других сотнях, но назывались они просто трубачами, соответственно штату. Но в Уральской сотне — дело другого рода. Вахмистр, штаб-трубач Каликанов не желает быть разжалованным. Так он и именуется: штаб-трубач Каликанов...

Росту он большого. Статный красавец, богатырь-старик. Фуражка набок. Борода седая, расчесана по-скобелевски, надвое.

Уж так полагается в Уральской сотне, что на походе, если сотенный командир отделяется от сотни, его сопровождает штаб-трубач. Мало бы чего, что купаться; всё равно — порядок один. Тут денщику не место.

Придя на речку, Николай Николаевич ложится в воду. Но воды мало, и живот командира выпячивается из воды. А Каликанов стоит рядом и, зачерпывая воду ведром из речки, льет командиру на живот...

Конечно, мы много смеялись по этому поводу и, сквозь смех, спросили как-то Каликанова, для чего это нужно?

— А как же, ваши высокоблагородия! Николай Николаевич мущина дородный... Пузо-то у них в жару из воды высунувшись; неравно кондрашка хватит. А нам надо за своим командиром доглядеть, — объяснил Каликанов.

И ведь это не выдумка Каликанова. Это сотня бережет своего командира.

Двигаясь в один прекрасный день уже за Фын-Хуан-Ченом, имея впереди разъезд из 5-6 казаков уральцев, под ко-

мандой поручика Степанова (13-ой Конн. батареи) и две Донские сотни в авангарде, пришлось, наконец, почувствовать близость противника.

Дело было часов в 10 утра. День был ясный, солнечный. Когда авангардные сотни, с которыми шел начальник отряда, продвинулись, перед глазами открылась дивная панорама раскинувшейся впереди зеленой долины. Дорога полого спускалась к какой-то впереди лежащей деревне. Передовой разъезд был ясно виден идущим по дороге в версте, двух впереди.

Вдруг впереди показалась какая-то большая толпа людей. Казалось, что среди нее видны какие-то красные пятна.

Не успели отдать себе отчет в том, что это движется впереди авангарда, как начальник отряда и впереди идущие увидели, что передовой разъезд, сверкнув выхваченными шашками, понесся марш-маршем вперед.

Полковник Мищенко, скорее инстинктивно, поняв обстановку, крикнул: „Строй фронт!" Через несколько мгновений всё стало ясно. Передовой разъезд атаковал и врезался в толпу китайцев. Послышалась стрельба.

Раздалась команда: „Шашки к бою! Наметом! Марш!"

Через минуту сотни налетели на лянзу (баталион) хунхузской пехоты, шедшей толпой, „во образе колонны".

И во-время поручик Степанов и 5-6 уральских казаков оказались в самой середине китайской массы и сыпали шашками удары направо и налево, отбиваясь от насевших со всех сторон остервенелых манз.

Счастье Степанова и уральцев, что у них был начальником отряда полковник Мищенко. Не подоспей он во-время с сотнями, опоздай на минуту, все они были бы с китайской жестокостью убиты.

Но, слава Богу, во-время, с криком „ура", налетели казачьи сотни на китайскую лянзу и буквально изрубили ее.

Поручик Степанов и уральцы, отделавшись легкими ранениями, были спасены.

Как вы находите? Шесть всадников дерзко атакуют 400-500 человек неприятельской пехоты.

Не все на это решатся. Уральцы решаются.

А вот другой случай:

Несмотря на большие переходы, нам долго не удавалось догнать главную конную массу шайки Лин-Чи. Китайская

пантофельная почта (передача слухов населением) доносила, очевидно, хунхузам о наших движениях. Мы шли, конечно, на одних и тех же конях, а шайка Лин-Чи меняла лошадей, грабя их у жителей, и свободно от нас уходила, держась постоянно в 30-40 верстах от нашего отряда.

В один прекрасный день, часам к семи вечера, мы стали на бивак. Лошади устали. На перевале много лошадей в батарее падало от солнечных ударов. Утомились и люди. Фуража не было; рубили шашками для корма лошадей ветви дубового кустарника, покрывающего горы. Лошади хорошо ели дубовые листья. Ну, хорошо?! Это так говорится. Предпочитали дубовые — другим листьям...

Часов в 9 вечера начальник отряда полковник Мищенко собрал к себе всех офицеров отряда и спросил на военном совете, есть ли, по мнению совета, какая-нибудь возможность в создавшейся обстановке догнать Лин-Чи...

Все ответили единогласно: „Невозможно!"

— В таком случае, нам, повидимому, придется бросить преследование и повернуть обратно?..

Все согласились и с этим.

Не весело было офицерам. Неловко возвращаться домой с пустыми руками, не дойдя немного до самой реки Ялу. А что было делать?

Задумался П. И. Мищенко.*) Установилось довольно долгое, тяжелое молчание. Наконец начальник отряда заговорил:

— Г.г. офицеры! Потрудитесь приготовиться к выступлению через два часа. Мы продолжим преследование Лин-Чи ночью. Будем делать по два перехода в сутки, но догоним, разделаем его под орех, а потом будем отдыхать. Прошу всех по местам.

Вышли офицеры повеселевшие и подбодренные энергией начальника отряда.

В 1 часов вечера, в темноте, отряд тихо снялся с бивака и выступил в ночной поход.

Впереди шел головной разъезд; тот же поручик Степа-

---

*) В Японскую войну, за боевые отличия, был произведен в чин генерал-майора, с зачислением в Свиту Его Величества, и затем в чин генерал-лейтенанта, с назначением генерал-адъютантом.

нов, сумасшедшей храбрости офицер 13-ой Конной батареи, с 5-ю уральцами.

В полуверсте за разъездом — сотня авангарда, а еще в 1 версте — три сотни и конно-горная батарея.

Идем всё время горами, но идти много легче ночью; не так жарко и мух нет.

На рассвете, в колонне главных сил, вдруг услыхали далеко впереди выстрелы. Двинулись рысью вперед. Вскоре прискакали казаки с приказом батарее быстро идти вперед к начальнику отряда на позицию; с китайцами начался бой.

Все сотни понеслись вперед к авангардной сотне, а батарея, поднимавшаяся в это время на гору под прикрытием последней сотни, выбивалась из сил, чтобы скорее достигнуть перевала. Номера (конная орудийная прислуга) помогали тяге упряжных лошадей лямками.

С перевала широким галопом батарея пошла вниз.

На пригорке увидели полковника Мищенко, а впереди, шагах в 500, нечто вроде хутора, а около него гремела ружейная стрельба.

— Батарея, на позицию! Открыть огонь по хутору! Сейчас казачьи цепи пойдут в атаку! крикнул полковник Мищенко.

Засвистели пули и батарея, развернувшись, карьером вынеслась на позицию, снялась с передков и через секунды заревели шрапнели, разрываясь в самом хуторе.

Красивая и страшная картина ночного боя.

Хутор вспыхнул пожаром и полковник Мищенко бросился с казаками в атаку.

В результате, около ста китайских хунхузов полегло на месте; у нас оказалось несколько раненых казаков.

Потом выяснилось, что разъезд поручика Степанова, в составе пяти казаков-уральцев, спустившись на рассвете с горы к речке, увидел неожиданно перед собой за речкой около сотни лошадей на водопое.

Сообразивши, что это не что другое, как хунхузы, поручик Степанов крикнул: „Шашки к бою!" и бросился через воду, в карьер на эту конную массу.

Оказалось, что это коноводы хунхузской заставы, приведшие лошадей на водопой.

Естественно, они бросились на утек к хутору, где и ночевала хунхузская застава. Некоторых коноводов казаки за-

рубили во время скачки, а с остальными вскочили внутрь двора.

Тут поднялось что-то невообразимое. Крики, стрельба — ад. Авангардная сотня поскакала на выстрелы и нарвалась на жестокий ружейный огонь. Степанов с казаками исчез.

Один из дозоров уверял, что он видел, как передовой разъезд бросился на какую-то конницу, и все унеслись к хутору, около которого идет бой.

Полковник Мищенко легко поверил, что передовой разъезд, именно, так дерзко, врасплох, атаковал превосходного по численности противника, и потому для спасения своих людей с такой ястребиной быстротой атаковал хутор и взял его, убив всех занимавших его китайцев- хунхузов. Но зато спас чудом оказавшихся живыми поручика Степанова и пять лихих уральцев.

Как им удалось заскочить с лошадьми в какой-то сарай и отбиться до атаки наших сотен от китайского нападения, как они не попали под пули и шрапнели своих, — одному Богу известно!

Кончив здесь с заставой, двинулись дальше. Рассвело; мы шли по низу расширявшегося ущелья, совершенно не зная местности. Просто шли по дороге, на которой только что имели дело с хунхузской заставой. Минут через 20 мы вдруг вошли в довольно широкую долину, в которой оказался небольшой китайский городок, названия которого я не помню. За городком вновь высились горы, и мы ясно увидели всю хунхузскую шайку, поднимающуюся на ближайщую гору за селением. Китайцы занимали позицию и расцветили ее огромными красными флагами.

Снова загорелся бой. Китайцы открыли сильный ружейный и орудийный огонь.

Позиция была взята казаками; шайка частью легла под пулями, частью полегла под шашками, частью бежала и рассеялась в горах. Преследование длилось до вечера.

Прибавилось у нас еще раненых, и их стало до 30 казаков и 1 офицер на батарее.

К вечеру выставили сторожевое охранение и решили было дать отряду отдых.

Задымились костры, запахло готовящейся пищей. Офицерство собралось в кружок около костра на батарее. Раненый в плечо, поручик Сапожников крепится и держится мо-

лодцом. Делимся впечатлениями и закусываем, чем Бог послал...

На утро, отдохнувши, пошли назад. Горные речки, после вновь упавших дождей, вздулись и превратились в бурные реки; приходилось переправляться через них с трудом. Наконец, дошли до речки так поднявшейся, что приходилось переправляться вплавь. Орудия протянули канатами по дну. Но вот, как быть с ранеными?

Челноков или лодок на этом берегу не нашли. Оставить раненых на этом берегу, хотя бы и под охраной, до розыска лодок и отряду переправляться сейчас нельзя, не гоже; первыми на покой раненые и больные, потом — лошади, потом — казаки, потом — г.г. офицеры, а потом — начальник отряда. Таков порядок воинской щепетильности.

Остановился отряд на правом берегу. Приказано вызвать охотников-пловцов — уральских казаков — переплыть реку, разыскать на том берегу лодки и пригнать их сюда.

Вышли человек 10 пловцов-казаков, с ними увязался и поручик Степанов.

А река разбурлилась и довольно широко разлилась.

Пловцы бросились в воду; видим, что Степанова вода сбивает и что он из сил выбивается. Но, ничего... уральцы поддержали его, и он выбрался на левый берег благополучно.

Лодки привели, перевезли раненых, перевезли кое-какие припасы, а остальные люди и лошади перешли реку вплавь; орудия прошли по дну.

Вымокли и продрогли порядочно. Разбили бивак, развели костры — греться, сушиться, варить чай, пищу.

Подошел посиневший от холода и воды Степанов и присел около нашего батарейного офицерского костра. Как вдруг, кто-то из офицеров-артиллеристов его спрашивает:

— Эй, Василиса (его имя Василий Васильевич). А где твой перстень?

Взглянул Степанов на руку; перстня нет. У бедняги даже перекосилось лицо.

— Пропал, — говорит, — теперь...

Перстень подарили ему офицеры 13-ой конной батареи, когда он перевелся в Охранную Стражу Китайско-Восточной железной дороги; на черном щите перстня была набрана

бриллиантами цифра 13. Степанов считал перстень своим талисманом.

— Когда же ты его потерял, Василиса? — спросил один из его друзей.

— Да, значит, вот сейчас на переправе, — отвечает Степанов. — Я его хорошо помню на руке, когда раздевался для переправы... Плохо мне, братцы! Убьют меня без кольца...

*Тот же артиллерист, видя такую растерянность и искрен*нее горе Степанова, посоветовал ему пойти к пловцам-уральцам и попросить их поискать кольцо в реке.

— Да что ты говоришь! Где же искать кольцо в реке! — говорит Степанов.

— Да ты пойди. Если ты фаталист, то пойди и попытай свою судьбу. Найдешь — жив будешь, нет... Пообещай казакам 100 рублей за находку. Поработают, — настаивает приятель.

Степанов угрюмый пошел к уральцам. Через минут двадцать он прибежал, как сумасшедший. Кольцо было у него на руке.

Какая удача! Казаки пошли к месту переправы, прикинули, как и куда вода могла отнести кольцо и начали нырять и захватывать со дна горсти песку. Наконец, один из пловцов вынырнул с горстью песку, а в нем перстень Степанова.

В этот момент он был несомненно самый счастливый человек в мире.

Между прочим. В первом бою в Японскую войну, в 1904 году, под командой генерала Мищенко, близ реки Ялу хороший и храбрый В. В. Степанов был убит. Не знаю, был ли перстень у него на руке?

***

Чтобы возможно полнее фактами из служебной жизни характеризовать упорство и твердость уральского казака, расскажу еще один случай.

Дело было в Харбине, еще до боксерского восстания. *Как-то так повелось, что очень часто и поздно по вечерам,* главный начальник Охранной Стражи стал производить тревоги. Бывало, только что кончится день и люди готовятся ко сну, как вдруг раздается сигнал казачьей трубы „тревога". Начинается помеша (суматоха). Сотни спешат седлать коней, затем несутся на сборное место и строятся в резервную колонну.

Конечно, никто не знает истинной причины тревоги и слухи самые фантастические начинают облетать массу собранных людей.

На устах у всех „хунхузы". Впрочем, дело скоро разъясняется. Появляется главный начальник, здоровается с сотнями и благодарит за службу.

Конечно, эти тревоги были бы изредка уместны и полезны. Плохо было то, что этим воинским упражнением главный начальник одно время злоупотреблял и почти всегда к ним прибегал, несколько подгуляв.

Разумеется, эти частые тревоги были досадно утомительны и многие были недовольны. Однако, делать было нечего; подчинялись и всё обходилось благополучно.

Помню хорошо одну такую тревогу. Как всегда, казачий день заключился вечерней зарей и жизнь в расположении сотен затихла. Прошло довольно много времени и, очевидно, многие казаки полегли уже спать; как вдруг раздались тревожные звуки сигнальной трубы.

Я вышел на двор и уведел в западной части неба, за Харбином, большое зарево пожара. Ночь была темная. Трубы рокотали „тревогу".

Со всех сторон слышался топот скачущих лошадей и командные окрики.

В течение нескольких минут прискакали на сборный пункт с разных сторон казачьи сотни, в то же время появился главный начальник.

Почувствовалось, что на сей раз тревога серьёзная. Пошли слухи, что большая шайка хунхузов подошла к Харбину и уже подожгла стоявшие в стороне от него огромные запасы, стоявшего в скирдах сена, заготовленное железной дорогой.

Отряд быстро двинулся к месту пожара и одновременно повел разведку.

Никаких хунхузов не оказалось, но сено, загоревшееся по неизвестной причине, сгорело.

Тревога кончилась. Сотни отправились по своим местам и вся история, казалось, окончилась благополучно.

Но в Уральской сотне вышло не благополучно.

Когда раздались звуки сигнала „тревога", казаки спешно стали собираться и выбегать из казармы с седлами на конюшню седлать коней. В дверях стоял взводный вахмистр

Егоров. Мимо него, с седлом в руках, торопливо проходил 75-летний казак Чибикеев и достаточно громко пробурчал: «Кто в Маньчжурии не бывал, тот тревог не видал».

Вахмистр Егоров крикнул на него,

— Молчать, с... сын! Жива! Айда шядлать!

Чибикеев резко остоновился и заявил, что на тревогу он не выйдет.

Несмотря на повторное приказание вахмистра Егорова, Чибикеев наотрез отказался исполнить приказание.

Доложили сотенному командиру, приказавшему арестовать казака Чебикеева.

Это произошло еще в тот период, когда еще недавно „Якимовский в яму сажал".

После тревоги командир сотни подал рапорт главному начальнику об отказе казака Чебикеева исполнить отданный ему приказ.

Назначено было дознание и я его производил. Оно оказалось коротким и ясным. Пришлось опросить только двух лиц — вахмистра Егорова и казака Чебикеева; все остальные были слишком заняты тревогой, чтобы заметить происшедший с вахмистром Егоровым случай.

Оба показания были безусловно одинаковыми. Вахмистр Егоров обвинял казака Чебикеева в дерзкой критике во время службы слишком частые тревоги, выразившейся в словах: «Кто в Маньчжурии не бывал, тот тревог не видал», и в отказе исполнить приказ выйти на тревогу после того, как он, вахмистр Егоров, крепким, таким же точно словом обругал Чебикеева. Буквально то же самое повторил казак Чебикеев. Разногласия не было. Тут не могло быть и разговора о недоразумении. Казак Чебикеев твердо заявил, что полученный приказ он отказался исполнить.

На основании этого дознания главный начальник отдал *приказ о предании казака Чебикеева суду с содержанием под* арестом впредь до рассмотрения дела военным судом.

Прошло некоторое время и в Харбине была получена из главного управления казачьих войск телеграмма, уведомляющая, что Его Императорскому Величеству Государю Императору благоугодно было осчастливить Уральское казачье войско, приняв на себя шефство над Гвардейской Уральской казачьей сотней.

Натурально, эта телеграмма была объявлена в приказе по Охранной Страже. Наша Уральская сотня со своим командиром порешила отпраздновать это радостное событие в жизни Уральского казачьего войска.

Был устроен парад, а затем завтрак для всех чинов Уральской сотни; к завтраку пригласили главного начальника, всех г.г. офицеров и урядников Охранной Стражи, находившихся в Харбине.

Завтрак по-казачьи был устроен на славу. Главный начальник провозгласил здравицу за здравие Государя Императора. Помощник главного начальника поднял чарку во славу и за процветание доблестного Уральского казачьего войска. Командир сотни, от лица уральцев, провозгласил пожелание здравия главному начальнику Охранной Стражи. После этого говорили здравицы и офицеры, и казаки. Пели уральские песни и особенно торжественно пели уральцы старинную песню про „Яикушку".

Словом, было весело, а главному начальнику, видимо, было любо видеть развеселившуюся молодецкую сотню, да и сам он явно пришел в благодушное настроение.

Я думаю, не ошибусь, если скажу, что это мне пришло в голову, как производившему дознание, использовать благоприятный момент и попробовать испросить у главного начальника для такого большого случая, прощение Чебикееву.

Подговорив несколько офицеров, удалось быстро уговорить командира сотни просить главного начальника о прощении Чебикеева.

Полковник Гернгрос согласился быстро, и дежурному офицеру приказано было распорядиться привести из-под ареста казака Чебикеева.

Вскоре появился под конвоем двух казаков с обнаженными шашками Чебикеев — высокий, худощавый старик-казак с седой бородой, в помятой в карцере шинельке, смотревший строгими и злоупрямыми глазами.

Подвели его к главному начальнику. На его „здорово, казак!" Чебикеев отчетливо ответил: „Здравия желаю, ваше высокоблагородие!"

— Послушай, Чебикеев! Государю Императору благоугодно было оказать Высочайшую честь Уральскому казачьему войску, приняв шефство над Гвардейской Уральской сотней — сказал полковник Гернгрос.

Немедленно, спокойно и с достоинством казак Чебикеев ответил:

— Покорнейше благодарим Его Императорское Величество за воинщкую чешть уральшкому войшку!

— Так вот, — продолжал главный начальник, — командир твоей сотни, г.г. офицеры и казаки просят меня для такого радостного события, простить тебя.

— Покорнейше благодарим Ваше высокоблагородие, командира сотни, г.г. офицеров и казаков за ходатайство обо мне, — ответил Чебикеев.

— Я тебя прощу, Чебикеев, — сказал полковник Герн-грос, — при условии, что ты сейчас же повинишься перед вахмистром Егоровым.

Чебикеев, ни одной минуты не колеблясь, ответил:

— Покорнейше благодарю, ваше высокоблагородие! Только повиниться перед вахмистром Егоровым не согласен.

Ответ его произвел на всех очень тяжелое впечатление. Праздничное, приподнятое настроение упало. Все увидели невозможность прощения.

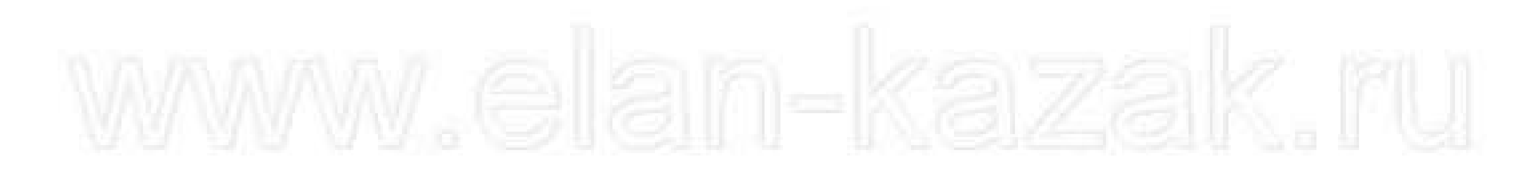
Тяжесть военного проступка требовала возмездия и морального удовлетворения вахмистру Егорову. Все почувствовали, что главный начальник, беря амнистию Чебикеева на свою личную ответственность, не мог решиться и не осмелиться игнорировать нравственное страдание вахмистра Егорова, попадающего в сомнительное положение, в случае безоговорочного прощения Чебикеева.

— Ну, твое дело, Чебикеев! — сказал после некоторого раздумья полковник Герн-грос. — Дежурный офицер, распорядитесь отправить Чебикеева назад под арест.

Когда Чебикеев вышел из помещения во двор, его окружили офицеры и казаки с уговорами: — Одумайся, Чебикеев! Ведь ты же виноват, не исполнив приказа. Иди повинись. Подумай! Суд ведь шутить не будет!!!

Чебикеев ответил: — Покорнейше благодарю за наставление. Это точно, что я виноват в неисполнении приказа. Знаю я, что в войсках за это по голове не гладят; я старый казак. Только и вахмистру Егорову лаяться я позволить не согласен, и мне, старику, виниться перед ним не приходится.

Состоялся суд и Чебикеев был приговорен на 11 месяцев в Иркутскую дисциплинарную роту.

Через 11 месяцев Чебикеев вернулся в Уральскую сотню и продолжал свою службу в ней до конца существования Охранной Стражи.

Начальником охраны Южной линии на Порт-Артур был полковник Мищенко. Как-то поздней осенью он приехал в Харбин по делам службы и явился Главному начальнику. По окончании служебных разговоров полковник Герngрос пригласил полкоВвника Мищенко к себе на завтрак. Натура у полковника Герngроса была широкая, любил загулять и на этот раз разгулялся, как морской царь. После завтрака он решил устроить пикник на берегу Сунгари, на так называемой пристани, где теперь вырос китайский город Фудядзян.

Полковник Герngрос с полковником Мищенко и другими своими гостями отправились верхами в сопровождении конвоя, хора трубачей и Уральской сотни. Предполагалось устроить рыбалку. А кто же специалисты, как не уральцы.

Захватили вина и закусок, и с музыкой и песнями двинулись на пристань. Все были довольны, ибо и казакам чарка перепадет, да и порыбачить уральцы рады.

Там расположились на берегу, развели костер и приступили к делу: выпивать и закусывать. Рыбалка оказалась невозможной. Было очень холодно и по реке шло уже сало (ледяная каша, предшественница скорого ледохода и ледостава). Казаки были одеты уже в полушубки.

Ясно было видно, что полковнику Мищенко не нравится всё происходящее, но он был вынужден терпеть, будучи гостем Герngроса.

Конечно, полковника Герngроса настроение было повышенно и, видя не весьма сочувственное к его пикнику отношение полковника Мищенко, он внутренне раздражался. Его, что называется, чорт подмывал. Он выдумывал и выкомаривал всякие штуки и затеи озорного характера. Наконец, он нашел настоящее, чтобы покрепче досадить полковнику Мищенко.

— А вот что, друзья, — воскликнул вдруг полковник Герngрос, — не прокатиться ли нам по Сунгари на пароходе?

Молодежь радостно поддержала:

— Так точно, господин полковник. Это идея!

Все с шумом и смехом дввинулись на пароход. Лошадей оставили сбатованными на месте привала под охраной, а

Представьте себе, в этом месте рыбы не оказалось; казаки быстро возвращались к своим саням и немедленно прыгали вместе с лошадьми и санями и баграми в сугробы снега с высокого берега Урала и полным *наметом носились и пробовали в разных местах и, когда кто-либо находил* косяки осетров, к ним присоединялись и другие.

Старинная французская карикатура на Уральских казаков-рыболовов.
Текст: Они считают за самое большое несчастие зацепить своим багром лягушку вместо рыбы.

Осенняя плавня. Кроме багренья, были у Уральцев и другие виды рыболовства, которые также велись всем Войском и по сигналу в точно определенные сроки.

Генерал Матвей Филаретович Мартынов, казак Каменской станицы

все остальные казаки, с винтовками и шашками, отправились на пароход и заполнили всю верхнюю палубу.

Хор трубачей гремит и Гернгрос со своими гостями, в свою очередь, поднялся на пароход.

Полковник Мищенко стоит угрюмый и недовольный. А полковника Гернгроса чорт толкает на схватку с ним.

Капитан парохода смущен необычностью порядков на его пароходе, но Гернгрос быстро ставит его в ясное положение объявлением, что и он, и пароход находится в его, полковника Гернгроса, распоряжении и что он, Гернгрос, является его главным командиром.

— Ну-ка, капитан, — начал полковник Гернгрос распоряжаться, — отчаливай, брат, и валяй на середину реки, вниз по матушке, по Сунгаре.

Пароход отчалил и его огромное гребное колесо, расположенное за кормой, запенило с шумом воду своими лопастями. Пароход развил скорость хода и вышел на середину реки.

— Так держать, крикнул Гернгрос, изображая капитана и тотчас же обратился к нахмуренному полковнику Мищенко:

— А что, Павел Иванович! Кто из нас с тобою храбрее? — вдруг заговорил на ты полковник Гернгрос, хотя он никогда на ты с П. И. Мищенко не был.

— Ну, без сомнения, вы храбрее меня, Александр Алексеевич, — пытался уклониться полковник Мищенко.

— И я так думаю, — сказал с хмельным задором Гернгрос. — И я тебе, дорогой Павел Иванович, это сейчас докажу.

Казаки, стоявшие тесной гурьбой на палубе, теснясь около своих начальников, слушали с восторгом речи и шутки полковника Гернгроса. Казаки его обожали за его молодечество, за пьяные дебоши, за доброту и, особенно, очевидно, за его широкую таровитость во время кутежей. Молодым офицером он был ординарцем у генерала Скобелева и был в то время награжден орденом Святого Георгия 4 степени.

С этими словами полковник Гернгрос двинулся к правому борту парохода в толпу казаков. Уральцы, теснясь, давали дорогу своему „Янгрошу", образовав узкую улочку. Спиной к борту в полушубках, при винтовках и шашках прижалась шеренга уральцевв.

Гернгрос обратился к одному из бородачей: — Любишь ли ты меня, казачина?

— Так точно, ваше высокоблагородие, — рявкнул казак.

И вдруг, неожиданно, Гернгрос крикнул ему: — Пошел в воду!

Уралец, не задумавшись, как был, во всей своей казачьей боевой снасти и в полушубке, даже не повернувшись лицом к воде, опрокинулся через борт навзничь и плюхнулся в реку.

Мищенко похолодел от ужаса за казака, которого, несомненно, подтянуло под пароход и он сейчас попадет в огромное, грохочущее сзади парохода, колесо.

Кровь бросилась ему в голову и он пустился бежать вдоль борта и, увидев привязанную сбоку парохода лодку, перемахнул через борт и упал в нее, думая помочь погибающему.

Полковник Мищенко жестоко разбил себе при падении ноги и хорошо, что не угодил в воду.

А казак в это время спокойно, по саженкам, уходил от парохода к берегу. Остановили пароход и с трудом подняли полковника Мищенко на палубу.

Гернгрос не унимался: — Что, — говорит, — Павел Иванович, испугался? А я, брат, не испугался. Я, брат, своих молодцов знаю. — И, повернувшись столь же внезапно к кому-то из уральцев, он вновь крикнул: — Ступай в воду!

Столь же стремительно и это приказание было исполнено, и второй казак, по ледяной реке, в тяжелой одежде и с оружием поплыл, как плавал летом на рыбалке на своем родном Яике.

Всё кончилось благополучно. Никто не утонул и „не озяб"; все хорошо покутили, закусили и выпили, а Павел Иванович заявил полковнику Гернгросу: — Может быть вы, Александр Алексеевич, и отчаяннее меня, а вот уральцы, те, так действительно храбрые. Экие люди!

* * *

Наконец, Охранная Стража, выполнив свою задачу, была заменена Заамурским корпусом пограничной стражи и старые сотни казаков Охранной Стражи были отпущены с почетом и благодарностью по домам. Ушли обратно в свои части и почти все офицеры.

Прошло несколько лет и я находился на службе в С.-Петербурге,

В декабре месяце 1906 года я получил неожиданное приглашение на завтрак к полковнику Н. Н. Якимовскому, вернувшемуся в свой Л.-Гв. Павловский полк.

Прихожу к указанному времени. Николай Николаевич встречает меня шикарно одетый в сюртуке, в прихожей, оживленный и торжественный.

Из передней я вижу довольно много людей в дальней комнате, но не отдаю себе отчета, кто они такие.

Спрашиваю Николая Николаевича: — Что за торжество у тебя?

А вот, подожди, — говорит, — сейчас увидишь. Сюрприз.

Входим в столовую с радостным Николаем Николаевичем и я вижу 7-10 человек расчесанных и одетых в щегольские темносиние татарки уральских казаков из его „Уральской сотни".

Оказывается, это делегаты Уральского войска, привезшие, по обычаю, от войска „прежент" Государю Императору, а другой „прежент" бывшему командиру уральцев в Маньчжурии Николаю Николаевичу Якимовскому. Презент состоял из лучшего качества икры и балыков, добытых из уловов казаками на р. Урале.

Сели за стол, и за чаркой водки, под уральские балыки и осетровую икорку Николай Николаевич и уральские казаки стали вспоминать те сечи, где вместе рубились они.

Кто же, кроме уральцев, мог сделать что-нибудь подобное и так красиво наградить вниманием Войска солдатского чуждого офицера за твердую службу командиром уральских казаков?

Да никто!

И это не кто-нибудь, не какой нибудь штукарь придумал, а Войско порешило. А ведь что войско, когда решало что-нибудь, то не всегда это бывало и государству даже приятно.

Признавая действия Николая Николаевича в бытность его командиром Уральской сотни доблестными и для Уральского войска полезно-почетными, порешили „пошлать прежент" с делегацией и Николаю Николаевичу Якимовскому.

Ну, разве не трогательна духовная фигура казака Славного Уральского Казачьего Войска, так закончившего свои

служебные отношения с командиром, вместе с ним много пережившим в далекой Маньчжурии.

Генерал К. Н. Хагондоков

ОТЗЫВ АТАМАНА

Статья написана с глубоким пониманием психологии отошедших и отходящих в вечность истых сынов Яика Горыновича, Атаманом которых, по существу, я и являюсь. Написана она с очень редкой чуткостью „старшего к младшим", как фактически дело и обстоит. Чуткость эта заставляет забывать тяготы жизни и облегчает пяту шествующей старости. Дай Бог автору этой статьи здравствовать еще много-много лет, при непременном условии — доброго здоровья!

Не строю себе иллюзии, что статья может понравиться многим, в том числе и всем Уральцам, но она написана для стариков. Старики же, побывавшие, а некоторые покомандовавшие уральцами во время „Первой Мировой", а там и при развернувшихся за нею событиях, могут смело сказать: „Да, были люди и в наше время!"

Люди, как люди — простые смертные, но с „изюминкой" — казачьим духом, и с крепко вошедшими и в кровь и в плоть, наставлениями отцов при отходе на военную службу: „Делай всё, что прикажет начальник, но против Бога и Царя не выступай!"

На почве этой формулы немало бывало у казаков крепких столкновений с начальством и своим, и, как говорится, с чужим, *но это случалось, когда начальство оказывалось* совершенно сухими палками, неспособными ни к какому компромиссу.

Вспоминая обстановку в гор. Уральске за период 1905 и 1906 года, нисколько не удивляюсь, что казаки воспользовались случаем отблагодарить своего бывшего любимого командира, и Войско поэтому решило послать мотивированный презент Н. Н. Якимовскому одновременно с обычным „к Царскому столу".

Вероятно, при мотивировке этого решения не малую роль сыграло соображение, что в этом деле нет ничего ни против Бога, ни против Царя. Умели казаки пользоваться обстановкой и не упускать случая! Да не в укор будет это им сказано.

Атаман В. С. Толстов

УРАЛЬЦЫ НА РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ

Во время русско-японской войны 1904-5 годов, в состав Конного Корпуса генерал-адъютанта Мищенко вошла бригада уральских казаков. Бригаду эту составили 4-й и 5-й казачьи полки Уральской казачьей бригады.

Для Мищенко и для некоторых чинов его штаба уральские казаки были довольно хорошо известны еще со времени службы в Охранной страже Китайско-Восточной железной дороги. Это в значительной степени облегчало задачу наилучшего использования качеств этих своехарактерных казачьих полков.

Однако, многие, особенно характерные качества выявились постепенно.

Каждый раз, когда определялась новая черта уральцев, как воинов и войска, это было всегда к их чести, и всё лучше и ярче выявлялась их великая воинская доблесть.

Уральцы оказались воинами без страха и без всякого лукавства в бою.

По первым раздавшимся выстрелам старший из уральских начальников командовал: „На молитву — шапки долой!"

Казаки снимают шапки, крестятся и шепчут молитву: „Господи! В руци Твои предаю дух мой!"

Раздается новая команда: „Накройсь!" и с этого момента уралец считал себя принадлежащим Богу. Ему оставалось только честно перед Господом исполнить свой долг христолюбивого воина. Начало боя означало для уральцев стремление возможно скорее добраться до врага с тем, чтобы, не жалея своей крови и жизни, проли ь кровь противника и уничтожить его.

Это бывало даже и не всегда выгодно для целей командования. Если, при движении в сторону противника, уральцы бывали в авангарде, то соображения об обходе позиции, занятой японцами, могли легко разбиться.

Получается, например, однажды от авангардного уральского полка донесение командиру корпуса о том, что впереди лежащая деревня занята противником, открывшим по авангарду огонь.

Генерал-адъютант Мищенко немедленно отдает приказ не задерживаться перед этой деревней и обойти ее с севера, продолжая движение в намеченном направлении. Оказыввает-

ся, что сделать это немедленно невозможно. Спешенные уральские сотни уже схватились яростно с боевым порядком японцев и находятся в 100-150 шагах от японской боевой линии, и отойти к коноводам уже трудно. Кровь уже течет: несут раненых и убитых. Приходится развертывать отряд, вызывать батареи на позиции, чтобы вынуть уральцев из боя. Конечно, японцам показано, как Кузькину мать зовут, но драгоценное время для возможно быстрого выхода в заданный район частью потеряно.

Не может генерал-адъютант Мищенко не восхищаться и не гордиться доблестью уральцев, но в то же время нельзя этих храбрых воинов оставить без своего руководства и без указания на допущенные ошибки. И генерал после боя выговаривает с ласковым упреком командиру 4-го Уральского каз. полка полковнику Соколову или командиру 5-го Уральского каз. полка полковнику Соловьеву.

— Послушайте, славный! Ну, зачем же было вам схватиться с японцами?.. Ведь я же послал вам приказание не ввязываться в бой, обойти деревню с юга и продолжать безостановочно путь!

Полковник, богато украшенный сединой, переминается с ноги на ногу и с видом провинившегося школьника, скромно отвечает:

— Виноват, ваше превосходительство! Я, жнаете, и ахнуть не ушпел, как головной отряд, 4-ая сотня, бросился на деревню и должен был шпешиться. Тут и началось. Где уж было обходить с юга!..

Генерал щурит от удовольствия глаза и, улыбаясь, заканчивает свое „наставление" напоминанием о необходимости не только храбро драться с противником, но и согласовать свои действия с обстановкой и с полученными директивами.

***

После Мукденского боя русские армии отошли на Сыпингайские позиции. Конный корпус был расположен на правом фланге русских армий, обеспечивая этот фланг и ведя разведку перед фронтом 2-ой армии и на правом фланге. Река Ляохе ограничивала теоретически театр военных действий, отделяя Маньчжурию от Монголии, считавшейся нейтральной.

Однако, были получены сведения, что на правом берегу р. Ляохе стали появляться сильные разъезды японцев и по-

тому командующий 2-ой армией приказал командиру Конного корпуса ежедневно отправлять одну сотню казаков на правый берег Ляохе в район деревни Тайпун-чай для изгнания этих неприятельских разъездов и для наблюдения вообще за этим районом, представляющим обширную степную равнину с разбросанными по ней кое-где холмами и песчаными буграми (барханами).

Дело происходило зимой, когда в Маньчжурии, после дождливого лета и бездорожья почва просыхает до следующей весны, когда снега нет и следа, ибо, если он иногда и падает, то почти немедленно испаряется; дороги накатываются до звонкой гладкости и до твердости шоссе, и движущиеся по ним колонны и обоз тонут в густых облаках тончайшей желтой лессовой холодной пыли.

Наступила очередь итти за реку сотне 4-го Уральского каз. полка. С рассветом, под командой есаула Железнова, сотня выступила в назначенный район.

В этот же день командир Конного корпуса со мной, как старшим адъютантом штаба корпуса и двумя конными вестовыми, по вызову командующего 2-ой армией, выступили верхом в штаб 2-ой армии. Пришлось пройти около тридцати-сорока верст.

Погода была ужасная. При сильном морозе дул ураганной силы ветер, не только гнавший густые тучи пыли, но и швырявший мелкие камешки. Мы защищали свои лица башлыками, но у бедных коней морды были в крови.

Вот в такую погоду двинулась на разведку за Ляохе сотня есаула Железнова.

Перейдя вброд через реку, сотня двинулась по дороге на Тай-пин-чай. Между прочим, название этой деревни в переводе на русский язык значит: „Большое солдатское поселение". Это нечто по-нашему вроде казачьей станицы, поселенной для охраны маньчжурской по Ляохе границы со стороны Монголии.

Кругом пустая степь. Не видно нигде ни души. Свирепствует ураган и несутся бесконечные тучи пыли.

Командиру и казакам представляется ясным, что кругом такая пустыня и так она насквозь и на далеко видна, что никаких мер охранения их похода принимать никакой нужды нет. Даже дозоры не были высланы. Колонна казаков „по-три" растянулась по дороге к Тай-пин-чай, где промерзшие, озябшие и проголодавшиеся казаки расчитывали обогреть-

ся, отдохнуть и покормиться самим и коням. Словом, воинского порядка в этом движении было не много.

Наконец, сотня подошла к д. Тай-пин-чай, растянувшейся вдоль дороги на семь верст.

С целью укрыться от ветра, сотня свернула с дороги, чтобы двигаться между высоким барханом и деревенскими постройками вдоль дороги.

Несмотря на допущенные ошибки по охранению движения, командир сотни всё же имел характер пройти со своей сотней до другого конца деревни, чтобы иметь перед собой открытый кругозор и только после этого распустить казаков по китайским дворам для отдыха.

Шли, как я уже писал, не стройной колонной, а растянувшейся ватагой «в образе колонны». Дорога виднелась из-за деревни и казалась, как всё кругом, пустой и безжизненной.

Наконец, голова колонны и впереди всех командир сотни вышли из-за деревни и совершенно неожиданно увидели перед собой развернутый фронт двух японских эскадронов, для которых появление казаков явилось, повидимому, также полной неожиданностью.

Командир сотни заорал:

— Шашки к бою! Марш-марш — ура! — и понесся на японцев. За ним, выхватывая из ножен шашки, поскакали, поднимая клубы пыли, с ревом „ура", ближайшие к голове, колонны, казаки. Шедшие сзади, не зная, в чем дело, но видя предшествующих казаков, переходящих в карьер и вынимающих на скаку шашки, постепенно проделывали то же самое.

Таким образом, образовалась растянутая между деревней и барханом и несущаяся с криками „ура" в карьер, в густом облаке пыли, ватага в 80 казаков против двух эскадронов японских гусар, численностью в 400 коней.

В таком безобразном виде шла в атаку сотня 4-го Уральского полка на два стройно стоящих эскадрона японцев.

Один эскадрон, ничтоже сумняшеся, повернул по-взводно налево кругом и полным ходом унесся с поля сражения.

Другой же эскадрон сверкнул саблями и стройно и храбро бросился навстречу своей судьбе в сомкнутом строю в атаку на несущуюся к нему в полном беспорядке казачью сотню.

В облаках холодной пыли и в вое урагана, с криками „ура" и „банзай" столкнулись храбрые противники в шашке и сабле. Через несколько секунд на земле лежало 38 трупов зарубленных японцев. Остальные, рассыпавшиеся по степи, японские всадники неслись, как сумасшедшие на своих большеголовых австралийских лошадях, удирая от преследующих их уральских бородатых богатырей.

Сколько унесли японцы с собой шашечных казачьих ударов, я не знаю. Убитых казаков не было; одиннадцать уральцев получили сабельные удары, но все остались в строю.

За это дело есаул Железнов был награжден орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-ой степени.

Были награждены солдатскими крестами ордена Св. Георгия и наиболее отличившиеся казаки.

***

После этого случая, доказавшего, что японская кавалерия стала проникать в Заляохейский район значительными силами и ввиду слухов о возможности переброски японских сил на правый берег Ляохе, Конному корпусу генерал-адъютанта Мищенко приказано было, для лучшего обеспечения правого фланга русских армий, перейти на правый берег в районе деревни Ляоянвона, недалеко от деревни Тай-пинчай.

В скором времени нашей разведкой было установлено, что на правом берегу Ляохе, против Конного корпуса Мищенко сосредоточены японские силы в составе 7-ой пехотной дивизии и двух отдельных кавалерийских бригад генералов Тамуры и Акиямы.

Потянулось скучное время сидения на позициях русских и японских армий. Кавалерия непрерывно вела разведку. Конный корпус ежедневно высылал серию из трех разведок в сторону японского расположения; средний — по дороге Синмин-тин на Инкау от Уральской бригады; левее шли Забайкальцы и правее — Кавказцы.

Уже весною, после целого ряда стычек и перестрелок Конного корпуса с японцами в районе и впереди деревни Ляоянвона, сохраняя всё то же расположение частей корпуса и сторожевого охранения, а также всё тот же порядок посылки серии разъездов, мы стали тяготиться бездействием и монотонностью службы.

Как вдруг один эпизод из доблестной службы уральцев оживил всех чинов штаба Конного корпуса.

В этот день, как и во много дней до этого, с утра вышел *вдоль дороги разъезд 5-го Уральского каз. полка,* в составе урядника и 7 казаков. Разъезд, как и каждый день до этого, должен был пройти верст 20-25 вперед и непременно пройти большую китайскую деревню, название которой я не удержал в памяти. Обыкновенно, разъезд, пройдя эту деревню, лежащую в котловине, поднимался на высокий бугор за деревней и оттуда наблюдал за впереди лежащей местностью. Кругозор был отличный благодаря степному характеру района.

В таком положении, обыкновенно, разъезд, никем не тревожимый, оставался до вечера и затем старался незаметно отойти назад и скрыться из глаз японцев, *возвращаясь в расположение* Конного корпуса.

Иногда пройти указанную деревню разъезду не удавалось, если японцы успевали ее занять до прихода казаков. Тогда разъезд останавливался на буграх, не доходя деревни, теряя в общем не более 1-2 верст в смысле удаления от расположения Конного корпуса и ничего не теряя в наблюдении за порученным ему районом.

В день, о котором я говорю, уральский разъезд без помех со стороны японцев перешел деревню и спокойно поднялся на лежащий за ней бугор.

В течение всего дня не было замечено никакого движения японцев и под вечер разъезд отошел в деревню. Здесь, ввиду полного спокойствия и отсутствия японских разведчиков, начальник разъезда решил дать казакам напиться чаю в китайском постоялом дворе и напоить лошадей.

Через полчаса разъезд сел на коней и двинулся в обратный путь.

Вышли казаки из деревни и стали подниматься по дороге в гору, совершенно спокойные за исполненную службу, как вдруг, поднявшись на бугор, они увидели перед собой *в 200 шагах развернутый фронт японского эскадрона, двинувшегося* к ним навстречу.

Вот задача для начальника разъезда! Как поступить в данном случае? Очевидно, решений можно было найти несколько; но я позволю себе усомниться, что многие приняли бы решение, принятое уральским начальником разъезда.

— На молитву! Шапки долой! — скомандовал урядник.

Все казаки сняли папахи, перекрестились и тихо прошептали каждый про себя: „Господи! В руци Твои предаю дух мой!"

— Накройсь! — командует урядник. — Шашки к бою Жа мной в карьер, марш-марш!

С криком „ура" уральцы ринулись на идущий на них галопом японский эскадрон. Через секунду японские гусары в беспорядке бежали во весь опор от своих страшных врагов, унося себе в нравоучение шашечные удары и оставя несколько зарубленных на поле битвы и пленных в руках уральцев. Восемь уральцев, лихо атаковавших эскадрон японцев, шедший на них сомкнутым строем, обратил в бегство 200 японских гусар при пяти офицерах и взяли в плен восемь японцев, т.е. по одному на каждого казака этого разъезда.

Разве это не чудо доблести, не чудо-богатыри? Ведь надо только представить себе картину этой схватки, чтобы понять, что эскадрон дал тыл, не приняв удара восьми против двухсот. Уральцы ворвались в толпу несущихся в панике японских гусар и, раздавая удары направо и налево, хватали за поводья японских лошадей и увели в плен сидящих на них всадников.

По должности старшего адъютанта по строевой части, я принял доклад начальника разъезда, 8 пленных гусар японцев, восемь лошадей, 8 винтовок и 8 сабель, выдав урядни-ку квитанцию в принятии.

Дело в том, что за каждого пленного, по приказу главнокомандующего, выдавалось 100 рублей наградных. В этом деле разъезд заработал 800 рублей.

Доклад урядника, начальника разъезда был полностью подтвержден офицером, начальником забайкальского разъезда, шедшего левее уральцев. Он со своим разъездом издалека увидел засаду, заготовленную японцами для уральского разъезда и спешил к нему на помощь. Как сообщил мне этот сотник-забайкалец, он ожидал для уральцев самого худшего и никак не ожидал того, чем японская затея закончилась, т.е. разгромом эскадрона и его позорным бегством с незадачливого для него поля битвы.

Однажды два уральских казака были посланы с почтовой сумкой в штаб армии. Едучи по дороге, пролегавшей по засеянным полям, они въехали в гаоляновое поле.

Гаолян, европейское имя коему „сорго", имеет стебель, похожий на кукурузный. Вместо известных всем кукурузных

початков, растение выбрасывает султан, на ветвях которого сидят красноватые зерна. Всадник легко скрывается в зарослях гаоляна: высота ствола его доходит до 4 метров.

Мирно раскуривая трубочки, казаки пробирались в чаще гаоляна, как вдруг за поворотом полевой дорожки мелькнул силуэт японского гусара. Казаки бросились за ним. Гаоляновое поле закончилось и выскочившие из густых зарослей, казаки увидели уходящего во весь опор по пшеничному полю, японца.

Началась бешеная скачка — погоня двух за одним. Все трое выхватили шашки и саблю. Наконец, казаки на своих ордынках догнали австралийского мустанга и подскочили вплотную к японцу по обеим его сторонам.

Японец неистово размахивал своей саблей, пытаясь отбиться от казаков. Один из уральцев замахнулся шашкой, собираясь зарубить японца. Но другой, бородач кричит ему:

— Не портите яво, Иван Петрович! Вожьмем яво живьем.

При этом он нанес японцу шашкой по спине плашмя страшный удар, от которого сын страны Восходящего Солнца вылетел из седла вверх тормашками, закопав хорошую репу. Поймали казаки и японца живьем, и его маштака (коня), заработав положенные 100 рублей.

***

Однажды Конный корпус получил приказ прорвать сторожевое охранение 2-ой японской армии генерала Оку и выяснить местонахождения авангарда.

Пройдя вглубь японского расположения верст на 30-35 и закончив удачно операцию, Конный корпус к концу дня возвращался в район расположения 2-ой армии.

Так как нам предстояло еще раз пройти сквозь линию японского сторожевого охранения только с их тыла, то, подходя к ней, генерал-адъютант Мищенко приказал выдвинуть в авангард 4-й Уральский каз. полк и сам со штабом корпуса переехал в голову полка.

Впереди шла от авангардного полка сеть разъездов.

Японское охранение не оказало возвращающемуся русскому Конному корпусу никакого сопротивления, предупредительно сняв с его пути сторожевые посты и заставы.

Мищенко, идя со штабом корпуса и со штабом 4-го Уральского каз. полка во главе авангарда, поднялся на гребень последних высот, расположенных параллельно линии

Сыпингайских русских позиций, т.е. высот, занятых притаившимся сторожевым охранением японцев.

Впереди, между этими двумя линиями высот расстилалась прекрасная долина с разбросанными повсюду обработанными полями. День подходил к концу; жар спал, и солнце, склоняясь к западу, весело играло на зелени посевов. Кругом тихо. Ни выстрела. Ничто не нарушало картины природы, готовящейся после трудового дня ночному отдыху.

Залюбовавшись развернувшейся картиной, Мищенко невольно остановился на бугре перед началом спуска в долину. Кстати, решено было сделать на несколько минут привал.

— Стой! Слезай! — раздались команды, и авангард спешился.

Группа офицеров собралась около командира корпуса, беседовавшего с командиром 4-го Уральского каз. полка, полковником Соколовым.

Почти тотчас же внимание всех было привлечено каким-то движением всадников, носящихся по долине по разным направлениям.

Командир бригады и офицеры повытаскивали свои бинокли и уставились в них, рассматривая происходящее внизу по долине.

Очень быстро всё разъяснилось: сеть уральских разъездов наткнулась на серию разъездов, высланных японцами к фронту русских войск и оказавшихся, таким образом, между двумя русскими линиями. Уральцы погнались за рассыпавшимися японскими гусарами, и началась скачка во всех направлениях.

Не прошло двух, трех минут наблюдения командиров и офицеров, отвлекшихся от своих рядов, как от авангарда почти ничего не осталось.

Уральцы так увлеклись видом бегства японских кавалеристов и погоней за ними казаков, что они стали самовольно выскакивать из строя, принимая участие в погоне-скачке..

Когда командир корпуса оторвался от наблюдения в бинокль за происходящим впереди, он страшно рассердился, увидев, что авангардный полк растаял.

Полковник Соколов принял от него горячий душ неприятных указаний и замечаний. Теперь в авангарде Конного корпуса стоял командир корпуса со своим штабом и с личным конвоем в составе 20-25 казаков.

Во время замечания, сделанного полковнику Соколову командиром корпуса, я стоял сзади него на коне и вполне разделял его неудовольствие на самочинные действия казаков. Вдруг ко мне подъехал хорунжий 1-ой Забайкальской каз. батареи Арцышевский и взволнованно сказал:

— Смотрите! Вон, вон скачет японец!

Я взглянул вниз под гору и увидел несущегося полным ходом японского гусара в направлении к нашему бугру. Не могу дать себе отчета в том, как это случилось, как это могло случиться, но мы, то-есть Арцышевский и я, как сумасшедшие, понеслись вниз навстречу японцу, боясь только одного, чтобы он не успел шмыгнуть в какую-нибудь заросль и там бесследно скрыться.

Спустившись вниз на равнину, мы увидели несущегося прямо на нас японского гусара с саблею в руке. За ним шагах в ста-полутораста скакали два уральских казака. Место было ровное, с большой зеленой лужайкой, лежавшей между нами и японцем. Мы вынули шашки и я крикнул Арцышевскому:

— Возьмем японца в плен!

Видно было ясно, что наше с ним столкновение произойдет на этой зеленой лужайке и что японец попадется не казакам, а нам.

С полного хода мы с Арцышевским влетели..., но не на лужайку, а в лужайку, оказавшуюся болотом. В тот же момент с другого берега «лужайки-болота» в него влетел японец. Все три наши коня загрузли моментально до самого седла, и мы вынуждены были по пояс в грязи встать для вызволения лошадей.

Вслед за нами, но со стороны японца, подскакали хохочущие казаки с веселым криком:

— Готово, ваше высокоблагородие!

При их помощи кони были вытащены из трясины и все мы, грязные и мокрые, стояли на берегу ее, как охотники над затравленным после гонки зверем, делясь своими впечатлениями.

Казаки очень сочувствовали нашей неудачной попытке поймать пленного и утешили нас тем, что «их здесь полно».

Обескураженные и сконфуженные, мы спросили:

— Где, где?

Садясь на коней и посадив пленного на его лошадь, они

махнули как-то неопределенно куда-то вправо от пути Конного корпуса и заявили:

— Да вот туда поскакали! Там их нарублено!.. Лежат в траве ровно фазаны (синие мундиры и краповые чакчиры японских гусар). Так по «шакме» и дойдете, ваше благородие. (Сакма — след на примятой траве).

Словом, мы с Арцышевским уже стали одержимыми. Забыв свои обязанности и служебные места, мы бросились в указанном казаками направлении.

Вскоре мы и в самом деле наткнулись на лежащего в траве зарубленного японского гусара; немного дальше — другой труп японца указывал путь к третьему... Так «шакмой» мы доскакали до полянки среди кустов, на которой стояли спешенными и, горланя, ругались 4-5 уральцев, держа в руках своих коней.

Я на них набросился:

— Что это такое? Идет бой! А вы тут что делаете?

— Дак, ваше благородие! Гляди-ка! Мы, значит, шкачем за японцами и рубим их. А энтот... — указали мне на небольшого ростом бородача, — живым маршем скочет с коня и, значит, винтовку с убитого подбирает. Воин! Уже пять штук их подобрал. За энто яво по-товарищески и кроем — заключил уже с ноткой добродушия докладчик.

Дело в том, что японские кавалерийские, очень легкие и маленькие карабины котировались по 10 рублей. Так что одни сейчас воевали, а «энтот» занимался коммерцией. За это его и «крыли» товарищи, забыв и про войну, и про японцев.

На это я сказал казакам, что надо было думать не о наживе на японских винтовках, а об уничтожении японского разъезда.

— Точно так, — говорят бородачи. — Так мы и думаем. Может, вы пришкакали по нашей «шакме». Энто всё лежат наши крестники!

Так как я, действительно, сам видел лежавших зарубленных уральских «крестников», то я примирительно сказал:

— Ну, и что же! Всех срубили?

В это время мы пешком прошли десятка два-три шагов и остановились у небольшой китайской фанзы (хаты), обнесенной глиняным заборчиком не выше полутора аршин.

Против оклеенного бумагой окна я остановился около уг-

ла самого заборчика, и в этот момент один из казаков ответил:

— Никак нет, ваше благородие! Двое на самых лучших лошадях ушли; не догнали их.

Я спросил их:

— Куда они ушли?

Казак махнул рукой, таща за собой коней.

— Да вот сюда и ушли.

Я вынул бинокль и стал осматривать местность в указанном направлении.

Установилась тишина; видимо, казаки ожидали результата офицерской разведки.

— Вы куда шмотрите, ваше благородие? — вдруг раздается внушительный голос одного из казаков.

Я отвечаю, что смотрю, не увижу ли где-нибудь двух японцев на лучших конях.

Тогда казаки мне очень серьёзно доложили, что «ети» двое «в фанже».

Я даже попятился, ибо стоял шагах в десяти от бумажных окон фанзы, из которой вот-вот загремят выстрелы двух, решивших дорого продать свою жизнь японцев. «Банзай, харакири...», мелькало у меня в голове.

Я отошел к боковой глухой стене у дымовой трубы и отозвал к себе казаков; во избежание ненужных потерь решил поджечь соломенную крышу фанзы, чтобы заставить японцев выйти и сдаться.

Пока я делал этот план, во двор въехал на коне хорошо выпивший казак и, стуча плетью о дверь фанзы, стал кричать:

— Э! Джангуйда! Ипен ю ме ю? — что должно было означать: «Эй, хозяин! Японцы есть или нет?»

На этот крик дверь отворилась и вышел трясущийся от страха китаец-крестьянин и с жалкой миной на лице, трепещущим голосом заявил:

— Меюля... — то-есть, «нет».

Я крикнул пьяному уральцу, чтобы он убрался оттуда к чорту и сам поехал посмотреть, что делается с задней стороны фанзы.

Оказывается, что раньше меня туда попал один из уральцев и в слуховом окне увидел двух перепуганных на смерть японских драгун. Он их поманил пальцем. Они вышли и отдали ему свои винтовки, лежавшие уже у его ног; а самих их

мой бородач уже тщательно осматривал, вывернув их карманы.

Окончательно сконфуженные, мы, с Арцышевским вернулись к своим местам, где к моему великому удивлению, мой генерал-адъютант встретил меня веселой и насмешливой улыбочкой и ограничился коротким упреком:

— И вы тоже, Константин Николаевич!..

После этого Корпус быстро дошел до своих пределов и занял положенные ему места на правом фланге русских армий.

***

Однажды Конный корпус получил приказ обойти левый фланг японской армии и прорваться в направлении на Мукден, пройдя за город Факумынь. По сведениям штаба главнокомандующего, в этом районе происходило интенсивное движение японских обозов, доставляющих всякого рода снабжение к левофланговой японской армии. Цель нашего движения — уничтожение этих обозов.

В момент получения Конным корпусом приказа о набеге за Факумынь, он стоял на правом берегу р. Ляорхе, в районе деревень Ляоянвона и Тай-пны-чай. Местность степная, с насыпанными ветрами грядами барханов (песчаных бутров). Наше и японское сторожевые охранения занимали две параллельные гряды этих песчаных барханов, разделенные зеленым полем в 2-3 версты шириной. Подножный корм обильный, зеленая трава повсюду.

Вдали, за левым флангом японского сторожевого охранения, виднелись сопки (невысокие горы). В ясное летнее утро Конный корпус выступил в набег двумя колоннами. Левая — Кавказская казачья дивизия; правая — Урало-Забайкальская каз. дивизия. Из четырех казачьих батарей в набег было взято только два орудия I Забайкальской каз. батареи, чтобы достигнуть наибольшей подвижности.

Шли в открытую, огибая левый фланг японского сторожевого охранения, но вне ружейных выстрелов. В противность своим привычкам и ввиду совершенно необыкновенного зрелища движущегося моря конницы противника, японцы высыпали из всех окопов на гребни барханов и безмолвно наблюдали величественную картину наступления идущего дерзко и безмолвно в бой врага.

В этом районе у японцев были сосредоточены лучшие их кавалерийские части — две отдельные бригады генералов

Тамуры и Акиямы. Кроме того, в состав 7-ой пехотной дивизии генерала Осеко входил 7-ой гусарский полк. В общем, на своем крайнем левом фланге японцы имели 20 эскадронов в 200 коней каждый, что, примерно, соответствовало 40 сотням казаков, насчитывавших в то время, примерно, по 100 коней. Наши две казачьи дивизии имели менее 48 сотен так как несколько сотен было оставлено для охраны не взятых в набеге артиллерии и обозов, а также для охраны переправы и для несения службы на линии полевой почты к штабу 2-ой армии.

Наша ближайшая пехота находилась от нас верстах в пятидесяти, и на ее поддержку мы расчитывать никак не могли. Японская же пехота была от нас в 3-5 верстах и почти равные силы кавалерии, поддержанной своей пехотой, могли и должны были атаковать «обнаглевшую» русскую конницу, идущую, без всякого сомнения, в ближайший тыл японской армии. Очевидно, японское командование обдумывало какай-то контр-маневр, но приказать наброситься на наши колонны не посмело. Лишь какая-то одна из батарей открыла издалека по нас огонь, но шилюзы (гранаты) падали, не долетая до нас и вызывая ядреные шутки казаков. Впрочем, решение японцев спрятать свою кавалерию было не глупо, так как, надо думать, она была бы изрублена русской казачьей конницей.

***

Движение Конного корпуса продолжалось беспрепятственно весь день, во вторую половину которого наши колонны вошли в горную страну; оптическая связь между колоннами была нарушена и приходилось делать большие усилия, чтобы поддерживать связь между колоннами. Надо иметь в виду, что карт Маньчжурского театра войны не было.

Пройдя к вечеру 50-60 верст, Конный корпус остановился в сопках на ночлег, выставив кольцевое сторожевое охранение, т.е. во все стороны. Ночь прошла тихо и с рассветом Корпус снялся с ночлега и двинулся дальше, продолжая итти на Факумынь.

Солнце еще не всходило, и мы бесшумно шли по узкой горной долине, почти по ущелью, в сером полусвете начинающегося дня; только изредка позвякивали забайкальские пушки на рытвинах дороги, да цокали стремена всадников.

Вдруг впереди раздалось: «та-ку!» — так звучит издали выстрел японской винтовки. Затем «та-ку» зачастили. Им ответили такие же звуки «та-ку» справа, слева и сзади.

Все мы сразу поняли, что в течение ночи японцы нас окружили и решили расстрелять русскую конницу в горных дефиле. Стало очевидно, что это и явилось тем контр-маневром, которым японцы решили ответить на наше дерзкое движение. Да не знали они — на кого напали.

Лучше всех замысел японцев понял ген. Мищенко и для жестокого рипоста не нуждался в 24-х часах раздумья и подготовки. Он со своим штабом был в голове авангардного полка правой колонны. Как только стало ясно, что мы окружены, он отдал приказ: «Энергично и немедленно атаковать японцев во все стороны».

Авангард (Читинский каз. полк) немедленно бросился в *конном строю вперед, перестраиваясь на ходу в боевой поря*док. Уральцы (оба полка) развернулись направо; Верхнеудинский полк (Забайкальцы) — назад. То же сделано было и левой колонной — атака вперед, влево и назад.

Яркое солнце взошло и японцы получили возможность увидеть «лицо врага». Неожиданность нападения создалась, но не для нас, а для них — японцев. Они пришли атаковать и напасть врасплох, а были сами атакованы врасплох и по всем направлениям. Несчастная бригада пехоты полегла целиком. Лишь одна рота уцелела и только потому, что сдалась в плен.

Впрочем, не будем забегать вперед. Я рассказал о начале движения Конного корпуса за Факумынь, чтобы ознакомить читателей с обстановкой боевых столкновений за время этого маневра, в котором, как и везде, уральские казаки еще раз блеснули своей необычайной доблестью.

* * *

Бой гремел со всех сторон, постепенно удаляясь от центра круга, в котором оставался командир Корпуса со своим штабом, со взводом 1-й Забайкальской каз. батареи и его прикрытием, силою в одну сотню уральских казаков. В сущности, это и составляло общий резерв, находившийся в распоряжении командира Корпуса.

Ввиду энергичного натиска Забайкальцев, для этого резерва получилась возможность двигаться к лежавшему перед нами впереди гребню, который только что был во владении японцев. Оказалось, что за этим гребнем открылась обшир-

ная равнина в направлении на Факумынь и на Мукум. Туда и ринулся 1-й Читинский казачий полк (Забайкальцы).

Командир Корпуса, осмотревшись, свернул со своим «резервом» вправо, так как справа и сзади очень усилился ружейный огонь и наших, и японских винтовок. Таким образом, генерал, его штаб, два орудия и сотня уральцев вышли из системы горок (сопок) и оказались на довольно открытой местности. Теперь перестрелка была слышна где-то впереди и справа у подножья высот, из группы которых мы только что вышли.

Чтобы разобраться в этом ружейном тарахтеньи, ген. Мищенко, оставив два орудия в довольно глубоком овраге под прикрытием все той же сотни уральцев, сам со штабом пошел по направлению ближайших выстрелов. Видя впереди и несколько слева небольшой хутор, он направился к нему, чтобы укрыть в нем свой штаб, коней и лошадей.

Все вошли в этот хутор, а я пошел вправо, чтобы от угла хутора осмотреть местность в направлении слышавшихся ближайших выстрелов.

Как только я подошел к углу крайней постройки, передо мной, шагах в четырехстах, оказался окоп, тылом к хутору, занятый ротой пехоты японцев, ведущей огонь по какой-то нашей части, спускавшейся в боевом порядке с горы (две уральские сотни).

Отбежав быстро назад за угол, я доложил генералу о виденном мною и он со мной прошел на мой наблюдательный пост.

Положение генерала с его штабом было более чем рискованное; но об этом речи не было.

— Скачите и привезите одно орудие. Открыть огонь вдоль окопа, — отдал он мне приказ.

Вскочив на своего коня, я помчался к Забайкальскому артиллерийскому взводу, получил одно орудие под командой хорунжего Арцышевского и мы галопом поскакали на меленький бугорок, скрывавший японцев от взоров артиллеристов. Подходя к вершине бугра, я сказал Арцышевскому:

— Впереди лежит ваш Георгиевский Крест. Сейчас вы увидите прямо перед собой роту японцев в окопе. Выходите на позицию по конно-артиллерийски.

Хорунжий скомандовал: «На позицию! В карьер, марш, марш!» и через несколько секунд перед нами открылся лежавший шагах в четырехстах на обратном пологом скате это-

го бугра, длинный и неглубокий, видимо, наспех выкопанный, стрелковый окоп, наполненный стрелявшей лежа японской ротой.

— Налево кругом — марш! Стой! С передков! — раздалась нервная команда Арцышевского. Я наблюдаю японцев и вижу, что они увлечены своей перестрелкой и не видят выросшей на их правом фланге угрозы.

Через секунду загремел орудийный выстрел. Шрапнель с ревом пролетела над головами японцев и разорвалась в конце окопа. Японский огонь мгновенно остановился. Раздался второй выстрел и японская рота бросилась бежать назад — прямо к хутору.. У меня волосы встали дыбом, когда я это увидел. «Пропал генерал и весь его штаб! Ведь там всего навсего 7-8 офицеров и 20-25 казаков. Никто из хутора не показался, значит — или не видят опасности, или ее не понимают».

Я уже скакал к хутору, стараясь дойти до него раньше японцев. Вижу, к хутору во всю мочь бегут спешенные уральцы — сотни прикрытия артиллерии. «Кто раньше добежит? *Уральцы или японцы?!*»

Подскакиваю к хутору и вижу моего генерала в пальто с красной подкладкой на самой опушке хутора, что-то кричащего подбегающей сотне казаков.

В то же время толпа уральцев с шумом и бряцаньем оружия, обтекая генерала, ворвалась в улочку хутора и почти тотчас же поднялась сумасшедшая стрельба. Мы с генералом и штабом бросились за казаками, рассыпавшимися вдоль противоположной окраины хутора. Стрельба так же мгновенно прекратилась; казаки безмолвно стоят с винтовками в руках, а перед ними, не доходя 20-50 шагов, лежит.. вся до одного убитая рота японцев. Всё молодежь, одеты в одно нижнее белье, с патронташами и в сапогах. Видно, что пришли не издалека и потому так легко были одеты.

Не успей уральцы по своей инициативе прибежать на выручку и опередить японцев, так лежали бы они, вместе с командиром, штабом и конвоем.

С этого момента стрельба со всех сторон стала затихать и, наконец, установилась абсолютная тишина.

Сели на коней и генерал решил переехать в сторону оставленного в овраге орудия. Тут, на открытой равнине, он приказал собрать разлетевшийся Конный корпус и тотчас

штаб-трубач затрубил много — много раз повторенные им сигналы: «слушайте все!» и «Сбор».

Послышались с разных сторон звуки повторяемых полками сигналов. В общем, только через два часа Конный корпус, покрытый боевой славой, кровью врагов и пылью, собрался около своего, тогда знаменитого, командира Корпуса.

Перевязали поднесенных с разных сторон японских раненых, снабдили их хлебом, консервами и нужными медикаментами и, свернувшись снова в две колонны (Кавказцы в правой), двинулись на запад, обходя с юга горы, в которых японцы хотели и, может быть вновь попытались бы, захватить нас в западню.

Колонны шли весело: все понимали, что «япошам» влетело крепко. Едва-ли кто ушел живой из окружавшей нас бригады, так как беглецов преследовали не только конные сотни, но и пушка Арцышевского гонялась за беглецами ротами, разметая всякую попытку где-либо задержаться или укрыться.

***

Как только колонны вытянулись по пологому скату, слева, из лежавшей внизу деревни, послышались ружейные выстрелы. Сначала на них не обращали внимания, но так как пули стали ложиться у самой левой колонны, то генерал приказал мне взять из колонны две сотни Верхнеудинского полка и два орудия и поручить есаулу Чупрыне повести демонстративное наступление на указанную деревню; а как только колонна выйдет из сферы огня, снять этот отряд и поставить его снова в левую колонну.

Так всё точно было исполнено. Орудия открыли огонь по опушке деревни. Казаки спешились и повели наступление цепями на деревню.

Через полчаса колонна вышла из-под огня и я передал отряду приказ отойти и присоединиться к левой колонне. К великому сожалению, есаул Чупрына в этой стычке был убит.

Я догнал голову колонны и доложил командиру Корпуса об исполнении приказания и о смерти есаула Чупрыны.

После этого мы прошли около шести верст, как вдруг нас догоняет разъезд Верхнеудинского полка сотника Трусова (поручик Псковского драгунского полка). Сотник докладывает генералу, что есаул 5-го Уральского каз. полка взял роту японцев в плен и просит генерала остановить колонну, что-

бы пешая японская рота смогла догнать наши главные силы. Можно себе представить удивление и радость генерала, да и всех чинов колонны, когда эта весть облетела полки Корпуса.

Карпус был тотчас остановлен, спешился и стал ожидать отличившуюся сотню 5-го Уральского каз. полка.

Через полчаса появилась ожидаемая урало-японская колонна, быстро двигавшаяся с песенниками впереди:

Есаул наш Белоножкин
В руку шабельку берет
И ко славе нас ведет...

заливались уральцы-песенники. За ними, окруженная казаками с шашками наголо, быстро шла в колонне по четыре рота японцев в 250 человек при пяти офицерах. Все в боевом снаряжении; лишь затворы из винтовок были у них вынуты и разместились в казачьих карманах. Сзади по три шла остальная часть сотни.

Хороший трофей!

Все довольны, веселы. А довольнее всех — генерал-адъютант Мищенко и есаул Зеленцов, которому, вместе с благодарностью, генералом было сообщено, что есаул Зеленцов будет представлен к награждению орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия. А нет и не будет высшей награды для русского воина, чем Георгиевский Крест.

Как же произошло дело пленения роты японцев? А вот как.

Когда бой загорелся во все стороны, Уральская бригада кинулась против разбросанной по гребням высот японской пехоты вправо. Очевидно, рота, против которой был направлен натиск сотни есаула Зеленцова, уклонилась от удара и, пользуясь складками чрезвычайно пересеченной местности, отскочила в деревню, где потом была взята в плен.

Словом, сотня промахнулась и, не встретив перед собой врага, пронеслась сквозь японскую линию окружения и залетела далеко, попросту заблудилась, потеряв связь с корпусом.

Бой затих, но за дальностью расстояния, есаул Зеленцов не мог ориентироваться и безнадежно блуждал за горным хребтом. Звуков сигнала «сбор!» сотня не слыхала. Вдруг он услышал орудийную стрельбу и двинулся рысью на выстрелы.

Поднявшись на гребень высот, он увидел внизу, в долине, деревню, против которой вели огонь наши забайкальские

орудия, казачьи цепи, ведущие наступление на ту же деревню и две наши колонны.

Тогда есаул Зеленцов решил помочь нашей атаке, ведущейся на указанную деревню и быстро подскочил к окраине деревни.

Здесь он спешил сотню и у него оказалось в пешем строю 60 казаков. С ними он перебежками под огнем противника прошел деревню и добрался до какого-то крупного имения, вернее двора, обнесенного высоким каменным забором.

Отсюда он увидел со всею ясностью происходящее в расположении нашего Конного корпуса. Его колонны двигаются на запад; два забайкальских орудия обстреливают деревню и особенно двор, за стеной которого он укрылся со своей сотней. Казачьи цепи остановились и не двигаются, но ведут по деревне огонь и пули их с воем проносятся над забором, за которым затаились уральцы.

Есаул Зеленцов раздумывает, как ему перейти в атаку двора и старается угадать момент, когда она будет своевременна.

В это время есаул Зеленцов увидел, что к переставшим стрелять забайкальским орудиям подошли передки, а казачьи цепи начали отходить к отходящим колоннам. Положение создалось отчаянное. Все свои уходят и сотня уральцев остается отрезанной превосходным по численности противником.

Трудно было дойти до забора, а уйти, отойти от него к своим коноводам — еще труднее. В этот момент над забором, над головами казаков показалась палка с белой тряпкой. Все невольно прижались теснее к забору, ожидая какой-нибудь каверзы со стороны японцев. Однако, ничего нового не произошло, и тряпка продолжала неподвижно висеть над забором.

Тогда есаул сказал казакам: — Ляжите тихо. Я погляжу там, чаво японцы затевают.

Он вынул шашку из ножен и на ней осторожно поднял свою папаху над забором, чтобы посмотреть, как отнесутся японцы к его голове, если он и ее поднимет над забором.

Ничего! Всё тихо и в папаху не полетели пули. Тогда есаул сам встал около стены и осторожно поднял голову над забором. Он увидел обширный пустой двор с большими воротами по середине противоположной стены забора. Посреди

двора стоит японский офицер с белым флагом в руке и около него трубач.

— Никак сдаются япоши! — поделился есаул своими наблюдениями с казаками.

В это время в воротах появилась голова пехотной колонны и рота в полной боевой форме вошла во двор и выстроила развернутый фронт. Тогда есаул Зеленцов, поняв, что терять времени нельзя, обратился с кратким словом к казакам:

— Слушать меня, казаки! Дело серьёзное! Японцы сдаются. Их более двухсот человек в полном вооружении, а нас шестьдесят. Как я вам крикну «за мной!», живо, разом, через забор и бегом к роте: вынуть затворы винтовок и взять штыки. Поняли, казаки?

— Понимаем! — раздалось в ответ.

— Встать! — оглянул своих казаков есаул и, крикнув: «Жа мной!» — кинулся на забор. Казаки ему помогли, и уральцы дикой ордой — огромные, бородатые, в косматых папахах, бросились к строю японской роты.

Не успели оторопелые японцы, что называется, ахнуть, как затворы винтовок были вынуты и с поясов сняты штыки.

Только тогда обезоруженные японцы, окруженные казаками, поняли, что они в числе 250 человек сдались 60-ти врагам-казакам.

Роту повернули направо: построили в колонну по четыре. Коноводы подали коней; казаки сели в седла и победители и побежденные выступили догонять Конный корпус, уходивший из мест, где можно было вновь дождаться каких-нибудь пакостей со стороны японцев и не знавший, что одна из сотен его только что пережила очень опасный момент.

Задержись японцы в принятии своего решения сдаваться на 5-10 минут, они увидели бы, что атакующий их деревню отряд со своей артиллерией, снимается с позиции и отходит назад, догоняя рысью уходящую с поля сражения левую колонну русской конницы.

Да!.. Как знать то, чего не знаешь!..

***

В одну из усиленных разведок Конного корпуса произошел нижеописывваемый случай.

Конный корпус, разослав перед собой сторожевое охранение, двигался по открытой, слегка всхолмленной местности, покрытой богатыми полями чумизы (проса), пшеницы и

гаоляна. Последний стоял высокими стенами непроходимой зеленой чащи, в которой всадник скрывался полностью.

По головному отряду раздались выстрелы. Подскочил в поддержку авангард и пошла потеха. На бугре японцы, внизу мы, между нами обширное поле гаоляна, доходящее до самого верха бугра. Сильный ружейный и пулеметный огонь. Авангард замялся, остановился и спешился. Казаки разошлись в цепи и открыли по гребню бугра огонь. Вызвали батарею на позицию. Но огонь японцев не ослабевает; особенно докучают пулеметы. Японцы прекрасно применяются к местности и теперь они просто невидимы.

Видя заминку и потерю времени, командир Корпуса приказывает вызвать охотников итти в разведку от авангардного полка.

Вскоре явились четыре бородача-уральца: урядник и три казака.

Генерал лично рассказал им обстановку: перед ними бугор; до него, кажется, идет сплошное гаоляновое поле. Бугор занят пехотой и пулеметами. Открыть их не удается. Надо как-нибудь разведать расположение японцев и дать нам знать, чтобы помочь артиллерии нащупать окопы и, особенно гнезда пулеметов. Урядник повторил сказанное ему генералом и после напутствия: «с Богом!», с тремя казаками скрылся в гаоляновой роще.

Началось томительное ожидание. Все бинокли направлены на гребень бугра. Изредка наши орудия посылают шрапнели, надеясь хлестнуть «веником пуль» по японцам. Но результата не видно: японцы продолжают неумолчно вести ружейный огонь и пулеметы сыплют пули по нашему расположению.

Вдруг на гребне бугра, около небольшого возвышения, появились три небольшие, вернее маленькие человеческие фигурки и стали проделывать руками какие-то быстрые движения. Несмотря на хорошие цейсовские бинокли, мы не могли ни угадать, что за люди появились черными силуэтиками на гребне бугра на фоне голубого неба, ни понять их движений руками. Довольно скоро после этого, из гаоляновой заросли вышел уралец — один из четырех, ушедших в разведку охотников, и подошел к генералу с докладом.

Оказалось, что охотники, пользуясь прикрытием гаоляна, дошли до гребня бугра и увидели слева от себя, чуть ниже гребня, японский стрелковый окоп, так что он оказал-

ся взятым во фланг казаками. Тут же рядом с казаками оказались два японских пулемета. Японцы не успели опомниться, ошеломленные внезапным появлением казаков, как уральцы перестреляли пулеметчиков и, вскочив во весь рост, открыли огонь по головам японских стрелков, лежавших в окопе.

— Так что, ваше превосходительство, меня прислали урядник Н., чтобы вы приказали наступать.

Действительно, японские пулеметы замолкли и стихла ружейная стрельба.

— А что это за люди на бугре? — спрашивает ген.-адъютант Мищенко.

— Да это же они, охотники и есть. Штоят они над шамым окопом и не дожволяют японцам подымать головы. А как который осмелится, так ему, значит, отпуск: штреляют. Очень просят наштупать.

Генерал Мищенко понял, что не сказку сказывает уралец про уральских богатырей и закричал громким голосом:

— К коням! Садись! Вперед! Все вперед! — и сам со штабом двинулся в гаолян.

Через десять минут позиция японцев была в наших руках, а японцы уже вдалеке сверкали пятками, оставив на бугре свои пулеметы и десятка два убитых уральцами в окопе товарищей.

Исключительный пример уральской доблести, много-много раз проявленной ими в боях против врагов России.

И всё-то у уральцев по особенному, по ихнему. Да вот, судите сами.

Месяца через два после Мукденского боя Конный корпус расположился в районе деревни Ляонвона. Деревушка разорена и погорела, но роща возле нее уцелела. В одном конце ее, ближе к противнику, стоит палатка генерал-адъютанта Мищенко, а в полуразрушенной фанзе разместился и работает штаб Конного корпуса. В другом конце рощи расположилась Уральская бригада: 4-й и 5-й Уральские казачьи полки.

Часов в одиннадцать утра прибежал ко мне в штаб дежурный по 5-му Уральскому полку офицер и доложил, что полк взбунтовался и что командир полка просит спешно доложить об этом командиру Корпуса.

Сквозь дыру в разваленной стене фанзы нашего штаба я прошел к палатке генерала и нашел его собиравшимся куда-то итти с палочкой в руках.

Генерал еще хромал после ранения. Выслушав мой доклад, он велел офицеру-уральцу отправиться в полк и приказать командиру полка собрать немедленно всех офицеров, урядников и казаков полка.

— Я хочу говорить с полком, — докончил генерал, отпуская дежурного офицера. — Вы, Константин Николаевич, идите со мной, — обратился генерал ко мне.

— И как им не стыдно! — раскуривая свою трубочку и уже идя к 5-му Уральскому полку, ворчал генерал, уже говоря сам с собой.

Полк стоял выстроенный, без оружия. Командир Корпуса поздоровался с казаками и, получив в ответ «здравия желаем, ваше превосходительство!», приказал полку «разойтись» и стать в круг для беседы.

Всё было исполнено быстро, без шума. Полк окружил генерал-адъютанта и видно было с каким напряженным вниманием казаки приготовились слушать его и вообще «бешедовать» с «яво преашхадительством».

Командир Корпуса обратился к полковнику — командиру полка с вопросом: «Что за шум в 5-м Уральском полку?»

Полковник Соловьев доложил, что казаки требуют положенные им по закону свечи, а никаких свечей в полку нет и быть не может.

— Так в чем же дело? — спрашивает генерал.

— Дело в том, что от казны, по старым законам о довольствии войск, полку полагается отпуск свечей из расчета 1/20 свечи на каждого казака в сутки. Это анахронизм сохранен в букве закона и по сей день, но вместо свечей полку фактически отпускается некоторая сумма на освещение казарм, конюшен и вообще расположения полка керосиновыми лампами. На этот отпуск денег полк и освещается и от этого отпуска не только не остается никакой экономии, но приходится еще приплачивать из хозяйственных сумм полка. А если бы даже такая экономия каким-либо образом и образовалась, то никто из чинов полка на получение своей, якобы, доли из нее никакого права не имеет, ибо отпуск предназначен не для казака в его личное распоряжение, а для освещения полка из расчета 1/20 свечи на человека в сутки. Полк же и на походе освещается фонарями. Если отдать отпущенные на освещение полка деньги, то полк останется в потемках, — заключил командир полка.

Генерал Мищенко внимательно выслушал командира полка и после его доклада обратился к полку со следующими словами:

— Командир полка совершенно прав. Никаких свечных денег в личное пользование никому, не только из вас — казаков 5-го Уральского полка, — но никому во всей Российской Армии не полагается. Это общий порядок для всех родов оружия и разных учреждений армии. Об этом долго разговаривать бесполезно. Кто выдумал эту претензию, тот или уж очень прост умом или бьет на то, чтобы сбить с толку приличных людей. Но как вам не стыдно?! Вы, проявившие столько храбрости и рыцарской доблести в боях с врагом, добывшие себе и своему Войску славу и признание Государя Императора и главнокомандующего ваших великих воинских заслуг, утешившие нашу великую родину победами вашего оружия, — вы пошли за каким-то смутьяном и набрасываете тень на своих командиров и на свое доброе имя!

Генерал остановился и обвел глазами стоявших вокруг него 800-900 уральских казаков... И вдруг казаки рявкнули:

— Покорнейше благодарим жа наштавление!

Генерал махнул рукой, улыбнулся и раскурил свою трубку. Казаки стояли с просветленными лицами; многие улыбались.

— Ну, казаки, расходись! — скомандовал генерал, и дело этим было окончательно ликвидировано.

Не понял я тогда, что началась уже в армии пропаганда и подготовка к революции 1905 года.

***

Не привел меня Бог видеть конную атаку, которую уральцы должны были произвести на 7-ую пехотную дивизию, внезапно напавшую ночью на наше сторожевое охранение. Видно прогневили мы Господа и Он не захотел даровать громкую победу русской коннице.

А дело было так.

Сторожевое охранение, вернее, левый сторожевой отряд, был сбит японцами ночным нападением 7-й пехотной дивизии, главные силы которой, в буквальном смысле, «прибежали» из глубокого тыла за 15 верст.

Этот сторожевой отряд отошел в темноте в довольно большом беспорядке на главные силы Корпуса, расположенные в районе деревни Ляоянвопа.

Полк и батареи успели подняться и занять позицию, когда японская пехота была уже в восьмистах шагах от нас.

Бежавшие на нас, густые цепи 7-ой пехотной дивизии, были встречены ураганным огнем четырех казачьих батарей и ружейным огнем «пачками» спешенных казачьих полков.

Японцы вынуждены были лечь и не могли подняться даже тогда, когда по ним для вразумления была, японцами же, открыта стрельба шрапнелью.

Генерал-лейтенант Мищенко понял, что японская пехота изнемогает и послал меня в Уральскую бригаду приготовиться атаковать лежавшую 7-ую пехотную дивизию японцев в шашки.

Полковник Соколов, временно командовавший бригадой, выслушал приказ, объявил его уральцам по полкам и скомандовал: «Бригада! По 5-му полку в линию колонн. Марш!»

Бригада рысью стала перестраиваться из резервной колонны в линию колонн, а я бросился к генералу доложить, что приказ его выполнен.

В это время прискакали два казака I Верхнеудинского полка с донесением, что обе отдельные конные бригады генералов Тамуры и Акиамы обошли правый фланг расположения Конного корпуса и выходят ему в тыл.

К великому сожалению, пришлось не только отменить конную атаку, но и Корпус должен был отойти назад, чтобы не получить удар с тыла и с фронта.

Жаль, очень жаль, так как донесение было сделано, но наблюдение было ошибочно. Обе конные бригады японцев, действительно, появились, но держались нашего правого фланга в очень благоразумном удалении и на движение в тыл нашему Корпусу не решились.

***

На этом я заканчиваю свои воспоминания об уральских казаках и очень жалею, если своими слабыми силами не сумел с большей рельефностью и отчетливостью нарисовать облик уральских казаков, как неподражаемых воинов и тем отдать должное их боевым заслугам и их беззаветной доблести.

Как-то я, запросто, разговаривая с казаками-уральцами, полушутливо сказал: — Что-то вы уж очень умны, уральские казаки! — Они улыбнулись, а один бородач весело ответил: — Точно так, ваше высокоблагородие! Мы вше ми-

ништры! — И это верно. Уральцы по уму — все министры. Отдавая приказ, нужно быть очень точным, ибо что-либо недоговоренное или ошибочное будет уральцами немедленно обнаружено.

Быть может, старики уральцы, прочтя эти записки, огорчатся малым мастерством автора. Заранее говорю, что и сам это чувствую, но за долг свой почитаю записать то, что видел и что когда-то обещал предать гласности.

А может быть, старики уральцы разгладят свои бороды, приосанятся и мне заочно «шпашибо» скажут? Может быть, и уральская молодежь прочтет эти страницы о их отцах и делах и с гордостью и грустью задумается о своей великой родине, о своем родном крае, о родном им Яике-Урале-реке, о своем родном и славном Уральском Войске и положит себе быть достойной славы его, славы прошлого своих предков...

Слава Уральскому Войску!
Слава ныне и во-веки!

Генерал К. Н. Хагондоков

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ ГЕНЕРАЛА ДЕНИКИНА «ПУТЬ РУССКОГО ОФИЦЕРА»

Уже в августе 1905-го года постепенно создавалось впечатление, что война кончилась. Боевые интересы уходили на второй план, начинались армейские будни.

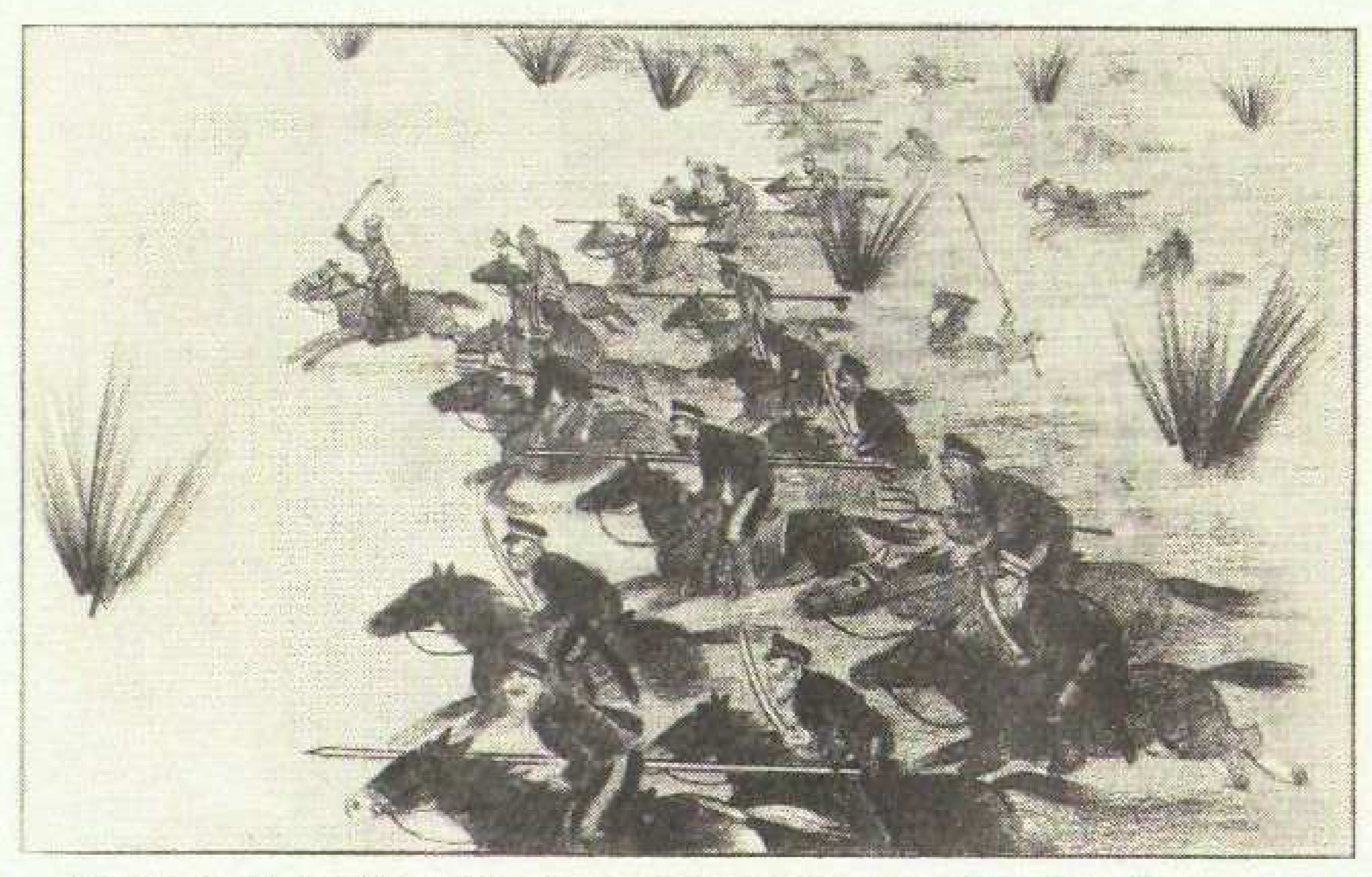
Полки начали приводить в порядок запущенное во время войны хозяйство, начались подсчеты и расчеты. На этой почве произошел характерный в казачьем быту эпизод.

Наш конный отряд переименован был, наконец, в штатный корпус, командиром которого утвержден генерал Мищенко. Его дивизию Урало-Забайкальскую принял генерал Бернов. Он приехал и приступил к приему дивизии. Я сопровождал его в качестве начальника штаба. В Забайкальских всё сошло благополучно. Приехали в 4-ый Уральский казачий полк. Построился полк, как требовалось уставом, для опроса жалоб, отдельно офицеры и казаки. Офицеры жалоб не заявили. Обратился начальник дивизии к казакам с обычным вопросом: — Нет ли, станичники, жалоб? — Вместо обычного ответа: — Никак нет, — гробовое молчание. Генерал опешил от неожиданности. Повторил второй и третий раз. Хмурые лица, молчание и спрашивает: — Что это, бунт? — Я тоже в полном недоумении. Прекраснейший боевой полк, исполнительный, дисциплинированный. — Попробуйте, ваше превосходительство, задавать вопросы по одиночке. — Генерал подошел к правофланговому: — Нет-ли у тебя жалобы? — Так точно, ваше превосходительство, — и начал скороговоркой, словно выучил наизусть, сыпать целым рядом цыфр.

— С 12-го января и по февраль пятая сотня была на постах летучей почты и довольствия я не получал от сотен-

Генерал Владимир Иванович Акутин, казак Уральской станицы

Атака стариков Уральцев на отряд красных под хутором Холиловым в 12 верстах от города Уральска

Генерал Владимир Сергеевич Толстов, Войсковой Атаман Уральского Казачьего Войска, казак Гурьевской станицы.

Есаул Илларион Давыдович Яганов, казак Бударинской станицы, герой Германской и гражданской войн.

ного 6 ден, 3-го марта, под Мукденом, наш взвод спосылали для связи со штабом Армии, 10 ден кормились с лошадью на собственные... — И пошел, и пошел... Другой, третий, десятый — тоже самое. Я попробовал было записывать жалобы, но вскоре бросил — пришлось бы записывать до утра. Генерал Бернов прекратил опрос и отошел в сторону.

— Первый раз в жизни такой случай. Сам чорт не разберет. Надо кончать, — и обратился к строю: — Я вижу у вас тут беспорядок или недоразумение. От такого доблестного полка не ожидал. Приду через три дня. Чтобы было всё в порядке.

Надо сказать, что казачий быт сильно отличался от армейского, в особенности у Уральцев. У последних вовсе не было сословных подразделений: из одной семьи один сын выходил офицером, другой простым казаком — это дело случая. Бывало, младший брат командует сотней, а старший у него денщиком. Родственная и бытовая близость между офицерами и казаками составляли характерную черту Уральских казаков.

В последующие за смотром два дня в районе полка было большое оживление. С кургана, прилегавшего к штабу дивизии, можно было видеть на лугу, возле деревни, где располагался полк, отдельные группы людей, собиравшиеся в круг и ожесточенно жестикулирующие. Приятель мой, уралец Конвойной сотни, объяснил мне, что там происходит. Сотни судятся со своими сотенными командирами. Это у нас старинный обычай после каждой войны. А тут преждевременный смотр всё перепутал. Казаки не хотели заявлять жалоб на смотру, да побоялись — как бы не лишиться права на недоданное.

К вечеру, перед новым смотром, я спросил Уральца — Ну, как?! — Кончили, завтра услышите.

В одних сотнях поладили, в других горячее было дело. Особенно командиру одной сотни досталось. Он и шапку о земь кидал и на колени становился. — Помилосердствуйте, — *говорит — много требуете, жену с детьми по миру пустите.* — А сотня стоит на своем: — Знаем, грамотные, не проведешь. — Под конец согласились. — Ладно, — говорит сотенный, — жрите мою кровь, так вас и эдак.

На другой день, когда начальник дивизии вторично спрашивал — нет ли жалоб, — все казаки, как один, громко и весело ответили:

— Никак нет, ваше превосходительство!

***

Наши казаки, в особенности Уральцы, считали бесчестием попасть в японский плен и предпочитали рисковать жизнью, чтобы избавить от него себя и товарищей. Мало того, я помню случай, когда в одном бою Уральцев сменили на позиции Забайкальцы и 8 Уральских казаков, никем не побуждаемые, остались до ночи в цепи, подвергавшейся сильнейшему обстрелу, желая вынести тело своего убитого урядника лежавшего в ста шагах от японской позиции, чтобы не остался «без честного погребения», и вынесли.

Генерал Деникин

К великому сожалению, все архивы об участии Уральцев в войне 1914-го года погибли. Я же сам, не будучи участником, не могу, хоть бы в самой малой степени, заполнить этот пробел. Знаю только, что и там Уральцы поддержали славу своих отцов и дедов, защищая родину и проявляя привычную для них храбрость, находчивость и стойкость.

Теперь я приступлю к описанию событий, происшедших в Войске во время революции и гражданской войны, но, опять оговариваюсь, это описание того, что я сам видел и что я слышал, так как под руками у меня также нет архивов и документов: все они погибли.

***

Конец 1917 года. В Уральске в это время был только 10-ый Запасный казачий полк; остальные полки еще не вернулись с фронта. Главою Войска был Войсковой Съезд. Иногородние, составивши Советы солдатских и крестьянских депутатов, устраивали бесконечное количество митингов и собраний, вели себя крайне возмутительно по отношению к казакам.

Только запасный полк, несмотря на то, что дисциплина в нем пала и строевые занятия почти не производились, сдерживал пыл красных и не давал им возможности произвести переворот.

Казаки, в ожидании фронтовиков, были бездеятельны и заняли выжидательную позицию. Войсковому Съезду приходилось всё улаживать как-то, но несмотря на это, доходило до того, когда на митинг иногородних посылались делегаты от казаков, тех просто с улюлюканьем выгоняли из собрания. Бывший в это время представитель Донского Войска есаул Яков упрекал Уральцев, что они забыли старинные традиции казачества и не выбирают Атамана — но Уральцы это мотивировали тем, что они хотят чисто народную власть, а не единоличную. Но всё же пытались выбрать временно генерала Еремина, но неудачно, а затем генерала В. П. Мартынова, тоже неудачно и тот и другой вскоре отказались. Начали возвращаться казаки с фронта. Льготная дивизия пришла эшелонами без оружия. Командир 6-го полка этой дивизии полковник В. С. Толстов прилагал все усилия к тому, чтобы дивизия не сдавала оружия и предполагал ее провести югом России в родной край, но большевистские агитаторы и наш Уралец Кулаков, Каменской станицы, добились того, что Толстов остался с небольшой группой казаков, а остальные все сдали оружие. Правда, кое-что секретно им удалось провести. В Уральске в это время была организована белая гвардия из учащейся молодежи, которой было приказано разоружать население. Один реалист, видя идущего казака с винтовкой, остановил его и потребовал сдать винтовку. Казак сказал: «Тебе, молокососу, отдать винтовку, которую я с таким трудом провез с фронта?» — вскинул винтовку и убил казака наповал. Казаки, не успевшие разъехаться по станицам, узнали об этом и моментально разнесли штаб этой белой гвардии, который находился в реальном училище и начали их вылавливать. Сколько они их поймали и вообще поймали-ли, мне неизвестно, известно, что они разнесли в этом училище физический кабинет. Попутно тряхнули некоторыми магазинами, разгромили обувные магазины и лесные склады. Рассказывали мне, как курьёз, что один казак с лесных складов прихватил деревянный крест. Когда его спросили: «Зачем?», он ответил, что во время его отсутствия умерла его родительница, а креста на могиле не поставлено. После этих маленьких беспорядков казаки разъехались по станицам. В это время приказано было выпустить весь спирт, который в большом количестве находился на винном складе. Этот винный склад находился в кварталах, населенных пришлым рабочим людом. Выпустили спирт ночью, но население

услышало запах спирта и с ведрами побежало вычерпывать этот спирт прямо из луж. Пиво же, также бывшее на складе в бочках, решено было раздать населению бесплатно и взводу казаков, назначенному на склад, было приказано, чтобы люди соблюдали очередь, а не кинулись скопом.

Следующими полками, возвращавшихся с фронта, были: Первый и Восьмой. Первый действительной службы полк, имел большие отличия в Германскую войну, командовал им знаменитый полковник Георгий Кондратьевич Бородин, которого, за его горячность, казаки прозвали «Буран».

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ Б. ВЕВЕРНА «ШЕСТАЯ БАТАРЕЯ»

В назначенное время, вместе с Толичеевым, я подъезжаю к месту встречи. Ко мне подходит Уральский казак.

— Разрешите доложить, в.в., так что мы вас давно поджидаем.

— Я должен видеть командира 17 конной батареи подполковника Саблина. А кто это мы?

— Командир 1-го Уральского казачьего полка и господа офицеры.

— А командир 17 конной батареи?

— Так точно, и они там все вместе.

— Ну веди.

За казаком мы входим в двери большой избы, стоящей посредине деревни. Первое, что бросилось нам в глаза, это длинные столы, покрытые скатертями, на которых, среди разных явств, периодически возвышались четвертные бутыли водки и высокие жестянные банки. За столом полно офицеров.

— Наконец-то дождались! Милости просим. Господа офицеры, ну-ка берите в оборот прибывших гостей, чтобы наверстали то, что пока упустили. С этими словами, навстречу нам, из-за стола поднялся высокий плотный офицер с окладистой седой бородой. Командир 1-го Уральского казачьего полка, полковник Бородин. Мы не успели опомниться, как уже сидели за столом перед нарочно поставленной для нас четвертью водки и длинной жестяной банкой, из которой услужливые уральцы уже накладывали нам икру. Ужас овладел мною при одном только взгляде на грозно стоящую передо мной, четверть, а совершенно непьющий Н. А. Тиличеев, от страха даже побледнел. Надо было изыскивать спо-

соб обороны против стоящего на столе врага и атакующих со всех сторон офицеров и мне стоило большого труда убедить гостеприимных хозяев, что Н. А. Тиличеев не может пить совсем, что он болен, а себя защитить насколько возможно.

К чести господ офицеров Уральцев должен сказать, что, несмотря на обилие на столах алкоголя, пьяных или даже сильно выпивших, не было совершенно.

Интересный у вас командир полка, — сказал я одному из офицеров.

— Да, интересный, а вот шашка у него еще интереснее. Попросите его показать

Командир полка удовлетворил мое любопытство: шашка вся в золоте. Рукоять, кольца для пристегивания ремней и наконечник ножен усыпаны бирюзой и по всему верху ножен, красивой вязью, вычеканена надпись: «Яицкого Войска Нашему Полковнику Бородину. Елисавет».

Пировали мы недолго: надо было делать дело.

— Ну, господа, поезжайте. Конвой вам уже готов. Впрочем, я сам с вами тоже поеду.

С этими словами, полковник Бородин встал и мы вышли на улицу, где нас уже ждал конвой — полусотня Уральских казаков.

Странно, как сразу изменилось поведение нашего доброго хозяина. Точно перед нами был совершенно другой человек: суровый, отрывистый в речи, не терпящий от подчиненных никаких возражений. И сопровождающие нас офицеры, вдруг, словно тоже переродились. Как будто они и не видели водки, затихшие, подтянутые, повинующиеся беспрекословно.

— Видите ли, мы поедем по местам, в большинстве случаев, не занятых ни нами, ни австрийцами, поэтому осторожность не мешает и я взял, на всякий случай, конвой.

— Господин полковник, — обратился я к командиру полка, — во время отражения последней австрийской вылазки я видел розовые разрывы шрапнелей пленных австрийских орудий. Мне сказали, что это стреляли ваши казаки.

— Да, это правда. Эти два орудия взяты в плен полком, которым имею честь командовать, в конной атаке. В Уральском Казачьем Войске до сих пор не было артиллерии. Она была отнята у Войска указом Императрицы Екатерины II-й за «Яицкий бунт». В настоящее время, по моему ходатайству,

указом Императора Николая II-го, эта опала снята и в лице этих двух пленных орудий, Уральское Казачье Войско вновь обрело свою артиллерию.

Позиции нашлись, подъезды к ним тоже могли быть найдены, но риск ставить на эти позиции батарею, конечно, ничем не оправдывался. Ездить долго было совершенно лишним, мы повернули обратно и к вечеру прибыли в селение Бирча, где и расстались с Уральцами, оставшись ночевать у конно-артиллеристов, встретивших нас обильным ужином.

Утром мы, с командиром 17-й конной батареи подполковником Саблиным, заехали к полковнику Бородину проститься и поблагодарить его за гостеприимство.

Без чаю не отпущу, — и полковник Бородин заставил нас раздеться.

Открылась дверь и казак внес в комнату, на подносе, банку икры, четверть водки и маленький чайник. Даже, не поднося чайника к столу, он мимоходом, сунул его на подоконник и перед нами опять четверть водки и икра.

Б. Веверн

Впоследствии этот Бородин был назначен командиром Оренбургской казачьей бригады, а полк принял полковник Михаил Никанорович Бородин, гвардеец, при котором произошла конная атака всем полком против немцев. Вся военная пресса говорила об этой атаке как беспримерной. Пять командиров сотен выбыло из строя. После этого и Бородин получил какое-то повышение, на его место заступил полковник А. В. Загребин. Много геройского совершил Первый полк. И такой полк, возвращаясь домой, не смог сдать оружия. И, действительно, никакие агитаторы не могли поколебать решимости Уральцев.

Первый полк и 8-й льготные полки, под командой героя войны полковника Курина дошли до Воронежа, где красный гарнизон преградил им дорогу. Выгрузились из вагонов казаки и повели наступление на Воронеж, чтобы пробить себе путь на родину. Произошла короткая схватка, двое казаков было убито и несколько ранено, красные спасовали и пропустили казаков. Во время дальнейшего следования Курин узнал, что в Саратове находится громадный солдатский гарнизон, решивший дать бой казакам и не пропускать их. Тог-

да Курин, дойдя до Аткарска (в 100 верстах от Саратова), выгрузил отряд и повел его походным порядком. Переправился через Волгу по льду выше Саратова и, выйдя на левый берег Волги, снова погрузился в вагоны и дошел до Уральска к великой радости всего Войска. Прошли полки прекрасным строем к старому Михайловскому собору, отслужили молебен и разъехались по домам. Гордостью наполнялось сердце каждого Уральца, видя великолепный порядок и особенно сильное впечатление производил Первый полк, одетый не в защитную форму, а весь в черном, в романовских черных длинных полушубках, напоминавших казачью татарку и в черных папахах, на неутомимых степных конях.

Эти романовские полушубки, вместо шинелей, закупил где-то заботливый командир полка и одел весь полк. Насколько Первый полк произвел потрясающее впечатление, настолько 2-ой — удручающее, пришел без оружия, офицеры, как сиротки, без погон. Выгрузился на станции с руганью, скандалами и, кажется, даже забрали печурки из вагонов, но беспорядков особых в городе не произвели — очень скоро разбрелись по станицам. Но вот появился 3-ий полк, полк знаменитого героя-Уральца полковника Матвея Филаретовича Мартынова. Сам Мартынов происходит из закоренелой старообрядческой семьи с хутора Мартынова, Каменской станицы.

В 1901 году он окончил Уральское Войсковое Реальное Училище, но с приключениями. К седьмому классу у него отрасла бородка. Директор приказал ее сбрить. Мартынов, как старообрядец, отказался. Его попросили уйти из училища. Ему пришлось держать экзамен экстерном. Он окончил пехотное военное училище и хорунжим пошел добровольцем на Японскую войну и там уже сразу выказал свои боевые качества.

Когда он впоследствии поступил в Третий Уральский казачий полк, как младший офицер, то, однажды, на смотру командир корпуса генерал Любомиров обратился к командиру полка:

— А это что за фигура на правом фланге, убрать его из строя; он своим нестроевым видом портит весь вид полка.

Лично никак не могу поверить, чтобы Мартынов портил вид полка, думаю, что Любомирову он почему-то не понравился. Его перевели в нестроевую команду и поручили заведывать пекарней. Там, имея много свободного времени, он

стал готовиться в Академию Генерального Штаба. Поступил в нее и не успел ее закончить, как разразилась Германская война. Вызвался добровольцем на войну, поступил в 3-ий полк и был назначен командиром второй сотни.

Вот тут-то он и развввернулся. Подвиг за подвигом. Награды идут одна за одной. 3-ий Уральский полк был в составе 15-ой кавалерийской дивизии и подвиги Мартынова были в приказах по дивизии, затем по корпусу и, наконец, в приказах по Армии. Он был уже в чине войскового старшины, когда тот же генерал Любомиров назначил его командиром полка, несмотря на то, что четыре полковника ждали назначения на этот пост. Рассказывали из его многочисленных подвигов, когда он, со взводом казаком, благодаря маневру, захватил в плен около 200 немцев с 11 офицерами. Когда это случилось, то немецкие офицеры не хотели этому верить и рвали на себе волосы, а некоторые плакали. Мне рассказывали также, что в немецкой военной прессе были свидетельства геройства Мартынова и немцы его знали. Горячий, неумолимый, всегда впереди. Его казаки считали заговоренным от пуль и боялись ходить с ним в бой. В конце 16-го года полк был снят с фронта, отведен на длительный отпуск в Псков и на фронт больше не вернулся; после же переворота был включен в корпус Крымова для похода на Петербург, но, как известно, этот поход не состоялся по милости Керенского.

Самому Мартынову и его полку много пришлось вынести всяких арестов и провокаций, но все эти трудности миновались благодаря энергии Мартынова и полк, в полном составе, с оружием добрался до родимого края.

Пришел девятый полк более или менее незаметно, и вот Гвардейская сотня опозорила себя, я видел, как они шли по Михайловской улице, везя свой скарб в санях и ведя коней в поводу, некоторые не оседланных и с ними шли их жены казачки, приехавшие из станицы для встречи.

Не уверен, но думаю, что даже молебна у старого собора не совершили.

А ведь нашу сотню любил Государь. На квартиру к моему отцу поставили на постой одного гвардейца. Фамилия его Мищеев. Красавец, рослый, я говорил с ним. Он сказал: — Поравнять нужно у нас.

Рассказал мне, что когда в 1914 году, перед войной, в Петербурге были английские гости, представители Англии,

то Государь устроил по этому случаю парад войскам и показал казачью джигитовку.

После было предложено присутствующим назначить, кому выдать первый приз за джигитовку.

Так как казаки всех войск джигитовали великолепно, то голоса разбились. И, так как присутствующие на параде были галантные кавалеры, они предложили разрешить их спор Императрице. Императрица выбрала этого самого Уральца Мишеева.

Итак, казаки вернулись домой. Самым последним вернулся полковник В. С. Толстов. С 23 казаками он прошел югом России, где поездом, а где и походным порядком, был и на Дону, виделся с Калединым, прошел и Астрахань и с присоединившейся к нему Оренбургской батареей вышел на Ханскую Станицу, где ему была оказана достойная встреча Уральцами. Оренбургская батарея пришла в мою станицу и, как раз, два орудия стояли во дворе моего отца.

Оренбургские казаки при разговоре со мной, сказали:
— Ну, вам, уральцам есть за что воевать против коммунистов, хорошо живете.

Это почти всё, что я знаю о войне 1914 года, т.е. об участии в ней Уральцев. Приведу вам маленькую заметку В. П. Рябушинского, известного старообрядческого деятеля:

***

„В 1915 году, во время нашего отступления, штаб 25-го корпуса, где я служил, послал меня для связи в Уральскую казачью дивизию, державшую в пешем строю участок фронта. Напор со стороны противника ослабел, а кое-где он совсем затихал и там казаки, выйдя из окопов, лежали на травке, разговаривали, занимаясь своими делами. Подошли мы к одной группе, знакомый офицер Уралец, знавший, что я старообрядец, говорит: — Вот и ваши иконки у них на кустах повешены. — Стоят двое, лица строгие, чуть-чуть гордые, некрасивые и бороды редкие, а сами рослые, стройные, точно из крепкого дерева складно вытесанные. Разговорились о неудачах на фронте, о позорных кое-где сдачах. — Вы-то не сдадитесь!

Один из казаков вытянулся во весь рост, поднял высоко руку и, медленно грозя указательным перстом, не то заповедуя кому-то, не то сам всенародно исповедуя свои убеждения, сказал: — Не только сдаться, помыслить об этом вели-

кий грех. — Вспомнилась сложенная в двуперстие рука боярыни Морозовой на знаменитой картине Сурикова „Тако веруйте".

***

Чтобы закончить эту часть моего повествования, скажу, что когда вышли на фронт 9 Уральских полков, то оказалось, что офицеров Уральцев далеко недостаточно. Поэтому к Уральцам были назначены офицеры не Уральцы. Назову прежде всего Н. Н. Шипова, офицера Кавалергардского полка. Я говорил уже о Наказном Атамане конца прошлого века генерале Н. Шипове, так он был сыном этого Атамана и свою молодость провел среди Уральцев в Уральске. Очень полюбил Уральцев и как только разразилась война, пожелал служить с Уральцами. Ему был дан 5-ый Казачий полк в командование, где он и пробыл до тех пор, пока не был назначен командиром Кавалергардского полка и свитским Его Величества генералом. Пользовался он у казаков большой популярностью и величали его не по чину, а просто называли его Николай Николаевич — это признак того, что его считали своим. Я лично знал троих офицеров, кроме Шипова, служивших с Уральцами — донца Андрея Грекова, Клиодта и француза Léon de Huillon'a и все они сохранили великолепные воспоминания об Уральцах.

Особенно упомяну француза Léon de Huillon'a. Он долгое время жил в России и, когда началась война 14-го года, то, согласно договору России и Франции, русские офицеры, оказавшиеся во Франции, должны были поступить во французскую армию и наоборот. Таким образом, и de Huillon был назначен командиром сотни 6-го Уральского казачьего полка, где он пробыл до того момента, когда Россия отправила корпус генерала Лохвицкого во Францию; он только тогда смог отправиться с корпусом и присоединиться к французской армии. Этот француз, которого я встретил в Париже, настолько полон лучших воспоминаний об Уральцах и настолько сам стал Уральцем, что бережно хранит полную форму есаула Уральского Войска и завещает, чтобы его похоронили в этой форме.

Когда Матвей Филаретович Мартынов, появившись в Уральске, увидел, как коммунисты, совершенно игнорируя казачество, становились всё нахальнее и требовательнее и

повсюду на собраниях оскорбляли казаков, решил их обуздать.

Собрав группу офицеров, он ночью напал на все эти коммунистические организации и всех активных членов арестовал. К этому времени, после некоторых видоизменений, в такое тревожное время, когда всё Войско было, как потревоженный муравейник, окончательно сформировалось Правительство.

Главным хозяином Войска был Войсковой Съезд или Войсковой Круг. В него входили депутаты от всех 33-х Станиц, по два от каждой. Войсковой Съезд избрал Войсковое Правительство, которое являлось чисто исполнительной властью.

В начале 1918-го года в Войсковое Правительство были выбраны следующие лица: Председатель Г. М. Фомичев, агроном. Товарищ председателя Ф. А. Еремин, член Государственной Думы, доктор, член Войскового Правительства по военным делам, командующий войсками генерал В. И. Акутин, а непосредственное ведение боевых действий было возложено на генерала М. Ф. Мартынова.

Гурьян Макарович Фомичев, агроном, казак Илецкой Станицы, был высокообразованным человеком и еще до революции проявил себя активным работником на пользу народа. Он был известен в Росии и ему Министерство земледелия предлагало место, но он наотрез отказался, решив посвятить себя на служение родному Войску.

Я не знаю, как восприняли революцию другие станицы. Скажу немного о моей, Чижинской. Когда пришли казаки с фронта, они сейчас же организовали Союз фронтовиков. Было у нас общество взаимной поддержки, куда вносили казаки известный маленький процент пшеницы с урожая. Это был как-бы пшеничный банк, откуда, в случае нужды, каждый мог взять заимообразно пшеницу. Брали, главным образом, весной на посев. К данному моменту ее накопилось много. Так вот взяли и поделили, затем начали проводить какбы уравнение. Обложили богатых казаков доставить рогатый скот, чтобы его раздать бедным. С моего отца потребовали 10 быков, что для него было совершенно не ощутительно. И это, кажется, всё. Земля же была общая и ее не нужно было ни у кого отнимать.

**
*

В Уральске в это время, после разгрома коммунистических организаций, стали поступать из Саратова требования об освобождении арестованных и о признании советской власти.

Фомичев вел дипломатическую политику с иногородними жителями Уральска и предполагалось выработать лучшие условия совместной жизни и образования коалиционного правительства.

В начале марта 1918 года советский комиссар Цвилинг (из пленных австрийцев) прислал из Оренбурга ультиматум Уральцам и так как ответа не последовало, он двинул отряд красных в 580 человек при 12 пулеметах и несколько подвод с оружием для мобилизации иногороднего населения, которое им сочувствовало, в Илецкую Станицу. Илек это самая северная станица Уральского Войска, граничащая с Оренбургским Войском. По свидетельству хорунжаго А. П. Рыбинскова, этот отряд, прийдя, расположился большими группами в центре станицы и, расставивши патрули, собрал митинг.

На митинге объяснил казакам, что они пришли установить советскую власть, уничтожить буржуазию и пр.

Казак Дьяконов заявил, что Илецкие казаки неразрывно связаны с Уральскими и что они маленькой группой не могут решить эти вопросы и что если всё Войско признает советскую власть, то они также. Вечером этого казака Дьяконова арестовали и арестовали всю буржуазию в количестве 40 человек. На них была наложена контрибуция в 3 миллиона рублей. На другой день запретили выезд из станицы и началась вакханалия, стрельба, срывание кокард, погон, обыски и аресты офицеров. Образовали местный совет, но казаки отказались в него войти и, в свою очередь, образовали комитет обороны.

Раздали кое-какое оружие по секрету казакам. Тайно послали прапорщика Чернобровкина в Уральск и тайно же послали казаков в Мухрановскую и Студеновскую станицы с просьбой о помощи. В совдепе были два казачьих делегата: А. П. Рыбинсков и Разживин. Они всячески старались оттянуть время, чтобы казаки смогли сорганизоваться. Большевики же первничали, реквизировали оружие, коней, седла и запретили вечером выходить на улицы. Арестовали прапорщика Юдкина, бывшего в казачьем комитете обороны и

отправили в тюрьму под охраной двух красноармейцев. Проходя по берегу Старицы (старое название Урала), Юдкин выхватил у одного винтовку, ударил его прикладом и стал стрелять по другому, который бежал под берег. Сам же Юдкин где-то спрятался, но его выдал свой же казак, примкнувший к большевикам. Юдкина поймали и расстреляли. Большевики согнали казаков на сход, окружили их красноармейцами и требовали немедленного ответа. Казаки не дали никакого ответа и стали расходиться со схода, красные по ним открыли огонь из пулеметов. Хотя Илецкие казаки и не имели еще ответа из Уральска, чаша терпения их переполнилась и на третий день ночью, по набату, — для этой цели был посажен на колокольню старик Набатеев, — выскочили, кто с чем попало и начали избивать большевиков. Ворвались в совдеп и совместно с казаками других станиц разгромили Челышеевскую паровую мельницу, где находились главные силы красных.

Разгром был полный, перебиты были почти все пришедшие и присоединившиеся к ним. Успели спастись только 80 человек. Казаки пощадили только доктора, фельдшера и 2-х сестер милосердия. К красным шел на усиление еще один отряд силой в 350 человек, но, узнавши о событии, повернули обратно.

Это событие потрясло и всколыхнуло всё Войско.

Войсковой Съезд послал гонцов по всем станицам, чтобы рассказать об Илецком бое. В Уральске казаки вынесли постановление собраться у святыни Войска — старого Михаило-Архангельского собора, где исстари Войско собиралось в важных случаях, отслужить молебен покровителю Войска Святому Архистратигу Михаилу и принести перед Войсковыми знаменами присягу в том, что нашу вольность, нашу землю, наш седой Яик, добытые кровью наших отцов, дедов и прадедов, отдать только тогда, когда ни одного из нас не останется в живых. С нами Бог и Святой Архистратиг Михаил.

И, действительно, 14-го марта собралось великое множество казаков, отслужен молебен и принесли присягу на верность Войску.

Из всех станиц посыпались постановления в таком же духе.

Несмотря на то, что все сознавали, что бороться горсти казаков против необъятной России безумие, всё же колебаний не было.

***

Тщетны были многочисленные попытки Уральцев предотвратить войну.

Посылали делегатов в Саратов, но их просто арестовывали и расстреливали.

И оттуда всё время сыпались требования о признании советской власти.

Вот, одно из них. 26-го марта 1918 года:

Уральск. Войсковому Правительству. Немедленно восстановите совет. Освободить членов Исполнительного Комитета. Сдать Совету всё оружие. Извещение об исполнении через 24 часа. Если ответа не будет получено, то, по постановлению военного совета, Саратовский совет посылает боевые силы на Уральск на защиту Совета. Председатель Антонов."

После этого ультиматума Съездом, а также иногородними предпринимались меры, чтобы избежать конфликта.

Иногородние сообщали, что они всецело солидарны с казачьим Войсковым Съездом. В это время Уральцы уже мобилизовали молодых казаков 18 и 19 постановок и сформировали из них 3 учебных полка. Придали им лучших офицеров Войска, но не было ни урядников, ни вахмистров, так как у Войска не было средств, чтобы оплачивать приглашенных урядников и вахмистров.

И так как эти полки сразу пошли в бой, то там уже за отличия назначались и урядники и вахмистры.

Комиссар Антонов исполнил свою угрозу и послал сильный отряд из Саратова, и он, дойдя до казачьей территории, повел наступление на Уральск вдоль полотна железной дороги. Казаки фронтовики не хотели советской власти, но воевать также не хотели.

В самом начале войны, кроме учебных полков, постоянных частей почти не было, были маленькие партизанские отряды, главным образом из молодых офицеров и учащейся молодежи.

Остальные казаки собирались в дружины с выборными командирами и выступали на фронт только в крайней необходимости, после чего снова расходились по домам. И выкинули лозунг: «За грань не пойдем».

Казаки упорно желали доказать красным, что не хотят против них воевать и потому просят и их оставить в покое.

Красные, отойдя из Зеленого, оставили после себя ужас, от которого содрогнулись казаки и у некоторых колеблющихся пропала всякая надежда на то, чтобы с большевиками мог быть какой-то сговор.

Большевики, после этой неудачи, вели уже по многим направлениям наступления на центр Войска из Саратова, из Бузулука, из Александров Гая, а из Астрахани на Гурьев. Казаки постепенно раскачивались и образовали уже вместо дружин полки.

М. Ф. Мартынов предпринял с небольшим отрядом рейд на Волгу на Иващенский военный завод, чтобы достать оружие, снаряды и патроны, потому что Войско начало войну буквально без оружия.

Фурманов в своей книге «Чапаев» пишет, что Уральцы захватили этот завод и казнили там зверски 2000 человек. Он сильно уклоняется от истины: Уральцы завода не брали. Взят был завод чехами. Уральцы просто приехали, мобилизовали 220 подвод среди мужиков, наложили снаряды и вернулись домой.

В это время красные вели наступление вдоль железной дороги и, несмотря на сопротивление отдельных частей, дошли до хутора Халилова, что в 12 верстах от Уральска, но как раз здесь произошла знаменитая атака стариков. Возмущенные тем, что фронтовики не хотят взяться за оружие и, увидев, что столице Войска угрожает опасность, они быстро собрались в солидную группу и повел эту группу так же старик полковник Мизинов. Казаки были, главным образом, Кругло-Озерновской станицы. Как оружие, они имели только шашки времен турецкой войны и немногие пики и вилы. С фанатическим рвением кинулись в атаку с шести-верстного расстояния и полным наметом смяли первую цепь красных, многих порубили, но когда в дальнейшем наткнулись на бронированные автомобили, то, имея только холодное оружие, ничего с ними не могли сделать. Пришлось отходить.

Многие старики сложили там свои головы, а с ними и их командир полковник Мизинов. Несмотря на то, что атака кончилась печально для Уральцев, всё же она произвела громадное впечатление на красных и они начали отходить и, как раз, в это время, им в тыл ударил М. Ф. Мартынов, который

возвращался из рейда на Иващенковский завод. И опять казаки догнали красных до грани и дальше не пошли.

После этого события красные повели наступление со стороны Бузулука с большими силами и дошли до Красновской станицы.

Как раз, в это время произошло нечто, что очень характерно для Уральцев, а именно: старообрядец казак Кабаев сорганизовал крестоносную дружину человек до 60-ти. Для этой цели он взял из Старого собора образ Христа Спасителя и возил его у себя на груди, остальные имели пики с восьмиконечным медным старообрядческим крестом или медный крест на груди. И так Кабаев бросался бешено в атаку, увлекая за собой казачьи части.

КРЕСТОНОСЕЦ

— С ним не страшно... Потому он с крестом и с молитвою ходит. Как скажет: «Не бойся, сынок», — так тебя ни пуля, ни шрапнель не возьмет. Иди, куды хочешь. Только, вот, ругаться не велит. Как, говорит, выругался, — так она и трахнет!

Так говорил молодой казак, сидя у костра, над которым был навешен закопченый чайник. И в голосе казака и в его фигуре и жестах было столько убедительности, что не поверить ему было нельзя. Человек десять казаков, таких же молодых, сидели вокруг огня и с наивным любопытством слушали рассказчика.

Я понял, что говорят о старике Кабаеве.

О нем в это время писали газеты, говорили в Войске, говорили на фронте.

Вот, что я знал о Кабаеве:

Старик казак, старообрядец, участвовавший еще в походе Скобелева, он не мог примириться с мыслью, что на его родном Яике будут хозяйничать большевики. Он в них видел врагов веры, слуг антихриста, и с ними он решил бороться, но бороться силою веры, силою креста, и к этой борьбе он призывал всех верующих.

Он собрал вокруг себя таких же стариков, как и сам, и со своим небольшим отрядом выступил на фронт.

На груди каждого казака этого отряда висел большой восьмиконечный крест, а впереди отряда седой старик вез

старинную икону. Это было главное вооружение стариков, и с этим вооружением — с верой и крестом, — они делали чудеса. С пением псалмов они шли в атаку на красных и те не выдерживали и бежали или сдавались в плен и после становились лучшими солдатами в наших полках.

Много побед одержали эти крестоносцы, но с каждой победой всё меньше и меньше становилось их. Падали они, сраженные пулей и, прославляя Бога, умирали, веря, что исполнили долг свой перед Богом, Войском и перед Святынями нашими.

И осталось их несколько человек, и решили они разъехаться в разные стороны, по разным полкам и там верою своею поддержать и укрепить слабых.

В каждый полк привезли по иконе, и эти иконы, вместе со знаменами, были в походах, были в боях. И легче стало воевать казакам, и легче умирали они, — как будто вместе с иконой передали им крестоносцы и часть веры своей.

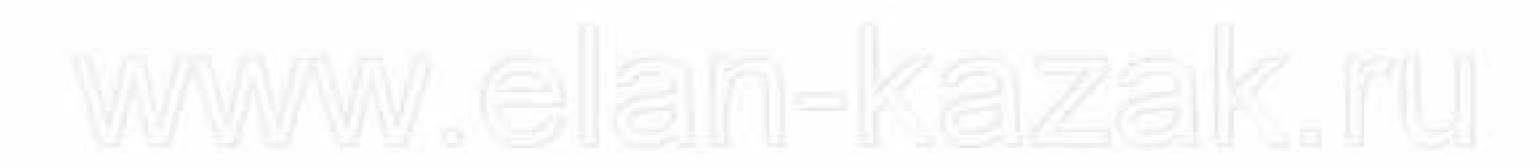
Только старик Кабаев не захотел идти в полк. Не хотел он служить одному полку, а хотел служить всему Войску.

Ездит по широкой степи и слушает, что делается в ней. Как услышит выстрелы, так и едет на них благословить бойцов-казаков на святое дело и молитвою помочь им. И всегда его появление вдохновляло их и смелее они шли в бой и одерживали победу.

Мне рассказывал один офицер: шли сильные бои, большевики силою, в несколько раз превышающей нашу, наступали по линии поселков от Соболева на Уральск. Упорно дрались казаки, но не выдерживали и отходили, отдавая поселок за поселком. Отдали хутор Пономарев, отдали большой и малый Озерные, отдали Каменный и подошли к поселку Красному.

Уже паника охватывала полки и уже многие говорили, что не удержаться нам, отдадим Уральск. Но, вот, в разгаре боя, когда большевики густыми цепями повели атаку на поселок Красный, и когда уже некоторые части стали отходить, появился Кабаев. Объезжая полки, благословляя крестом и читая молитвы, говорил:

— Не бойтесь, станичники, не бойтесь, детки! Ничего он не сделает. Снаряды его рваться не будут и не собьет он вас. А завтра мы погоним его!

Ободрились казаки. Отступавшие, было, части перешли в контр-атаку и отбили противника. К вечеру поселок остался в руках казаков.

Но что особенно поразило всех, это то, что, действительно, перестали рваться снаряды и только со свистом пролетали над нашими рядами и зарывались.

На утро подошло несколько сотен, снятых с другого фронта, и казаки сами повели наступление. Противник был сбит и, оставив в наших руках два орудия, много пулеметов, несколько сот пленных и усеяв степь трупами зарубленных конной атакой 12-го полка, поспешно стал отступать. И гнали его десятки верст, и только на третий день красные остановились в станице Соболевской, где у них были резервы.

Слухи об этом бое быстро разнеслись по фронту и имя Кабаева повторялось каждым.

Я еще не видел его, и представлялся он мне сильным, властным, умеющим владеть людьми и силой воли заставлять их идти на смерть и делать чудеса храбрости, и хотелось мне скорей встретиться с ним, и разгадать, в чем же его сила.

Но это мне тогда не удалось. Наш полк был переброшен на фланг армии, затем ряд боев, неудачных для нас, отступление, сдача Уральска; я был ранен и эвакуировался в тыл.

Ранней весной, когда стало таять, и степь превратилась в огромное море воды, и можно было проехать только по дорогам, да и то не везде; когда поселки, как маленькие острова, поднимались над водой, казаки начали наступление. Большевики не выдержали и стали отходить, задерживаясь на каждом островке, отчаянно защищая каждый поселок.

Я с сотней получил задание подойти к поселку Владимирскому и занять позицию на сырте перед поселком.

Мы выступили.

Далеко впереди на черном фоне оттаявшей вязкой степи виднелась какая-то одинокая фигура. Мы на рысях быстро нагоняли ее. Кто-то из казаков сказал: -- Это Кабаев!

И вспомнил я всё, слышанное о нем, встал передо мной мощный образ богатыря и захотелось мне скорей увидеть его, поговорить с ним. Он остановился, повернул коня и шагом поехал навстречу нам.

Когда он подъехал ближе и я мог ясно разглядеть его, я подумал, что казаки ошиблись, так он был не похож на того, каким я его себе рисовал. Передо мной, на великолепном белом коне сидел небольшого роста старик. Одет он был

в белый китель, синие с малиновым лампасом шаровары и большие сапоги. Голова его была не покрыта, и его длинные, цвета пепла, седые волосы, были переязаны черной лентой, и только концы их слегка трепал свежий весенний ветер. На груди у него, на массивной цепи, висел серебряный восьмиконечный крест и большая икона. Его, чуть сутуловатая фигура говорила о том, что он сильно устал, и, несмотря на то, что он еще бодро сидел в седле, весь вид его не напоминал воина. Его морщинистое серое лицо, окаймленное тоже серой седой бородой, на первый взгляд не представляло ничего особенного, и только серые глаза были интересны. В них светилась бесконечная доброта, любовь и наивность, но в них не было энергии и решительности вождя. И, глядя в эти глаза, я понял, что только его доброта, любовь и вера заставляют казаков верить ему и идти на смерть.

Он падъехал к сотне и тихим голосом сказал:

— Снимите шапки.

Как один, казаки исполнили его приказание. Затем он благословил сотню своим крестом.

— Не бойтесь, детки, Господь с вами, идите и делайте свое дело во имя Его. Ни один волос не упадет с головы вашей, если не будет на то воля Господня!

Повернул коня и рядом со мной, впереди сотни, поехал, напевая псалмы и изредка обращаясь к казакам с краткими ободрительными словами.

Мы подвигались ближе и ближе к поселку.

Вдруг раздался выстрел, и со свистом пронеслась граната и разорвалась за сотней, подняв столб воды и черной грязи. За ней другая, третья и начался обстрел.

Мы шли в колонне. Рассыпаться нельзя было. Везде мокрая, вязкая степь. Кабаев ехал шагом и пел псалмы, и удивительно спокойно шли сзади казаки... А гранаты рвались, рвались со всех сторон.

Наконец, мы вышли из обстрела и на несколько минут остановились за прикрытием увала.

Кабаев не остался с нами. Он еще раз сказал нам, чтобы мы не боялись и, обещав приехать к нам на позицию, шагом поехал в степь.

Нам предстояло пройти еще около 300 сажен открытого места и тогда мы — у места назначения, за сыртом, на гребне которого надо окопаться.

Эти триста сажен были под пулеметным огнем.

Рассыпавшись лавой, двумя эшелонами, разомкнувшись, насколько позволяла местность, мы карьером проскакали это место и очутились за прикрытием, по крайней мере от пулеметов. Следующая сотня уже не смогла пройти здесь. Она, понеся потери ранеными, должна была вернуться.

Выбрав позицию, мы окопались и потом, оставив в окопах только караул, отошли к коноводам. Занятая нами позиция оказалась единственным удобным подходом к поселку; красные знали это, а потому они, решив нас выбить оттуда, направили всю силу своего огня на наше расположение. После недолгой пристрелки, они нащупали нас и огонь их начал наносить нам урон. Уже появились раненые; вывезти их мы не решались, так как единственная дорога была под сильным пулеметным огнем, и они должны были оставаться под обстрелом.

Подошедшая к полю боя дивизия рассыпалась и стояла вдали, наблюдая за разрывами шрапнелей над нашей сотней. Несколько раз от нее отделялись сотни и старались прорваться к нам, чтобы, накопившись здесь, начать наступление, но каждый раз, как только они подходили к дороге, ведущей к нам, их встречал пулемет и они, неся потери, отходили обратно. Только одной сотне удалось пройти, проскочив место пулеметного обстрела, карьером, по-одному.

Положение наше становилось хуже и хуже. Если за сыртом нас не доставали пули, то шрапнели рвались прямо над нами и скрыться от них было некуда.

Притихли казаки и каждый только ждал, что вот-вот придет и его черед, и ему придется раненому лежать тут же и ждать новой раны.

— Кабаев едет! — услышал я чей-то голос, полный радости.

И, действвительно, на белом коне, в белом кителе, шагом ехал он по тому месту, которое не могли пройти сотни. Вокруг него, под ногами его лошади, взлетали небольшие куски грязи — это пулеметные пули срывали кочки дороги. В это время вся его фигура была удивительно величественна в своем спокойствии и пренебрежении к смерти.

Он медленно подъехал к сотне, слез с коня, осмотрел, не ранен ли он, и отдал его подбежавшему казаку.

Казаки сами сняли шапки, а он благословил их, снял с груди крест и икону, поставил их перед сотней и стал мо-

литься, громко читая молитвы. Все молились с ним, забыв о том, что над головой со свистом и визгом рвутся шрапнели.

Окончив молитву, он пошел к окопам, где был караул.

Как только он показался на гребне сырта, затрещали пулеметы и пули с характерным свистом понеслись над нами, падая сзади нас в воду, разбрызгивая ее маленькими красивыми фонтанами.

А он шел и пел псалмы.

Спустился к окопам и, под свист пуль и вой гранат, начал и там свою молитву.

Вернулся, перекрестил нас, сел на коня и шагом уехал.

Вскоре обстрел стал затихать, а потом и совершенно прекратился.

С темнотой мы отошли в ближайший поселок и далеко за полночь утомленные казаки вспоминали переживания этого дня и говорили о Кабаеве. Но странно, ни один не удивлялся его храбрости и только изредка кто-нибудь говорил:

— Ему что, его убить не может, потому он с крестом ходит!

Такова была моя первая встреча с этим героем.

Второй раз я его видел летом.

Я, раненый, ехал по Уралу на санитарной барже. Вечером, когда я сидел с другими больными на палубе, к нам подошел на двух костылях старик, в халате, с непокрытой головой, перевязанной черной лентой.

Я узнал Кабаева.

Он подошел и сел рядом. Обе ноги его были забинтованы. Я заинтересовался, как он был ранен, и он мне рассказал, как он шел в цепи, наступающей на занятый большевиками Уральск, как около него убили казака и как он выругал красных — «у, проклятые!» и сейчас же был ранен в ногу. Но он продолжал идти. Убило другого казака около него, и ему стало страшно; как только почувствовал он страх, так упал, раненый в другую ногу. — Никогда не ругайся, сынок и не бойся в бою, а иди с молитвою, и Господь сохранит тебя, — закончил он свой рассказ.

В Калмыкове я остался, а он поехал дальше.

Прошел почти год. Войско оставило свою область и ушло с Атаманом «от красных лап в неизвестную даль». Казаки были рассеяны по разным странам. В Крыму еще держались богатыри Врангеля. Я жил в Севастополе, лечась от ранения, полученного еще в Войске.

Однажды, выходя после обедни из собора, я увидел у изгороди знакомую фигуру.

Это был Кабаев. Он был на костылях, с непокрытой головой, в каком-то больничном халате, с восьмиконечным крестом на груди.

Прохожие принимали его за нищего, и некоторые подавали ему свои гроши, но он их не брал.

Я подошел к нему. Он меня не узнал, а когда я сказал, что я Уралец, он заволновался и начал быстро, быстро рассказывать мне, что хочет собрать крестоносцев и идти освобождать Россию и родное Войско.

Я начал расспрашивать его, как он попал сюда, и услышал целую историю, как его увезли на Кавказ лечить раны, затем куда-то за море, куда, он не мог сказать, сказал только, что там были англичане, которые в Бога не верят и его кипарисовые крестики, которые он делал и давал им, они не брали совсем, или не носили на груди, как надо. Рассказал, как в море, во время бури, он молитвою спас корабль от крушения и, наконец, что стало ему скучно по родной России и по Войску и он со слезами упросил привезти его на Родину.

Долго мы стояли у церковной ограды, и прохожие с удивлением смотрели на нас.

Потом я узнал, что его в Севастополе многие знали, да и сам я часто видел его после на базаре. Он стоял где-нибудь, окруженный небольшой кучкой народа и призывал вооружиться крестом и идти против сынов антихриста. Но то, что можно было сделать на Урале, было невозможно в Севастополе. Толпа мелких торгашей и крупных спекулянтов не поняла его и считала юродивым, и около него, проповедника веры, сыпались шутки и базарная брань.

Только изредка какая-нибудь женщина, протягивая ему сотенную бумажку, говорила: — Помолись, родной, о душе новопреставленного воина... — Он не брал денег, но вынимал старый потертый поминальник и дрожащей рукой вписывал туда имя убитого.

Пришел октябрь 20 года, и Крым был оставлен нашими войсками.

Кабаев остался.

Что с ним теперь, жив ли он, призывает ли опять с молитвою и крестом итти против слуг антихриста, или какой-

нибудь латыш разбил прикладом его седую голову? Никто не знает.

Вспомнит ли кто-нибудь о нем? Да и живы ли те, кто знал его?

А может быть, через много лет, где-нибудь на берегу Урала или в широких уральских степях седой старик, сидя у костра, будет рассказывать своим внукам о великих подвигах Войска и вспомнит Кабаева и скажет:

— Да, с ним было не страшно... Потому, он с крестом и с молитвою шел...

1929 г. **Б. Киров**

Здесь в этом бою под Красновской станицей опять проявил себя геройски наш Матвей Филаретович Мартынов. Будучи ранен, он не мог вести в атаку казачьи части, сидя на коне. Он взял легковой открытый автомобиль и, стоя в нем, повел части в атаку на красных. Шофер был ни живой, ни мертвый, но все-таки исполнял приказания Мартынова.

Сражение закончилось полным разгромом красных. Много их было порублено, много взято в плен.

Со стороны красных войсками командовал Чапаев, и по свидетельству Кутякова, он был разбит на голову.

Постепенно казаки бросают принцип «за грань не пойдем».

Кстати, великолепные учебные полки не придерживались этого принципа и беспрерывно дрались на чужой территории.

На Сламиханском фронте полковник Н. Н. Бородин не раз ходил за грань, он занимал Александров Гай и даже Новоузенск.

Уральцы принимали участие, правда маленькими частями, при взятии чехами Бузулука, Самары и Казани.

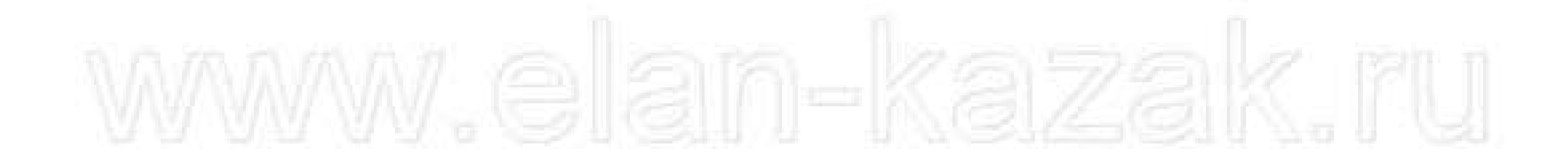
Уральцы принимали участие в организации Комуча в Западной Сибири.

Уральцы держали связь с Добровольческой Армией генерала Деникина.

Уральцы держали связь с адмиралом Колчаком.

Уральцы оказывали помощь и Оренбургским казакам.

Оренбуржцы, в свою очередь, когда оправились, присылали нам свои части. Я помню в 19 году встретил на фрон-

те 13-ый Оренбургский полк под командой полковника Булгакова. Но в конце-то концов, Уральцы не принадлежали ни к одной из Добровольческих Армий, а были всё время изолированы и самостоятельно вели войну. Поэтому во многих трудах, описывающих действия добровольческих армий, нет почти упоминаний о героической борьбе Уральцев.

***

Восемь раз вели наступление на Уральск красные, всякий раз всё большими силами и восемь раз казаки отбивали эти наступления и, наконец, девятый раз громадными силами, уже зимой, в январе 1919 года красные повели наступление, на день раньше назначенного срока, что спутало, до известной степени, планы казаков, и главная надежда казаков — учебные полки были на Бухарской (Зауральной) стороне, защита была недостаточной и, несмотря на геройские усилия командующего армией генерала Мартынова, который будучи ранен в четвертый раз, метался по фронту в санях, запряженной парой лошадей, Уральск был сдан 11-го января по старому стилю. На другой день подошли учебные полки и Уральцы ворвались в город и почти весь его захватили, но сразу же кинулись кто навестить родных, кто куда. Красные оправились и вытеснили казаков.

По советским источникам выходит, что главная причина, почему красным удалось взять Уральск, это глубокий снег, мешавший казакам производить конные атаки, в которых они были особенно сильны и что Уральцы кинулись расхищать интендантское имущество красных.

Официальным девизом Уральцев, выработанным на Войсковом Съезде, был: «За веру, родину, Яик и свободу». Выпущен был орден Св. Архистратига Михаила с этой надписью на нем. Орденом этим награждались воины за отличия. В Учредительное Собрание был избран делегат Н. А. Бородин, бывший член Государственной Думы первого созыва, кадет. Причем, как известно, в Учредительное Собрание выбирался делегат от каждых 250 тысяч населения, а в Уральском Войске такого количества казачьего населения не было, а было немногим более 200 тысяч, поэтому казакам нельзя было разбивать голоса на других претендентов и рекомендовать всем голосовать за Бородина.

Среди казаков-же это была борьба за свою независимость и волю. Недаром в самом начале войны была популярна песнь:

„Трансваль, Трансваль, страна моя,
Ты вся горишь в огне."

Где говорится о неравной борьбе буров с англичанами, и Уральцы сравнивали себя с бурами, боровшимися за независимость.

К октябрю месяцу 1918 года армия состояла из 17 казачьих полков численностью приблизительно по 600 человек, Оренбургский казачий полк, Семеновская дружина, пришедшая откуда-то с Волги, 33 Николаевский стрелковый полк. Численность армии нужно считать до 18 тысяч, из них приблизительно было одна треть пехоты при 120 пулеметах и 50-60 орудиях, которые в большинстве случаев были взяты с бою.

Всю главную часть этой борьбы приняли на себя три учебных полка.

Командир 1-го полка полковник Курин, герой Германской войны, был убит в самом начале своим-же преждевременно разорвавшимся снарядом. Его заменил полковник В. И. Донсков. Командиром 2-го полка был полковник Беляев. Этот полк был частью пеший и находился на Илецком фронте. 3-ий полк формировал А. Н. Карташев, но он вскоре был заменен полковником Быковым. Затем Быков очень скоро был убит.

Дрались Уральцы на четырех фронтах. Казаки мобилизовали всё казачество, иногороднее-же население края не мобилизовали и не мобилизовали и крестьян, когда занимали города и селения Самарской губернии. В Уральске скопилось очень много офицеров русской армии и было богатое чиновничество и купечество, но они не пошли с нами, — чего они ждали, я не знаю. Ведь большевики были такие же враги и для них, как и для нас, казаков

Редкие пошли к нам добровольцами и некоторые проявили большое геройство и стойкость — их всех приняли в казаки. Многие поустраивались на тыловых должностях, по всей линии, во всех поселках это были коменданты, заведующие какими-нибудь складами и т.д. Некоторые занимались спекуляцией.

В общем — грустная картина.

Тогда как казачьи офицеры все были на фронте и был такой сотник Арчашников, который был ранен 9 раз и, после короткого лечения снова возвращался на фронт. И казаки забрали даже тех казаков, которые при царском режиме

были освобождены от военной службы по каким-либо болезням.

Многих иногородних приняли Уральцы в казаки. Даже приняли двух евреев. Был принят в казаки инженер еврей Пейрос, который изобрел какую-то машину, которую прицеплял к бронированному поезду и она коверкала рельсы при отступлении, но, согласно казачьей традиции переменили фамилию на Пейросов. Другой по фамилии Гурфейн поступил в нашу армию и выказал себя молодцом; приняли его под фамилией Гурфейнов.

И это, кажется, не первый случай принятия евреев в казачество, по свидетельству генерала Хагондокова, на Дальнем Востоке, во время Японской войны был принят Уральцами боевой еврей по фамилии Гуревич. Но, кажется, он в Войско не попал.

***

Когда пал Уральск, то там к большевикам присоединилось очень много иногородних, которые казаков ненавидели. Начались аресты, расстрелы и грабеж. Одна гимназистка казачьей женской гимназии, еврейка Роза Бух, почему-то сразу приобрела власть и, вынесши стул на Урал, преспокойно села на него перед большой прорубью и пристреливала собственноручно всех, которых приводили к ней красноармейцы, и трупы их сталкивали под лед. Красные, как в Уральске, так и во всех поселках, которые они занимали, стреляли в течение всей ночи в воздух. Сколько они тратили пуль, повидимому, они их имели в безграничном количестве и как они могли спать при такой стрельбе. И для чего они это делали, чтобы показать, что они бодрствуют?

Закрепившись в Уральске, красные повели наступление ниже Уральска по нижней линии, которая представляла собой беспредельную цепь поселков по реке Уралу. Это прежние форпосты для защиты России от зауральских кочевников, *протяжением до Гурьева в 500 верст.*

А также они повели наступление на Александров Гай Самарской губернии, на станицу Сламихинскую, чтобы, взявши ее, выйти на Урал в тыл казакам. У казаков после падения Уральска мораль сильно пала и началось даже разложение армии, многие казаки решили разъехаться по домам.

Красные очень легко дошли до города Лбищенска и без боя взяли станицу Сламихинскую.

Фурманов, в своей книге «Чапаев», подробно описывает бой под Сламихином, но он большой фантазер оказался. Боя не было, был небольшой заслон, чтобы дать возможность эвакуироваться населению.

Войсковой Съезд, обосновавшийся в это время в Калмыкове, искал выхода из положения и пришел к решению выбрать Войскового Атамана. Все взоры остановились на генерале Владимире Сергеевиче Толстовом.

В. С. Толстов, георгиевский кавалер Германской войны, был сыном генерала С. Е. Толстова, бывшего, одно время, Наказным Атаманом Терского казачьего войска.

Будучи в Гурьеве, он проявил большую энергию и организовал прекрасную защиту Гурьева от попыток красных завладеть им из Астрахани.

Слава о нем шла хорошая.

Толстов выставил свои условия, мажно сказать, диктаторские. Съезд, незанятые красными станицы и воинские части приняли эти условия и В. С. Толстов был избран на пост Войскового Атамана 11 марта 1919 года.

***

Постановление Экстренного Съезда Уральского Казачьего Войска 10 марта 1919 года № 619

Идя навстречу желаниям и требованиям населения станиц не занятых большевиками и организованных воинских частей о небходимости вручения власти одному лицу, *Войсковой Съезд постановил: запросить станицы* и войсковые части, согласны ли они, временно, до освобождения войсковой территории от большевизма, избрать Войсковым Атаманом генерал-майора В. С. Толстова и вручить ему неограниченную власть как над жизнью и смертью воинских чинов, так и над гражданским населением войсковой территории, при условии Войсковой Съезд временно не распускать. Съезд берет на себя обязанности помочь Войсковому Атаману по приведению в порядок всего войскового достояния, боевых припасов и финансовых средств, оставшихся в руках Войска и в деле снабжения всем необходимым армии.

Настоящие условия предлагаются генерал-майором Толстовым, как единственные, на которых он соглашает-

ся встать во главе правления войсковой территории и Уральской отдельной армии.

Подлинное подписано: за председателя Съезда П. Овчинников, товарищ его Иванаев и секретарь Истомин.

Копия. Постановления Экстренного Съезда Уральского Казачьего Войска на 11 марта 1919 года.

Войсковой Съезд, заслушав приговора Частей и Станиц об избрании Войсковым Атаманом генерал-майора Толстова, считать избранным на пост Войскового Атамана Уральского Казачьего Войска, с правами, означенными в постановлении Съезда от 10-го марта с.г. № 619.

Подлинное подписали: За председателя Войскового Съезда П. Овчинников, Товарищ председателя Иванаев, Секретарь Истомин.

***

Со времени выбора Войскового Атамана начинается второй период борьбы Уральцев за независимость. К этому времени красные войска были в Лбищинске. Разрозненные же казачьи части и остатки учебных полков находились в Мергеневе.

Красные прислали делегатов, из них главный был Конде, из французов, и в одном из домов был устроен митинг.

Вот вам, по свидетельству есаула И. Д. Яганова, описание того, как развернулись события.

Штаб армии, находившийся в Сахарновской станице, узнал заранее о предстоящем митинге и выслал полусотню юнкеров под командой есаула М. Е. Мясникова, которая должна была, не доходя Мергенева, ждать дальнейших приказаний.

В 4 часа утра 20-го марта вышла вторая полусотня юнкеров под командой хорунжего, в то время, И. Д. Яганова со взводом конной батареи и присоединилась к первой полусотне. В это же время прибыл в автомобиле Атаман и заявил: — Я выбран Атаманом, в Войске завелась зараза, я ее хочу вырвать с корнем.

Сел в автомобиль с начальником штаба Моторновым и быстро поехал в Мергенев, за ним наметом шла полусотня юнкеров с хорунжим Ягановым и полковником Кирилловым.

По приезде в Мергенев, полусотня окружила здание, где происходил митинг и где Конде предлагал прекратить войну

и признать советскую власть. Когда вошел туда незаметно Атаман с Моторновым, как оратор выступал диакон Горячинского поселка казак Спирин. Спирин убеждал казаков сдаться, что невозможно драться со своими братьями солдатами и прочее. Один казак сказал на все эти речи, что у нас теперь выбран Войсковой Атаман и что с ответом нужно подождать до его приезда сюда. Спирин снова продолжал: — Довольно проливать кровь, против кого воюем, что нам Атаман, он разъезжает себе по Гурьевам и пьянствует.

При этих словах Атаман Толстов вышел на средину и громко крикнул: Я Атаман, расстрелять их сейчас же! — Юнкера моментально схватили Спирина и трех советских делегатов и на дворе их расстреляли. Перед расстрелом Спирин упал на колени и просил пощады, тогда как Конде вел себя мужественно и сказал: — Что-ж, умрем, но знайте, что в конце концов мы победим.

Всех ж остальных, бывших на митинге, разделили на две партии.

Оказывается ранее были посланы туда казаки учебных полков, всегда верных казачеству, чтобы узнать, кто из присутствующих сочувствует большевикам.

Атаман подошел к группе сочувствующих и приказал им вырыть во дворе яму, настолько большую, чтобы они все туда поместились. Момент был жуткий. Но эту угрозу в исполнение он не привел.

После того, как расстрелянные были похоронены, всем сочувстввующим было дано по 100 плетей, а всем остальным по 25.

Это событие имело громадное значение в истории Войска во время гражданской войны. Сейчас же было отбито наступление красных на Мергенев и произошел первый Лбищенский бой, когда красные были разбиты наголову и территория до самого Уральска была очищена.

Теперь уже и фронтовики взялись за оружие, как следует. Сорганизовались великолепные полки. Произошло много блестящих боев, в большинстве из них красные разбивались наголову.

Тактика казаков была почти одна и та-же: они всегда атаковали на зорьке, а в дневных боях, в конном строю шашка решала дело.

Уральцы не любили служить в пехоте, поэтому у них было мало казачьей пехоты, а была пехота из присоединив-

шихся к нам русских. В смысле воинов Уральцы, конечно, выше красных солдат, из которых много было мобилизованных красными. Когда казаки чувствовали, что им не совладать с противником, они просто отходили.

Но вся трагедия у Уральцев была в том, что пополнения не было никакого. Полки убывали. Учебные полки дошли сначала до дивизиона, а потом сошли на нет. Красные же имели неисчерпаемые запасы и людей и оружия, слали всё новые и новые части и каждый раз увеличивая численность.

У Уральцев начались болезни сыпной тиф и испанка. Не было ни одного человека, кокторый бы не болел сыпным тифом. Многие умирали от него.

А испанка в три дня доводила до могилы человека, который никогда ничем не болел. Лазаретов было мало, медицинских средств никаких, то что иногда доставали на Кавказе, было далеко недостаточно.

Всех тяжело раненых отправляли на Кавказ. Все казачья нация целиком делала непосильную работу. По линии от Уральска до Гурьева, на протяжении 500 верст казачки, старики и дети, на подводах везли раненых, снаряды и продовольствие. Казачки выпекали хлеб для всей армии. Так как эта часть территории Войска пустынная, там хлеб не родился, то начали его доставать на Бухарской стороне у хохлов переселенцев и на Кавказе. И наш генерал Шипов доставал его у Кубанских казаков. Этот генерал рассказывал, что Кубанцы берегли свой хлеб и многим отказывали. Но, когда *узнавали, что этот хлеб нужен до зарезу, то охотно продавали*. Казачья солидарность.

18 марта 1919 года умер от последнего ранения герой Войска генерал Матвей Филаретович Мартынов.

Вот приказ Атамана Толстова:

> Казаки! Вчера в шесть часов 45 минут утра скончался талантливый, храбрый из храбрых, витязь родного Войска генерал-лейтенант Матвей Филаретович Мартынов. Войско понесло крупнейшую потерю. Да будет он примером в бою и в жизни каждому, кому суждено остаться в живых. Пусть каждый передаст в потомство, кем был Матвей Филаретович для своего Войска. Мир праху твоему, витязь без страха и упрека. Да послужишь ты примером всем любящим родное Войско,
>
> Генерал Толстов

В очень короткое время всё Войско было освобождено, кроме Уральска.

Уральск долгое время был совершенно отрезан от красных.

Летом пытался крупный отряд красных прорваться к Уральску по линии железной дороги и главные его силы были уже в Зеленом, а ближайший тыл с резервами и интендантским имуществом был в Каменской станице на станции Шипово. Казаки атаковали на зорьке это Шипово, под командой полковника Сладкова и совершенно ликвидировали отряд, захватив много пленных, орудия и массу снаряжения, и прочее. Главный отряд красных, бывший в Зеленом, спасовал и начал отходить в Самарскую губернию на город Николаевск. Казаки его преследовали, но уничтожить его не удалось. Идя за ним, казаки заняли город Николаевск. Помню случай, когда одной сотне приказано было собрать сход мужиков громаднейшего села Перелюб. На этом сходе командир сотни объявил мужикам, за что Уральцы борятся, предложил им вступить в наши ряды, обещая дать оружие.

Мужики ответили, что своих детей они не дадут ни белым, ни красным.

А стоило только нам отойти обратно на свою территорию, пришли красные и объявили мобилизацию пяти лет и мужики не протестовали. Летом же было предпринято наступление на Уральск. Для этой цели казаки собрали с ближайших станиц, лежащих на Урале, большое количество рыболовных будар (лодок) для переправы через реку Чаган.

Уральск расположен в вилке между Уралом и широкой рекой Чаганом, впадающим в Урал.

Командовал боем старый генерал Чернышев и бой окончился полным поражением казаков.

На зорьке эти казаки подтянули эти будары и стали на них переправляться через Чаган, но были встречены бешеным артиллерийским и пулеметным огнем из сильно укрепленного Уральска.

Так как кто-то и где-то опоздал, эти казаки на бударах, не поддержанные, были почти все перебиты. Это за всю войну самое большое поражение казаков. Считают, что около 1000 человек погибло. Атаман не мог себе простить того, что назначил генерала Чернышева командовать этим боем.

После всех этих событий красные снова повели наступление на Уральск на соединение с осажденными красными; на

этот раз шла 25 дивизия, командиром которой был советский герой Чапаев. Дивизия эта была переброшена с Колчаковского фронта и пришла она из-под Самары и почти без боев дошла до Уральска. У Уральцев не было никакой возможности оказывать сопротивление везде.

Красные, впоследствии, повели наступление снова из Уральска ниже по Уралу и уже к осени дошли до Лбищенска и спустились ниже до станицы Сахарновской.

В Уральске было уже катастрофическое положение, все нижние станицы были переполнены беженцами, так как всё население станиц, боясь зверств, уходило при приближении красных, больными, ранеными и красными пленными, с которыми абсолютно не знали, что делать.

Не было хлеба.

Решено было, чтобы поправить немного положение, атаковать красных в городе Лбищенске, где находился штаб Чапаева, его курсанты и масса провиантских складов и резервные части.

Назначенным отрядом командовал полковник Т. И. Сладков.

Отряд выдвинулся в степь и прошел скрытно 120 верст и очутился на высоте города Лбищенска. По дороге встретили массу порубленных красных, валявшихся непогребенными. Это Уральцы незадолго до этого разгромили отряд красных, вышедший с линии в степь.

На зорьке 5-го сентября спешились казаки и ворвались в город и начался ужасный уличный бой.

Фурманов, в своей книге «Чапаев», довольно верно его описал.

Разгром красных был полный, несмотря на то, что они упорно сопротивлялись, только единицам удалось бежать, переправившись на Бухарскую сторону через Урал.

И сам Чапаев был убит на Урале, когда он бежал на лодке. Казаки потеряли 150 человек, в их числе замечательный полковник Бородин. Захвачено много пленных и масса трофеев. Этот блестящий бой, можно сказать, был лебединой песней Уральских казаков. Уральцы окончательно выдохлись, станицы были полны больными тифом. Каждое утро нагружали большие рыдваны трупами умерших — этим занимались пленные красные.

Их сваливали в большие вырытые ямы. Кони у казаков были измучены, кормить из было нечем. Начал ощущаться

Полковник Тимофей Ипполитович Сладков, казак Уральской станицы.

Генерал Борис Иванович Хорошхин, казак Уральской станицы. Возглавлял Представительство всех казачьих Сибирских Войск при Ставке адмирала Колчака.

Подъесаул Димитрий Пузаткин, казак Уральской станицы, герой Германской и гражданской войн. На войну 14-го года вышел, в возрасте 14 лет, добровольцем; за боевые отличия был произведен со временем в офицеры и в гражданскую войну командовал сотней 3-го Уральского учебного полка.

Войсковой старшина Иван Иванович Климов, казак Глининской станицы.

голод, так как красные весь скот угоняли из захваченных станиц куда-то за нашу грань. После этого разгрома красных в Лбищенске, их головной отряд, бывший в Сахарновской станице, струсил и начал отходить по направлению к Уральску. Разгромить этот отряд Уральцам не удалось, он, уходя из станицы Сахарновской, наложил снаряды в великолепный собор Псковского стиля и подорвал его.

Прошел этот отряд Лбищенск и увидел весь ужас бывшего здесь боя, так как трупы еще не были убраны. Выйдя из Лбищенска, отряд начал сжигать все станицы и поселки до самого Уральска на протяжении около 200 верст. А некоторое время спустя красные, оправившись, снова повели наступление вниз по Уралу и на станицу Сламихинскую, и ясно увидели, что в сущности воевать-то им уж не с кем.

В станицах они увидели полные избы умирающих людей и на улицах трупы умерших.

По свидетельству полковника Т. И. Сладкова, который в это время конца 1919 года был назначен начальником штаба армии, Атаман создал полк, названный «Атаманским полком Спасения» и сам решил руководить операциями. Полк насчитывал 350 человек.

В середине декабря полк вышел на фронт, но в это время красные выслали парламентеров для переговоров. Атаман приказал выслать от частей по одному офицеру и казаку для присутствия при встрече с парламентерами.

Ввели двух парламентеров, первый производил впечатление интеллигентного человека, второй же был из Красной кавалерии Кубанского сотника Попова, громадного роста, упитанный и довольно развязный. Оба вошедших сделали общий поклон и старший заговорил, сильно волнуясь:

— Я, как парламентер, прислан к вам передать пакеты.

Пакетов было четыре: От Совета Народных Комиссаров за подписью Ленина, Троцкого, Каменева и др.

От командующего Юго-Восточным фронтом Фрунзе, от начальника Уральской группы и от начальника фронтовой группы:

— Командующий 1-ой Красной армией, отдавая справедливость героизму Уральской армии, считает для себя невозможным продолжать вооруженную борьбу с противником, который путь своего отступления устилает трупами людей, умирающих от эпидемий. Поэтому командующий Арми-

ей предлагает прекращение боевых действий на условиях... Дальше перечислялись условия.

Ультиматум Уральцы оставили без ответа и начали собираться в поход в Среднюю Азию.

Прежде чем приступить к описанию дальнейших событий, я немного задержусь на некоторых сведениях. Скажу о полковнике Тимофее Ипполитовиче Сладкове. Он был приемным сыном полковника Сладкова, бездетного. Приемный отец его дал ему военное образование. Т. М. Сладков окончил Елизаветградское военное училище и поступил в гвардию в Донской Атаманский полк.

Был обаятельный, веселый, большой ухажер, но сильно отличался от типа уральца-офицера. Он выдвинулся настолько, что ему поручались сборные отряды в 4-5 полков.

Он командовал такими великолепными боями, как Шиповский и, особенно, Лбищенский. И, несмотря на это, к нему было какое-то предубеждение, а, может быть, и зависть. Но, казалось, что он не искал популярности, а был всегда весел и ровен со всеми в своих отношениях.

Так как во время гражданской войны была большая убыль в офицерах, производились казаки за отличия в офицеры для пополнения офицерского состава, но этого было мало. Была организована школа прапорщиков с начальником полковником Исеевым во главе. До падения Уральска она находилась в Уральске. После она стала находиться при штабе армии и больше воевала, чем училась.

После того, как учебные полки, после колоссальных потерь, сошли на нет, то начальником школы был назначен полковник В. И. Донсков, командир 1-го учебного полка.

Во второй период войны, когда был выбран Атаман, была произведена полная реорганизация Армии и полки, кроме учебных, стали называться по станицам и были новые пришельцы.

Назову конный отряд Позднякова, пришедший из Александров-Гая Самарской губернии, Сафаровская татарская рота, пришедшая из татарского села Сафаровки, Партизанский небольшой отряд Решетникова, отряд терца Бичерахова с Кавказа, с бронированными автомобилями, был еще, перешедший от красных Покровско-Туркестанский полк, числен-

ность его не знаю, вероятно были и еще какие-нибудь части. Части эти были все хорошие, но нужно особенно выделить татарскую Сафаровскую роту.

Приведу несколько отзывов об уральцах, как воинах.

По свидетельству Войскового Старшины Е. Д. Коновалова, бывшего представителем Атамана Толстова при Адмирале Колчаке, однажды, на Войсковом Круге Сибирского Казачьего Войска, в городе Омске, в присутствии всех союзных миссий, Адмирал Колчак произнес речь. В ней он давал оценку, с полной беспристрастностью, участия казачества в борьбе за освобождение Родины. Он говорил о героизме и жертвах казаков. Особенно сильное впечатление на присутствующих произвели, с подъемом сказанные им, слова о небольшом, но сильном духом Уральском казачестве. В Уральцах он видел пример, обязывающий к подражанию.

— Ставлю Уральцев на первое место, — сказал Адмирал.

Генерал Деникин сказал одному из наших представвителей: — *Вот, если бы все казаки были, как Уральцы.*

И вот советские отзывы:

Из книги Фурманова «Чапаев»: „Это вам были не Колчаковские мобилизованные мужички. Здесь, что ни казак, то непримиримый враг советской власти."

Из книги Кутякова «Разгром белой Уральской Армии»:

„...Уральское командование прекрасно оперировало своими частями не только на поле боя, но и на всем театре...

...Уральское командование правильно учло подвижность своей конницы. Перегруппировки и переброски, как правило, производились ночью, чем достигалась скрытность, а, следовательно, и внезапность. Конные массы белых появлялись там, где их не ждали и обрушивались на красные полки, окружая их и изматывая огневым боем и атаками.

...Командующий белой группой ген. Мартынов принял личное участие в бою за Уральск и нашел смерть как рядовой боец на улицах атакованной нами столицы белого казачества.

...Несмотря на то, что красными открывался частый бурный огонь, выпускались сотни тысяч ружейно-пулеметных патронов, казачьи конные массы сплошь и рядом всё же доводили до конца свои атаки..."

Одно короткое время командовал армией не казак, генерал Савельев, но, кажется, он себя особенным ничем не

проявил. Были два полковника Изергин и Тетруев, присланные от Деникина.

Изергин командовал корпусом, а Тетруев-же — отрядом, защищавшим Гурьев от Астрахани. Был полковник Генерального штаба Моторный; он был в нашей армии начальником штаба Армии и был очень популярен, казаки приняли его в казаки под фамилией Моторнов.

Я раньше упомянул о сходе мужиков, собранных по приказанию командира казачьей сотни в громадном селе Перелюб. Они отказались нам оказать помощь. Здесь очень оправдалась русская поговорка: «Гром не грянет, русский мужик не перекрестится».

В последнем бою в Лбищенске мне достался портфель одного советского комиссара, где были официальные документы, где говорилось о том, как в окрестностях этого села Перелюб ввспыхнули крестьянские восстания и как крестьяне уничтожили два карательных отряда и, наконец, третий отряд, гораздо более сильный, с артиллерией, жестоко подавил эти восстания.

А ведь только два-три месяца перед этим казаки их звали на борьбу, предлагая оружие и всё необходимое. И уже после Лбищенского боя, к нам выбежало оттуда 4 человека, пройдя расстояние не менее 300-400 верст. Они полностью подтвердили эти документы. Один из них штабс-капитан, фамилию не помню, поступил в наш Чижинский полк, оказался очень боевым и, бедняга, в первом же бою был убит.

Теперь о киргизах.

Букеевские киргизы на нашей территории не приняли никакого участия в войне и в душе, вероятно, были на стороне красных, так как красные им обещали золотые горы. Что-же касается Зауральских киргизов, которые, после революции, создали как бы государство Алаш-Орду, то они за спиной у казаков не имели общения с большевиками и создали, с помощью Уральцев небольшую конную армию.

Уральцы им дали оружие и они, как будто, притязали, что они наши союзники. Но стоило только рухнуть нашему фронту, как они стали вылавливать отдельные небольшие группы уральцев и их или уничтожали, или выдавали красным. Так они вырезали штаб Илецкого корпуса, разбросанного по отдельным киргизским землянкам. Погиб зарублен-

ный генерал В. И. Акутин, командующий корпусом, также такие видные генералы, как Загребин и Балалаев.

У Уральцев не было большого предательства, но всё-же было. Вот те случаи, о которых я знаю:

В самом начале войны прапорщики Н. Кузнецов и Хохлачев вели пропаганду за большевиков, были уличены, судимы и расстреляны.

Доктор Ружейников примкнул к большевикам и из Саратова приезжал, как делегат, уговаривал казаков признать советскую власть. Этого с миром и отказом отпустили.

Депутат Каменской станицы, казак Кулаков, который еще на Германском фронте убеждал Уральцев сдать оружие красным, присоединился к мнению доктора Ружейникова. Его лишили депутатского звания.

Слышал про есаула Каймашникова, который, будто-бы, был арестован.

Слышал про студента Ф. Сергина. И был такой хорунжий Виктор Рябов.

Обыкновенно, к красным шли люди или обиженные Богом или людьми.

Рябов-же окончил Оренбургское Военное казачье училище вахмистром, спортсмен, георгиевский кавалер. Что потянуло его к красным? Мало этого, — он поступил в Красную Армию и дрался против Уральцев, и однажды, под хутором Астраханкиным провел отряд красных, известной только казакам, балкой, и напал на Уральцев неожиданно. Казаки его поймали и расстреляли.

В моей станице оказалось 7 или 8 казаков из молодых, которые перешли к красным; им также не повезло. Их поймали свои-же казаки и всех расстреляли. Удалось бежать только одному Шапошникову, самому озлобленному.

По свидетельству Атамана, были большие неприятности с Илецким корпусом. Однажды они бросили своих офицеров и своего командира полковника Балалаева и, под начальством подхорунжего Борханскова, ушли на Зауральскую сторону. Причина была та, что они хотели, прежде всего, освобождать свои станицы. С ними было много возни даже и в то время, когда им стал командовать заслуженный генерал Акутин.

Атаман распустил Войсковой Съезд и даже арестовал некоторых строптивых депутатов, несогласных с его действи-

ями. Арестовано было, кажется, четверо во главе с председателем Войскового Съезда, сотником Кирпичниковым.

Когда Оренбургское Войско было разгромлено большевиками, то часть Оренбургцев, под командой генерала Акулинина, помощника Атамана Дутова, пришла к нам. Но это были, главным образом, тыловые части.

Эти части отказались вступить в нашу армию и идти на фронт. Генерал Акулинин удивлялся, что Толстов не хочет использовать эти тыловые части. Толстов же заявил, что ему нужны солдаты, а не тыловые учреждения.

Дальше я перейду к описанию походов.

В конце декабря 1919 года, 6-ая дивизия в составе полков: Сламихинского, Чикинского, 2-го партизанского и Поздняковского иногороднего, находилась в Рынь-Песках, недалеко от Ханской ставки Букеевской орды.

Командовал ею полковник Горшков, вместо убитого в Лбищенске, полковника Н. Н. Бородина.

Горшков герой 2-го Партизанского полка, организовал связь с Гурьевым через нанятых для этой цели киргизов. Получил сведения о катастрофическом положении армии Атамана и долгое время не решался — вести-ли дивизию на соединсние с Атаманом, который уж вышел в поход на форт Александровск, или идти через Волгу на соединение с Добровольческой Армией генерала Деникина.

Решено было пересечь Урал в тылу у красных в районе Кулагинской станицы и, выйдя на Зауральскую сторону, присоединиться к Атаману где-нибудь в районе Жилой Косы.

Вся дивизия, численностью 700-800 человек, была полна больными и деморализованными людьми.

Вызвалось идти с Горшковым около 200 человек и несколько больных и раненых в санях. Остальные решили ехать по домам.

Этот небольшой отряд шел 4 суток до Урала, причем шли ночами, днями-же скрытно пережидали. Вышли на Урал на зорьке около Горского поселка и увидели обоз красных, двигавшийся вниз.

Чижинскому взводу было приказано атаковать этот обоз. Развернулись казаки в лаву, а лошади-то не идут, шашки из ножен не вынешь закоченевшими руками. Но, все-же, захватили обоз и 41 человека, среди них оказался наш Чи-

жинский казак, который сказал, что поселки заняты красными войсками и даже в одном поселке, Зеленом, два кавалерийских красных полка. Что было делать с этими пленными? — отпустили их с миром, взяли из обоза немного хлеба и двинулись дальше, чтобы быстро перейти Урал по льду.

Перешли Урал и остановились на отдых в киргизских землянках. Почему красные не устроили погоню за нами, неизвестно.

На другое утро, отойдя от Урала верст на 30, снова остановились на ночлег. Случилось здесь следующее: Горшков случайно узнал, что где-то, в землянках, проездом находится его университетский товарищ киргиз Досмухамедов, игравший большую роль при Алаш-Орде. Он его разыскал и имел с ним свидание ночью, а на утро нам преподнес сюрприз. Отошли мы от ночевки несколько верст и в одной лощине Горшков собрал нас в круг в то время, когда нас начала уже окружать киргизская лава.

На этом кругу он заявил, что дальше он не идет, не веря в успех и предложил всем отрядом идти в киргизское селение Кызыл-Кугу и сдаться там красным.

Набралось всего тридцать человек, не пожелавших сдаться; простились с Горшковым, который дал отходящим денег и пожелал успеха.

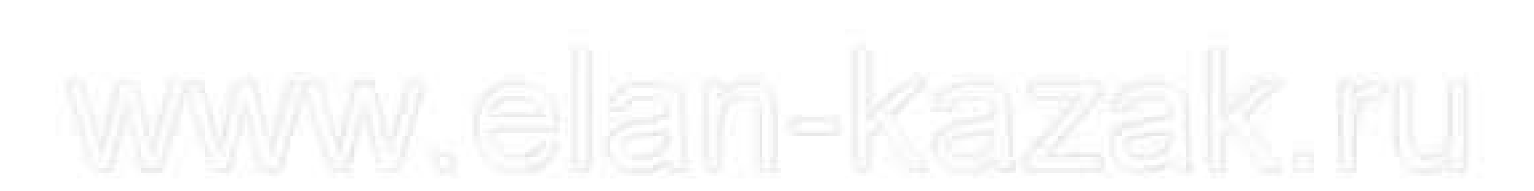
Впоследствии полковник Горшков был увезен в Москву и там расстрелян. О судьбе остальных не знаю.

Тридцать же человек выскочили из окружения киргизской лавы и пошли в направлении на восток. Я был в числе этих 30-ти. Мои станичники уговаривали меня остаться с ними, говоря: — чин у тебя небольшой и мы тебя не выдадим.

Но я не послушался. Каким-то чудом наши уставшие и некормленные кони, прошли 80 верст. Никого мы не встретили до первых киргизских аулов, где, оказывается, ~~били~~ были пленных казаков. Киргизы, повидимому, приняли нас за красных и мы, ни с кем не заговаривая, как-то пересекли эти аулы и опять выдвинулись в степь.

Двигались без большой опаски, дошли до небольшой группы барханов и увидели верстах в 3-х большой тракт и аул. Хорунжий Плетнев, ведший отряд, остановил нас в барханах, чтобы выяснить обстановку.

В это время мы увидели, что из аула бежит киргизская девка. Девка, запыхавшись, объяснила, что в ауле находится

полк красной кавалерии и что она бежала потому, что ее хотели изнасиловать.

И также добавила, что они, кажется, должны выступить для преследования казаков. И, действительно, вскоре мы увидели, что полк двинулся на юг.

Тогда мы свободно пересекли этот аул и, дойдя до реки Сагиз, выменяли коней на верблюдов и приобрели на деньги кое-какое пропитание, двинулись дальше.

В этой местности существует и бывает каждый год в начале января сильнейший ветер при морозе в 30 градусов по Реомюру. Эти ветры киргизы называют «Бис-Кунак», иначе пять гостей, и они длятся пять дней.

Отряд выждал эти пять дней на реке Эмбе, где красных отрядов не было.

Я не предполагал описывать подробно этот поход маленькой группы, скажу лишь, что он длился 60 суток. Были незначительные стычки с киргизами, были засады, которые миновали благодаря знания характера кочевников и их языка.

Отряд шел параллельно берегу Каспийского моря, верстах в 150 от него, что являлось спасением для маленькой группы людей, которые в эти зимние стужи могли находить ночлег в киргизских землянках.

Дошли до форта Александровска одни из последних, в начале марта 1920 года, потеряв троих умершими: командира Чижинского полка С. Д. Хохлачева, сотника Железнова и казака Погодаева.

Не та картина была на берегу Каспийского моря, где шел Атаман и где была нежилая пустыня.

Группы беженцев, остатки частей, плохо организованный поход окончился потрясающей трагедией. Атаманом была заранее выслана сотня казаков в Форт Александровск для того, чтобы эта сотня подготовила Форт для встречи Уральцев и чтобы устроила питательные пункты по пути, где должны были идти отряды. Эта сотня кое-что сделала, но далеко не достаточно.

К Уральцам также присоединились остатки русских отрядов, оперировавших где-то под Астраханью, отряд Юденича, Русско-Србский, Астраханские пластуны, Енотаевцы, Оренбуржцы и Английская миссия, бывшая при нашей армии.

Почти все вышли наспех и без должной подготовки к голой безлюдной пустыне в Крещенские морозы. Много людей, особенно больных, осталось уже в Жилой-Косе — рыбацкий поселок, находившийся сравнительно недалеко от Гурьева.

Там же остался и бывший председатель Войскового Правительства Фомичев. Настигшие красные многих там прикончили. Фомичева же отправили в Уральск, где, после некоторого пребывания его в тюрьме, расстреляли.

Здесь-то, вот эти «Бис-Кунаки», о которых я упомянул, поморозили великое множество людей. Рассказывали про одну пулеметную команду, которая была в составе 60 человек и которая, остановившись на ночлег прямо на снегу, замерзла вся. Один молодой офицер, у которого отмерзли руки, просил проходивших пристрелить его, но никто не решался это сделать.

Отдельные группы людей дошли до Рыбацкого поселка Прорва и здесь собралось много людей. Решили идти по льду до Форта, этим путь сокращался, может быть, дней на 20-25.

Двинулись в море, но, пройдя некоторое расстояние, увидели, что лед поломан сильным встречным ветром. Вернулись обратно, ждали, когда лед снова замерзнет и снова пытались.

И опять получилась та-же картина, и на сей раз, когда они вернулись в Прорву, там уже были красные. В Прорве же очутилась и школа прапорщиков под командой полковника Донскова, с пулеметной командой, которой командовал подесаул В. Карташев. Школа в это время насчитывала всего тридцать человек. Донсков был болен и школа решила сдаться. Подесаул Карташев отказался от сдачи и решил уходить дальше в поход. Он взял с собой Войсковое знамя, 4 пулемета с 5-ю юнкерами, двумя офицерами и 4-мя казаками, ночью ушел из Прорвы и благополучно дошел до Форта.

Полковник Донсков был сразу расстрелян появившимися красными, а с ним и оставшиеся юнкера. Там же был расстрелян и генерал В. П. Мартынов, который однажды избирался Войсковым Атаманом, в дальнейшем же был помощником Толстова по хозяйственной части.

Он погиб вместе со своей канцелярией.

Умер от тифа герой, командир 1-го Партизанского полка, Абрамов.

Застрелился член Войскового Правительства подесаул Савичев.

Погиб полковник Семенов со своим отрядом.

Киргизы, воспользовавшись бедственным положением Уральцев, как стаи волков, нападали на отдельные группы людей, убивали их и грабили. Нападали на питательные пункты и увозили провизию.

Они же напали на отряд, который вез Войсковую казну, состоявшую из серебряных рублей, находившихся в ящиках по 2-3 пуда каждый.

Они убили Войскового старшину Домашнева, заведывавшего казной и увезли несколько ящиков серебра.

Они же у замерзших казаков отрубали ноги, везли к себе в аулы, там оттаивали эти ноги и снимали сапоги. Небольшие части Оренбургских казаков решили сдаться красным и стали заворачивать Уральцев, но, как будто, зверств не чинили.

Был слух, что передовые отряды красных, которые, настигая казаков, чинили непревзойденные зверства, были советскими властями притянуты к ответственности.

Поход длился 2 месяца, дошла до Форта только 4-ая часть вышедших, а по слухам вышло из пределов Войска 11.000 людей.

Из этих дошедших много было поморожениых. Дошли до Форта только те, которые были молоды, здоровы и хорошо экипированы. Дошла английская миссия, потеряв лишь одного сержанта, пропавшего без вести.

Теперь я скажу немного о том, что сталось с теми, которые остались в Войске.

Всё Войско было заполнено советскими отрядами, которые вылавливали казаков и начали разгружать город Гурьев. Отправляли небольшими группами под конвоем в Уральск и, по свидетельству одного бежавшего оттуда Уральца, когда конвой был из украинцев, то очень часто эти украинцы, по дороге приканчивали всех. Почему у украинцев была такая злоба к Уральцам — неизвестно.

Затем красные набрали со всех сторон Уральцев, сформировали полк и отправили его на польский фронт, но казаки там быстро передавались полякам.

Форт Александровск представлял собой маленькую крепость, построенную когда-то русскими, как базу для поко-

рения Туркестана. Киргизы называют его Кетык, что, в переводе, означает следующее: вообразите себе ряд зубов во рту и одного из зубов не хватает. Это беззубое пространство и есть Кетык. Весь берег полуострова Мангишлака довольно высокий и оканчивается у моря обрывом. Только в единственном месте берега раздаются, давая путь к морю. Вот там-то и находится Форт Александровск. Выдвинувшаяся от Форта песчаная коса образует небольшую бухту.

В двух верстах от Форта, на этой косе, находится русский рыбацкий поселок, называемый Николаевской станицей. Это название идет от когда-то поселенных здесь Оренбургских казаков, которых теперь там и в помине нет.

Вокруг Форта жили оседлые киргизы и туркмены.

Вот, в такое-то место и докатились уцелевшие остатки Уральской Армии.

Русские рыбаки, жившие в станице, были почти все большевизаны и ранее имели сообщение с Россией через Астрахань, куда они отправляли рыбу, получая оттуда продукты питания и прочее.

Я не мог определить, чем они жили в данное время, так как сообщения с Астраханью не было, заметил только, что в каждом доме был самогонный аппарат.

Атаман собрал Малый Круг с председателем, казаком Котельниковым и сформировал бригаду из уцелевших казаков.

Бригадой командовал полковник К. И. Карнаухов, первым полком — старшина И. И. Климов, а вторым есаул П. А. Фадеев.

Атаман немедленно приступил к эвакуации раненых, помороженных и больных в госпиталя на Кавказ, но у него сразу же начались нелады с Каспийской флотилией и поэтому эвакуация шла медленно. Флот иногда присылал пароходы, но не грузили на них людей, а грузили соль или что-то еще такое.

Во вторую очередь эвакуировали всех иногородних и все не казачьи части. И, вот, наконец, дошла очередь до казачьих семейств.

Даны были пароходы «Опыт» и «Милютин» и началась погрузка казачьих семей и их небольшого имущества, а также и Войсковой казны. В этот момент появились два советских корабля и выпустили несколько снарядов по Форту. Ка-

питан «Опыта» и «Милютина» приказали пассажирам сойти на берег, сказав, что они сейчас примут бой.

Всё же имущество и половина Войсковой казны осталось на пароходе. Полки по тревоге выстроились в ожидании дальнейших приказаний. Снаряды сыпались на бухту и не причиняли никакого вреда.

Уже совсем начало темнеть, когда наши пароходы вышли в море и с тех пор мы их больше не видели.

Они бросили Уральцев на произвол судьбы и ни разу не попытались их выручить. Мало того, они всё имущество Уральцев и также Войсковую казну — 24 ящика серебряных рублей по два пуда весом в каждом — поделили между собой. Дальше события развернулись быстрым темпом. По радио красные прислали предложение Уральцам сдаться, обещая сохранение жизни всем, даже Атаману. Встрепенувшиеся местные рыбаки стали убеждать казаков сдаться, говоря, что теперь наступит настоящий мир и все вернутся по домам к своим семьям.

Раздававшиеся выстрелы орудий и пулеметов, полная темнота и казаки, вынесшие двухлетнюю гражданскую жестокую войну и ужасы зимнего похода, помня разрушенные станицы и брошенные семьи, потеряли импульс к сопротивлению, тем более, что впереди был снова поход по бескрайним пустыням Туркестана и уже, на сей раз, без коней, верблюдов и безо всяких рессурсов — казаки сдались.

Красные отбрали головку и увезли в Москву; попал туда и старый генерал Толстов, отец Атамана и знаменитый в Войске генерал Г. К. Бородин, бывший командиром 1-го Уральского полка в Германскую войну. Там их судили и расстреляли. Вот вам большевистская гарантия жизни!

Атаман был в ссоре с генералом Бородиным за то, что Бородин сильно критиковал действия Атамана, вообще, Атаман имел характер крутой и со многими своими сподвижниками был в ссоре. Многие казаки не могли ему простить, что он разогнал Войсковой Круг.

Также не могли простить и то, что он приблизил к себе откуда-то взявшегося поручика Дзинциоло-Дзиндциковского, которому дал неограниченную власть в Войске. Этот поручик имел право безнаказанно реквизировать лошадей у беженцев и всё, что нужно было для Армии, и он делал это грубо, иногда порол.

Однажды он налетел на хорунжего И. Д. Яганова, сподвижника Атамана в Мергеневском событии. Яганов, раненый, в тарантасе, запряженном парой лошадей. Поручик потребовал этих и только потому, что это был Яганов, пославший его к черту — он отошел ни с чем.

Уральцы в Форте решили с ним расчитаться как следует и следили, чтобы он не удрал на Кавказ, но он все-таки удрал. Перед тем, как последние пароходы вышли, он на лодке вышел в море и там, повидимому, один из пароходов его подобрал.

Сдалось всего 2 генерала, 27 офицеров и 1600 казаков и с ними красные захватили и остальные 24 ящика серебра Войсковой казны.

По слухам, казаков отправили сначала в Астрахань, там частью мобилизовали и отправили на Врангеля.

Но, кто-то донес, что Уральцы ненадежны и собираются сдаться Врангелю, тогда большевики их распылили по другим частям.

Но не все казаки в Форте сдались красным. Атаман, некоторые казаки из полков и отдельные личности вышли за околицу в 11 часов ночи 22-го марта 1920 года, так как всё это произошло неожиданно и никакого плана не было на дальнейшее и не было на такой случай сборного пункта, то вышли люди только случайно узнавшие, что Атаман уходит.

Некоторые уже поздно узнавшие, не смогли присоединиться, так как оставшиеся стали их задерживать и, наоборот, небольшая часть из тех, что вышли, особенно слабые здоровьем, вернулись обратно.

И так начался второй поход Уральцев.

Когда читаешь о прежних Туркестанских походах, которые делало Российское Правительство для покорения Туркестана, то видишь, какая велась подготовка к этому: скупались лошади, верблюды, различные вьюки, бочата для воды, заготовлялся провиант и прочее. Здесь же вышло с Атаманом 214 человек, среди которых было несколько женщин и детей, почти все пешие. Было штук пять фурманок, на которых разместили несколько мешков сухарей и муки, которые дальновидный Ив. Ив. Климов захватил с собой.

Атаман собрал в круг всех вышедших и обратился с речью, где предупредил всех, что поход будет опасный, тя-

желый и долгий, но никто уже больше не захотел вернуться обратно.

Отойдя немного от Форта, на другое утро Атаман послал киргиза в Форт, чтобы узнать о событиях. А Форт был еще виден и видны были советские корабли.

К ночи вернулся киргиз и привез письма Атаману и некоторым другим лицам. Атаману писал председатель Малого Круга и его отец, которого красные забрали на миноносец. Отец Атамана уговаривал сына вернуться, говоря, что ему большевики гарантируют жизнь и что только увезут в Москву для суда.

Вышли в поход люди, не имея абсолютно ничего, даже чашки с ложкой и никакой подстилки для ночлега, но были у всех винтовки и было 3-4 пулемета и малое количество патронов. Были также взяты Войсковые Знамена.

Прежде всего Атаман разбил людей на 4 взвода и назначил командиром 1-го взвода полковника К. И. Карнаухова, 2-го — Войскового Старшину И. И. Климова, 3-го — Есаула Жигалина и 4-го — Есаула П. А. Фадеева.

Сам же Атаман стал командиром Сотни.

Немедленно были высланы пешие отряды в сторону от движения, чтобы найти киргизские кибитки и забрать у них верблюдов, баранов и всё, нужное для похода.

Уральцы, как утопающие, хватались за каждую соломинку, чтобы найти какой-то выход из создавшегося положения. Прослышали, что генерал Акамеков с Бухарской миссией возвращался с Кавказа и где-то должен был быть недалеко в степи.

Посланный к нему полковник Т. И. Сладков разыскал его, но чем-либо помочь нам он или не хотел, или не мог.

26-го марта оказалось в отряде 26 киргизских арб, 31 лошадь, 73 верблюда, муки и пшеницы 55 пудов.

Так, постепенно, медленно подвигаясь вдоль берега Каспийского моря и делая все время налеты на киргизов, отряд обзаводится верблюдами, бочатами, а, главное, баранами.

Увидели однажды корабль на море и сразу появилась надежда — не выхлопотал-ли наш помощник Атамана Ал. Ал. Михеев, находившийся в это время в Баку, какой-нибудь корабль Добровольческого флота для нас.

Этот корабль появлялся неоднократно и однажды открыл орудийную стрельбу по нас.

Надежды, конечно, сразу рухнули. Поведение этого корабля было более или менее странное. Никакой высадки он не сделал и не старался связаться с нами.

В отряде было 53 офицера, большинство из них пожилые из штабных или тыловых должностей. Эта категория была большой обузой для казаков, так как в налеты на киргизов они не были способны ходить и казаки должны были им доставать всё необходимое.

В отряде была небольшая группа боевого партизана, капитана Решетникова, выходца откуда-то из России. Решетников умудрился из Форта вывезти муку, не знаю сколько, и, когда Атаман пожелал, чтобы эта мука пошла в общее пользование, то он выдать ее отказался и сказал, что покидает отряд.

Куда он ушел, я не знаю, возможно, пошел в Россию, а было у него всего 17 человек. Между тем, налеты на киргизов всё продолжались и теперь они не проходили безнаказанно, ранен был подхорунжий Ставкин.

Однажды ночью, когда отряд спал, посыпались откуда-то выстрелы и раздались бешеные крики киргизов.

Киргизы хотели навести панику, а главное, спугнуть баранов. И, действительно, бараны шарахнулись куда-то в темноту и так мы их больше не видели. А было их 80 штук.

Наконец, в последний налет пошел сам Атаман со своим адъютантом, есаулом Митрясовым, и налет был удачен: он привел достаточное количество верблюдов и баранов, так что теперь весь отряд сел на верблюдов. Но киргизы открыли стрельбу и, когда казаки стали отстреливаться, то у многих затворы винтовок не работали.

Придя в лагерь, Атаман всех разнес и приказал всем чистить оружие.

Порезали баранов, посолили мясо и начали делать большие переходы.

Главная цель Атамана была теперь это находить колодцы. Карта была устаревшая, сорокаверстка — она была далеко недостаточна.

Все время захватывали киргизы проводников, но они, иногда, наоборот, отводили от колодцев.

Колодцы в Средней Азии были потрясающие, будто-бы строились при Тамерлане. Они были иногда глубиной до 30 сажен и выложены до самого дна тесаным камнем и у некоторых находились выдолбленные из камня колоды для водо-

поя скота. Колодцы эти были расположены маленькими группами.

Откуда люди в старину доставали этот камень? Приходилось удивляться. Колодцы были в великолепном состоянии, но редко в них мы находили хорошую воду, в большинстве из них вода была горько-соленая, а иногда это была просто горькая хина, которую даже верблюды не пили. Там, где попадалась хорошая вода, делали запас в боченки и устраивали дневки. Чтобы напоить двести верблюдов, это была работа на весь день. Бочку с выбитым дном окручивали веревкой и устраивали что-то вроде ворота, запрягали верблюда и он тянул эту бочку полную воды с глубины 30 сажен.

Средний верблюд пил 5-6 ведер, а феноменальный мастодонт хорунжего И. Карамышева пил, кажется, без конца. Иногда по несколько дней не поили верблюдов, да и сами иногда по двое суток не имели ни капли воды в те жары, которые наступили.

Достали у киргиз небольшие каменные жернова, чтобы размалывать пшеницу, но это была работа! Причем пшеница не могла быть размолотой как следует и из этой штуки пекли хлеб.

Такое питание и вода вызвали у всех ужасную дизентерию, которая продолжалась в течение всего похода. Люди назначались в наряд каждый третий день и на постах иногда спали; не было никакой возможности бороться со сном, пройдя 60 верст пешком или даже на верблюде.

Когда всё было готово для длительного перехода, от отряда отделилось три группы. Это произошло 18-го апреля, когда отряд был всего в 350 верстах от Форта Александровска.

Ушел полковник Т. И. Сладков с 10-12 Уральцами на рыболовный промысел Киндерм, там захватил большую рыболовную лодку и, выйдя в море, прошел мимо Красноводска и вышел на Персию. Он был удачлив.

Вторая группа с полковником Ереминым пошла на Аральское море к Уральцам-уходцам, но была настигнута киргизами и вырезана.

Третья группа с генералом Моторновым пошла на Красноводск и я не знаю, что с ней сталось.

Эти две последние группы были, главным образом, из тех *штабных офицеров, о которых я говорил раньше.* Причина их ухода была та, что они не разделяли плана Атамана

идти на Персию, и каждый предлагал свой план. Атаман им заявил, что он командир сотни, у него 4 взводных, с которыми он обсуждает все нужные вопросы и советов со стороны ему не нужно.

Кроме того, они не особенно доверяли казакам, возможно боялись выдачи красным.

Отряд оказался теперь в составе 163 человек, включая женщин и детей.

Вместе со Сладковым ушел командир 3-го взвода есаул Жигалин, вместо него Атаман назначил хорунжего И. Карамышева.

Вскоре произошло событие, довольно печальное для Уральцев. В одной долине захватили двух киргизов с несколькими верблюдами и просили их быть проводниками, обещая их наградить и вернуть верблюдов. Остановившись на ночлег, стали их спрашивать о колодцах. Оба сказали, что они не знают. Всех удивило, что они не знают колодцев своей местности. Приступили к порке, так как в отряде совершенно не было воды и колодцы нужно было, во что бы то ни стало, найти. Один из киргизов, Сарман, вырвался у казаков и быстро, быстро прибежал к И. И. Климову и свернулся перед ним калачиком. Казаки не решились его отнять у такой уважаемой личности, как Климов. Благодарный Сарман сказал Климову: — Хоть ты и русский, но ты хороший человек. — Другого-же киргиза пороли, но он наотрез отказался указать колодцы. Отдали его под охрану в 4-ый взвод есаула Фадеева. Ночью этот киргиз сбежал и, повидимому, добежал до своих и организовал маленькую шайку, чтобы отомстить казакам. На заре раздались выстрелы по лагерю из киргизских могилок, которые были недалеко от нашего ночлега. Было убито два верблюда. 4-ый взвод немедленно пошел на выстрелы, но киргиза и след простыл, нашли только пустые патроны.

Атаман выслал полковника Корнаухова с 6-ю конными казаками его преследовать. Выскочили казаки на небольшую возвышенность, далеко растянувшись один от другого и увидели справа группу киргизов.

Вахмистр Фофанов, с двумя казаками, кинулся на них. Киргизы вскочили на коней и скрылись в какой-то овраг. Один же из них, предполагают, что это был бежавший от нас, остался и, поставив свою винтовку на рогатки, взял первого

казака на мушку, сшиб его, а затем второго и третьего. Сам же, сев на коня, спустился в овраг и бежал.

Все трое казаков были ранены, один из них, Лифанов, очень тяжело.

Атаман рассвирепел и расформировал 4-ый взвод и включил людей в другие взводы.

Едва ли Атаман был прав в своем поступке. Таким образом стало в сотне 3 взвода, четвертый никогда не был восстановлен.

После этого события двинулись дальше и верстах в пяти нашли колодец с прекрасной водой.

Киргиз безусловно знал его, но упорно не пожелал нам его указать.

Киргизы сказали, что дальше, на протяжении 300 верст будет мертвая полоса, так как киргизы и туркмены находятся во вражде между собой, то в эту полосу не решаются идти ни одни, ни другие.

Двинулся отряд тремя параллельными колоннами с интервалами в полверсты, с целью захватить большую дистанцию в поисках колодцев.

Двигались по плоскогорьям и по возвышенностям и по барханам, не встречая ни одной живой души. Видели иногда сайгаков и в песках больших сухопутных черепах.

Совершенно неожиданно вышли на залив Кара-Бугаз, и в начале мая совершили крутой и высокий спуск с плоскогорья в обширные долины, где встретили первых туркменов.

Так как у нас, хотя и скудно, но всё было, вели мы себя с туркменами, как агнцы, ничего у них не брали, купить же не могли ничего, так как бумажные деньги, которые нам приходилось всучивать киргизам, туркменами не принимались.

Иван Иванович Климов, в сущности, выручал отряд из всех трудностей. Он хорошо говорил по-киргизски и немного по-туркменски и знал прекрасно психологию и тех и других. Развел с ними такую восточную дипломатию, что туркмены иногда нас хорошо встречали, даже угощали и давали проводников. Но, вместе с этим, они были за большевиков, которые, занятые войнами, ничего им дурного не делали. Так, постепенно, отряд пересек старое русло Аму-Дарьи и, в течение нескольких переходов, дошел до линии железной дороги Ташкент-Красноводск.

Линия была занята отрядами красных, так же, как и Красноводск и, вообще, весь Туркестан.

Остановились в песках, верстах в 20-ти от железной дороги и выждали вечера.

Вдруг в небе появился аэроплан и, сделав два-три круга над нами, улетел.

Люди своевременно попрятались за верблюдов и за коекакие редкие кусты.

Предполагали, что красные узнали о нашем движении и искали нас, но это не нарушило нашего основного плана, и, с наступлением темноты, тронулись в путь к железной дороге.

Вел нас туркмен, которому была обещана винтовка и лошадь.

Момент был тревожный, повидимому это передалось и верблюдам, шли они очень ходко.

Тишина была потрясающая, курить запрещено. На рассвете наткнулись на рельсы, перешли их и сразу уткнулись в глубокий овраг. Подались влево, нашли крутой, с уступом, переход через этот овраг и тут всё смешалось, весь порядок нарушился, так как верблюды не хотели прыгать с этого уступа. Но как-то всё обошлось, пересекли овраг и вошли в ущелье, которое было среди горного хребта. Пересекли железную дорогу недалеко от Кызыл-Арвата.

Когда вошли в ущелье, то совсем уже рассветало, сразу заговорили, закурили.

Прошли какое-то расстояние и остановились на ночлег. Ночью посыпались выстрелы с горы. Потушили костры и недоумевали, кто мог стрелять?

Двигаясь дальше, страдая от бешеной жары и жажды, находили громадные группы туркменских кибиток, иногда до 300, старались избегать в них заходить.

Местность была густо заселена туркменами.

Дошли до реки Атрека, здесь произошли неприятности с проводниками.

Всё дело в том, что мы уставших верблюдов бросали в степи, проводники набрасывались на них, чтобы затаврить, расчитывая по окончании своей миссии, на обратном пути, отдохнувших забрать.

Проводники спорили, чуть не дрались из-за этих верблюдов и отряд терял массу времени из-за этого.

Атаман приказал пристреливать всех уставших верблюдов. Вот это-то проводникам не нравилось и они отказывались сопровождать нас.

Переправившись через Атрек, увидели какой-то полуразвалившийся старый пограничный пост, расположились около него и пустили верблюдов на корм.

В степи появились большие — в 200-300 человек — группы конных и до зубов вооруженных туркменов. Они, без всякого строя, скопом, начали вдали скакать вокруг нас с гортанными криками.

Когда наш отдых кончился, казаки пошли за разбредшимися верблюдами. В это время посыпались на нас пули. Атаман отделил часть казаков, чтобы вьючить верблюдов, а остальных рассыпал в цепь.

Наши выстрелы сразу осадили туркмен.

Убили у нас малолетка Болдырева, тяжело ранили урядника Маркова, который вскоре умер, и было убито три верблюда.

Теперь пошли без проводников и отряд уже шел боевым порядком, в средием шел караван с женщинами, детьми и ранеными, спереди же и сзади и на флангах шли редкие цепи стрелков.

По дороге, уже ночью, встретился крутой и широкий овраг, который сильно расстроил наш строй.

Только что начали, переправившись, выходить на другой берег, посыпались выстрелы справа. Атаман, с криком „Ура", бросился с казаками на выстрелы и сбил атаковавших, которые скрылись в овраг. Ранеными оказались барышня Таршилова и жена сотника Пастухова и убито 3 верблюда, среди них попал и мой бедняга.

Немного спустя посыпались пули сзади и выстрелы еще продолжались, как к отряду подъехали, с мирными знаками, несколько старых туркменов.

К туркменам подходит смешная пословица: «Я не я и лошадь не моя и сам я не извозчик».

Они сказали, что их туркмены здесь не при чем, а стреляло другое племя туркмен, спустившихся с гор. Их спешили, отобрали винтовки, понюхали стволы этих винтовок и определили, что это не они стреляли и просили пойти в хвост отряда и кричать туркменам, чтобы они прекратили стрельбу. Туркмены отказались. Тогда есаул Митрясов взял одного за шиворот и повел. Туркмен здорово струсил под

пулями и начал кричать во всю глотку, чтобы его собратья перестали стрелять.

Это подействовало, стрельба прекратилась. Так отряд двигался всю ночь, только на утро выбрали место для отдыха, на хорошем пастбище — кругом же были большие группы кибиток. Туркмен всех отпустили, возвратив их оружие, они обещали доставить отряду баранов, но, конечно, обещания не сдержали.

Похоронили Болдырева и Маркова и только здесь обнаружили, что пропал урядник Юрков.

Когда отряд останавливался на десятиминутный отдых, все казаки падали на землю от усталости и некоторые сейчас же засыпали, так, вероятно случилось и с ним и никто этого не заметил. Атаман послал казаков на розыски, но на месте стоянки его не нашли, видели вдали двух конных туркмен, которые конвоировали пешего — вероятно это был он.

Пришел в расположение отряда туркмен, отрекомендовавшийся «хозяином всех аулов», как выяснилоеь, советский комиссар и сказал, что в Чикишляре, в 70 верстах от нас, находится полк красной кавалерии. Этот комиссар, повидимому, не догадывался, кто мы и обещал многое сделать для нас. Некоторое время спустя, он куда-то сходил и принес десять чуреков и полудохлого барашка, и с ним вместе появилось несколько туркмен гостей.

В это время, верстах в двух от нас стали появляться конные группы туркмен.

Спросили «хозяина всех аулов», — Что это за всадники? — Он объяснил, что это группы едут сообща косить ячмень.

— А что-же у них блестит?

— Это косы и серпы, — не моргнув глазом, отвечает туркмен.

Постепенно все туркмены исчезают, так же и сам «хозяин аулов», и отряд остался совершенно без туркмен. Неожиданно появились два конных старика. Их задержали силой.

Оставаться на стоянке становилось опасно и отряд двинулся в боевом порядке дальше. Эти два туркмена, на конях шли с головной цепью.

Люди едва волокли ноги от усталости и жажды, под палящими лучами солнца.

Вдруг один из туркмен раскачал своего коня плетью и стал удирать.

Есаул Митрясов вскинул винтовку, но Атаман остановил его.

Спешили второго туркмена и Атаман приказал неожиданно повернуть направление каравана и занять громадную группу кибиток, так как, по всем признакам, впереди была устроена засада.

Население кибиток в панике начало разбегаться, некоторых из них казаки задержали с той целью, чтобы не было нападения на аул.

Киргизы и туркмены, как правило, никогда не будут атаковать аул, если там есть один из их сородичей. Напились казаки в кибитках айряну (жидкое кислое молоко), немного передохнули и пошли дальше.

Оказалось, действительно, была приготовлена засада, и казаки расстроили их планы, переменив направление.

Только что выдвинулись из аула, как снова появились конные группы туркмен, которые начали кружиться вокруг отряда и обстреливать его. Пешие цепи казаков, отстреливаясь, держали их на приличном расстоянии.

Ранили в руку Войскового старшину Климова.

Под таким обстрелом и, слыша со всех сторон воинственные гортанные крики туркмен, уставший и обессиленный отряд втянулся в ряд невысоких холмов. Эти холмы, иногда, скрывая нас, давали возможность туркменам подбираться довольно близко к нам.

Дойдя до одной котловины, отряд собрался в кучу и все попадали на землю, чтобы немного передохнуть. Ранее задержанный туркмен сказал, что колодцы есть в ущелье в цепи невысоких гор, в пяти-шести верстах впереди отряда. И видно было, что туркмены не хотят к ним допускать казаков. Так как черные папахи туркмен подобрались совсем близко, то неутомимый Климов, с перевязанной рукой, первый выскочил с криком „Ура"' на гребень холма, за ним группа казаков. Атаман, простившись с семьей, также выскочил на гребень, как и остальные казаки и начался бой, длившийся недолго.

Туркмены были сбиты. Поймали еще одного туркмена и приказали ему вести в ущелье к колодцам.

Впереди пошли цепи казаков, а один взвод оставлен в прикрытие каравану.

Были убиты подхорунжий Завалов, старший урядник Сергеев, прапорщик Горшков, ранены поручик Сидоренко,

казаки Фадин и Зевакин и убито несколько верблюдов.

Дошли до ущелья уже ночью. В ущелье был небольшой аул и великолепные мелкие колодцы с прекрасной водой.

Так закончился двухсуточный переход без сна и воды.

Жители все разбежались. Много казаки нашли съестного в кибитках, а арьян и воду пили без конца до одурения. Ночью появилось несколько туркмен стариков и все уверяли, что они ни при чем, что атаковали нас другие племена туркмен. Этих стариков оставили, как заложников, выставили охрану и завалились спать. На утро двинулись дальше.

Впереди нам предстояло пройти туркменский городок Кумет. Разноречивы были показания туркмен относительно населения этого городка, но миновать его было нельзя.

Отряд шел медленно, на ходу кормя верблюдов. Встречались пустые аулы т.е. группы кибиток. Прошли весь день и, начавшийся к вечеру, сильный дождь принудил нас остановиться на ночлег. Промокли до нитки, так как нечем было укрыться. Утром умер от раны казак Фадин. Похоронили его и, двинувшись дальше, увидели вдали какую-то башню. Это и был Кумет. Увидели красочную группу туркмен, едущих к нам навстречу.

Чтобы их достойно встретить, Атаман собрал в отряде у кого брюки, у кого сапоги, чтобы иметь приличный вид.

Туркмены выехали узнать, что за люди появились в их владениях.

Сказали нам, что мы покинули страну туркмен Ак Атабаевцев, здесь же были Джаф-Арбайцы. Атаман поехал с ними в город, отряд же последовал за ним вслед и, перейдя по мосту небольшую, быстро текущую, вздувшуюся от дождя, речку, остановился на указанном берегу, очень близко от города.

Атаман, Климов и несколько казаков пошли в город на совещание с главарями туркмен. Туркмены очень хорошо их угостили. Когда Атаман объяснил им, что отряд идет в Персию, в село Рамианы и просил проводников, то туркмены запросили очень большое количество винтовок за услугу и, вообще, почувствовалось, что они проводников не дадут.

Ни с чем вернулся в лагерь Атаман.

В это время много туркмен наводнило лагерь.

Наш киргиз Сарман, который сопровождал нас, оказался очень симпатичным и во время похода оказывал большие услуги, особенно по вьючке на верблюдах раненых.

И на сей раз он оказал особенно важную услугу. Оказывается, в городе жил среди туркмен один киргиз, который также пришел посмотреть на русских и сказал по секрету Сарману, что туркмены нам отвели это место на берегу речки с намерением нас здесь ночью вырезать.

Сарман сейчас же об этом доложил Атаману.

Атаман немедленно приказал вьючить верблюдов, сам повел стрелков и занял центр города. Расположился отряд в каком-то караван-сарае. Город представлял собой потревоженный муравейник, всюду на улицах были группы вооруженных до зубов туркмен. Они все имели турецкие винтовки, кривые шашки и были обвешаны патронами.

Провели ночь в полной тревоге, а на утро был выслан караван под прикрытием одного взвода во главе с войсковым старшиной Климовым, чтобы начать переправу через вздутую горную речку Гюрчень, в семи верстах от города.

Остались в караван-сарае с Атаманом в полной боевой готовности 70 стрелков при одном пулемете.

Кстати о пулемете. Он был в распоряжении подъесаула Карташева, им пользоваться приходилось редко, потому что патроны были совсем на исходе и только для устрашения из него иногда выпускали небольшую очередь.

В нашем расположении оказалась семья Мамета, главного из туркмен, и он просил уйти с этого места и занять другое. Для этой цели он предложил занять башню, которая находилась на окраине города и водил туда Атамана, чтобы он посмотрел.

Между тем, на мосту была поставлена стража, состоявшая из туркмен и казаков, будто-бы Ан-Атабаевцы могли напасть на город и ясно было, что туркмены готовят что-то, так как стража пропускала всё время вооруженных всадников.

Наконец, к Атаману прискакал гонец от Климова и сказал, что переправа началась. Тогда Атаман заявил Мамету, что получено донесение, что переправа невозможна и караван вернется в город и что он перейдет с отрядом к башне, где есть корм для верблюдов. Сам же вывел стрелков цепочкой по обеим сторонам улицы, повернув в противоположную сторону, вывел на околицу, захватил казаков с моста и, развернув стрелков в широкую цепь, начал медленно отходить в направлении переправы.

Сейчас же, на крышах домов появились туркмены и началась стрельба по казакам, но это нисколько не ускорило движения цепи, так как нужно было оттянуть время, чтобы дать возможность Климову переправить через речку караван.

Постепенно, отстреливаясь, цепь дошла до переправы и залегла. Туркмены преследовали всё время и часто видны были в траве их черные папахи. Эти папахи быстро исчезали при наших выстрелах. У самой переправы они энергичнее повели обстрел, но безрезультатно

Переправа была необычайно трудная. Верблюды не хотели идти в быстроту, им накидывали на шею веревки и с другой стороны их тянули за эти веревки, а с этой стороны их сталкивали в воду. Была еще протянута веревка с маленьким плотом из боченков, на которых перевозили раненых и женщин с детьми. С атаманской семьей произошло несчастье. С плота сорвалась теща Атамана, имевшая в руках дочку Атамана 3-х лет. Течение их быстро стало относить. С другого берега бросился казак Ковалев и спас их обеих, но девочку едва отходили, она наглоталась воды.

Переправа закончилась, когда уже совсем стало темнеть, цепи начали отходить и переправляться вплавь через речку. Были опять потери и один убитый остался не вывезенным.

Была лунная ночь. Выяснилось, что туркмены приготовили засаду на большой дороге, но отряд прошел без дороги и они временно потеряли связь с отрядом.

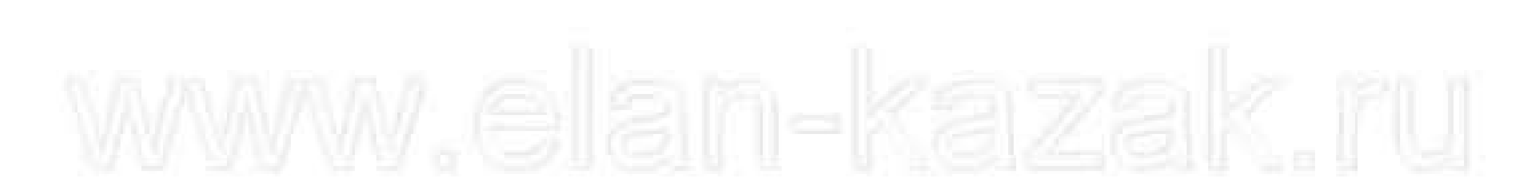
Когда же они обнаружили отряд, то опять большими конными группами начали кружить вокруг казаков.

К воинственным крикам туркмен присоединились дикие вопли шакалов и это, вместе с раздававшимися выстрелами, являло кошмарную картину. Это продолжалось до тех пор, пока отряд не вошел в заросли бамбука в мелкой воде.

С трудом пробираясь среди этого бамбука, услышали какой-то шум. Это стадо буйволов, напуганное стрельбой, пронеслось, ломая бамбук, куда-то. Эти буйволы бежали из аула, расположенного на острове среди бамбука.

Вышли на аул, который был пуст. Все жители бежали в панике. Ранен был казак Рыгин. Наш туркмен сбежал в бамбук, но его нашли. Он от всего отлынивал и толку от него никакого не было.

Настало утро. Двигались дальше, пересекли овраги, поднимались на возвышенности, спускались в долины, все время преследуемые туркменами.

Всё же персидскую границу перешли и увидели слева большие горы, покрытые лесом, а прямо, спускающуюся долину с возделанными полями.

Туркмены за границу не рискнули идти, послали нам вслед несколько пуль и, наконец, оставили нас.

К 9-ти часам утра добрели до первого персидского селения Рамианы, затерянного среди зеленых деревьев в подножии Персидского Хребта.

Это было 22-го мая 1920 года.

Так закончился второй поход Уральцев, длившийся ровно 2 месяца.

Получили сведения, что в то время, когда мы остановились на ночлег из-за проливного дождя, за один переход до Кумета, нас преследовал отряд красных и что будто-бы командир отряда, бывший офицер, умышленно отвел отряд от нас, за что поплатился жизнью. Был красными расстрелян. Но это только слух, что же касается города Кумета, сведения были таковы: в конце 1916 года, во всем южном Туркестане были крупные восстания восточных народностей против Российского Государства. Все эти восстания были финансированы немцами и были вооружены турецким оружием. Так, по свидетельству нашего казака Петра Овчинникова, были крупные восстания в г. Пржевальске.

Овчинников богатый казак, был коннозаводчиком и, как большой знаток лошадей, был послан туда правительством с комиссией для набора лошадей для русской кавалерии.

В этот период и произошли восстания. Так как русские власти растерялись и были бездеятельны, то Петр Овчинников, казак станицы Сламихинской, захватил власть в городе и всего с 13-ю солдатами гарнизона навел порядок и в окрестностях Пржевальска выручил до 5 тысяч русских, плененных туземцами и находившихся в плачевном состоянии на большом дворе какого-то здания.

Овчинников был награжден Георгиевским крестом. Так, вот, эта-то волна докатилась и до Кумета и туркмены там вырезали всё русское пограничное население, а имущество их разграбили, а дома их заколотили. Мы эти заколоченные и нежилые дома и видели в Кумете, но не знали причины, почему они были заколочены.

Вероятно, они так же хотели поступить и с нами, но нарвались на воинов с большим опытом.

В Рамианах, в это время оказался сын Персидского губернатора, молодой чтловек, весьма симпатичный, который нас расположил в гранатовом саду и отвел пастбище для наших верблюдов и послал гонца к своему отцу в г. Астрабад.

Расположились мы между деревьев и, наконец, могли вздохнуть после всех мучений и усилий похода.

Похоронили поручика Сидоренко, умершего от тяжелой раны. Он не был казаком, но казаки его уважали и любили, и он выказал себя героем.

Через несколько дней прискакал гонец от губернатора. Он приказал сыну нас обезоружить, согласно международным обычаям, после чего отряд двинулся через Персидский хребет в г. Шахруд, под охраной персидских воинов. В Шахруде Атаман постарался войти в связь с англичанами, находившимися в Тегеране, а пока что, отряд расположился в одном караван-сарае. Все люди отряда, как сговорившись, свалились больными малярией и дизентерией. Организмы у всех сдали.

Похоронили генерала Еремина, жену сотника Пастухова, раненую в походе, вахмистра Карташева, прапорщика Пономарева, стариков Истомина и Болдырева, казака Скачкова, маленькую дочку Тартилова и еще 2-3 казаков, фамилии их забыл.

Вернули киргизу Сарману его пять верблюдов и дали еще пять. Остальных же продали. Там же продал есаул Митрясов своего саврасого маштака, который совершил оба похода. Но персы решили воспользоваться нашей беспомощностью и устроили блокаду, сговорившись со всеми покупателями не давать больше 10-15 туманов за верблюда, тогда как настоящая стоимость была 100 туманов. Пришлось продать по их цене.

Эти деньги были истрачены на наем фургонов, чтобы доехать до Тегерана и на уплату доктору и на медикаменты. Доктор, перс, с французским образованием тоже воспользовался случаем и прекрасно на нас заработал.

Добрались до Тегерана. Там нас русская колония очень радушно приняла, вымыла в бане и поместила в здании русской гимназии, где в это время уже не было занятий.

В Тегеране же войсковые старшины Климов, Мазинов, есаул Фадеев поступили в Персидскую дивизию, где почти весь кадр был русский и командовал дивизией русский, если не ошибаюсь, полковник Старосельский, начальником штаба был Кондратьев.

Русский строй, русские формы и русские сигналы.

В это время Персия имела столкновения и бои с советами и дивизия принимала главное участие. И вот, наш уважаемый войсковой старшина И. И. Климов, с подлеченной рукой, сразу выдвинулся и получил награды и повышения, а через 2-3 боя уже был назначен Персидским шахом начальником всей персидской кавалерии. А за один блестящий бой под одной деревней, шах приказал эту деревню назвать Климовкой.

И. И. Климов, казак Глининской станицы, к началу Германской войны 14 года был вахмистром сверхсрочной службы в одной из сотен 3-го Уральского полка. Во время войны выказал себя героем и когда, к концу войны, был приказ по Армии организовать небольшие партизанские отряды из добровольцев казаков, творил чудеса храбрости. Постепенно, за отличия получил офицерский чин. Прийдя в Войско после войны, он играл крупную роль в Правительстве, как Фомичева, так и Атамана Толстова, у которого он был его помощником.

Это был талантливый самородок. В походах он играл решающую и главную роль.

Своей храбростью и распорядительностью он много способствовал успеху походов.

Через неделю после прибытия в Тегеран, дали грузовики и отправили всех одиночек Уральцев в г. Хамадан (библейский город, называвшийся в старину Сузы, там находится крепость Александра Македонского и могила Есфири и Мардохея).

Все же семейные, раненые и больные оставлены временно в Тегеране.

В Хамадане группа находилась в английском военном лагере, расположенном в крепости Александра Македонского.

Там произошли некоторые неприятные сцены с английскими солдатами.

Через 3 месеца приехал Атаман с остальными и все двинулись дальше на персидских фургонах, пересекли Курдистан, прошли по знаменитой дороге народов, где, когда-то

двигались великие завоеватели, прошли Багдад и дошли на г. Басры в Месопотамии.

В Басре англичане нас разместили в лагере среди финиковых польм, на левом берегу Шат-Эль-Араба. Отношение англичан здесь было гораздо лучше, чем в Хамадане.

В этом лагере англичане собрали всех русских беженцев, ушедших от красных, и честь имели встретить моряков Каспийской флотилии, присвоивших наше и Войсковое имущество. Нашлись два моряка, которые принесли Атаману каждый по 150 серебряных рублей.

К великому сожалению, не знаю их фамилий.

Тут же встретил нашего полковника Сладкова с его спутниками, однажды отделившегося от отряда и на лодке добравшегося до Персии.

Атаман вел успешные переговоры с Сербией, и вопрос уже, можно сказать, был решен, как однажды было получено приказание от англичан приготовиться к погрузке на пароход, идущий во Владивосток.

Атаман обратился к английскому правительству с просьбой отсрочить немного нашу отправку, имея в виду переброску нас в Сербию, но многоуважаемый Черчиль прислал телеграмму, — у меня нет ее под руками, но начало ее было таково: «Вы слишком долго пользовались добротой правительства Его Величества и т.д.»

Мы посчитали, что ответ был очень некорректный и полагали, что такого ответа не заслужили, как бывшие союзники и как защитники белой идеи.

Как будто, существовало соглашение Деникина с англичанами, что все русские беженцы, находившиеся на иждивении англичан, должны были быть доставлены к началу 22-го года в первый незанятый русский порт. Таким портом оказался Владивосток.

Не помню, какого числа и месяца, мы, после 9-ти месячного пребывания в Басре, были отправлены на Дальний Восток.

Но англичане, которые оккупировали в это время Персию и Месопотамию, не только нас, бывших на их иждивении, попросили оттуда удалиться, но и вытряхнули всех русских офицеров, бывших в Персидских войсках.

Так блестящая карьера нашего И. И. Климова на этом и закончилась, — он уехал в Чехию.

На пароходе англичане везли нас в трюме, как пленных, в портах, по дороге, пароход останавливался на рейде, но на берег нас нигде не пускали.

После 35-тидневного морского пути прибыли мы во Владивосток, где в это время была японская оккупация и было русское белое правительство Меркулова.

В мою задачу не входит описание событий Владивостока, скажу лишь, как только стоило японцам уйти из Владивостока, как красные сейчас же его заняли и отряд Уральцев ушел в Китай.

В Китае группа казаков из отряда решила вернуться в Россию. По слухам, красные сначала отправили их на копи в Сучан, а через 6 месяцев повезли домой.

Оставшаяся часть отряда с Атаманом перебралась в японские владения в г. Чань-Чунь, недалеко от Харбина и оттуда Атаман привез их в Австралию, за исключением некоторых, которые предпочли остаться в Китае.

С Атаманом уехали в Австралию человек 60.

Вот вам история Уральских казаков. Как я уже сказал, у меня под руками не было никаких документов, всё это погибло в России, так что многое описано то, что я сам видел и что *сам слышал.*

В книге я поместил несколько портретов наших героев, но далеко не всех, я не имел возможности достать их фотографии. Особенно сожалею, что я не поместил портретов Фомичева, председателя Войскового Правительства, крестоносца Кабаева, полковника Курина, генерала Н. Н. Бородина, генерала Г. К. Бородина, полковника П. И. Хорошхина, полковника К. И. Карнаухова, есаула П. М. Карнаухова, сотника Арчашникова и многих других.

А сколько было героев простых казаков!

Многие из казаков других казачьих Войск еще имеют какую-то надежду на восстановление казачьих Войск в будущем. У меня, лично, никаких надежд нет, после того, как я видел всю трагедию гибели Войска, и невольно приходит на память старинное казачье предсказанье: «Яицкое Войско на крови зародилось, на крови и погибнет».

В 1962 году Уральцев заграницей осталось так мало, что едва-ли наберется 100 человек во всех странах. Больше всего их во Франции, а затем в Австралии.

Каждый Войсковой праздник в день Св. Архистратига Михаила собираются они, чтобы вспомнить о Войске и о своих героях.

Казаки, мы сегодня собрались
Славу Уральскую вновь вспомянуть,
Выпить за дедов, что лихо сражались,
Славные дни, их уж нам не вернуть.

***

Полно грустить, наше прошлое с нами,
Честь спасена, и Урал наш седой
Волны катит, казаков вспоминая,
Плачет ночами он горькой слезой.

***

Казаки, поднимайте бокалы,
Выпьем за наших героев лихих.
Храбро сражались они, умирали
Там по степям, средь курганов родных.

***

Выпьем за наши станицы простые,
Выпьем за степь и за ветер степной.
Он принесет перезвон колокольный,
Что нам пришлет наш Собор вековой.

***